

ЕЛИЗАВЕТА РОДИНА

ЖИТЕЙСКИЕ ИСТОРИИ

Рассказы

ИРКУТСК

2016

УДК 82-32
ББК 84.44(2Рос)
Р 60

Р 60 Родина Е.Н. Житейские истории: Рассказы. – Иркутск:
Изд-во «Оттиск», 2016. – 224 с.

ISBN 978-5-9909344-3-6

© Е.Н. Родина, 2016

Родина Елизавета Никитична – автор двадцати четырех книг, поэтических и прозаических. Эта книжка включает в себя двадцать новых рассказов и цикл историй под общим названием «Записки врача», ранее опубликованных отдельной книжкой. Рассказы писательницы, как правило, основаны на фактах, взятых из жизни. Автор – наблюдательный человек, умеющий, подсмотреть интересное казалось бы, в обыкновенной, будничной жизни, увидеть трагическую и комическую сторону факта и придать этому художественную форму. У Родиной Е. Н., врача по профессии, богатый жизненный опыт, интересная биография, ей есть чем поделиться с читателем.

Редактор Л. П. Каминская

ДВЕ СУДЬБЫ

Недавно мне довелось лечиться в госпитале ветеранов.

Я оказалась в одной палате с двумя женщинами, обеим за восемьдесят, та и другая – ветераны Великой Отечественной войны, обе милые, скромные, даже тихие женщины. Вера Васильевна воевала почти всю войну, а Нина Сергеевна в тринадцать лет пошла, работать клёпальщицей на авиационный завод.

– Росточка у меня не хватало, – рассказывала она, – так мне рабочие добротный ящик сколотили, чтоб доставала до самолётного крыла. Один самолёт в день выпускали. Взрослые рабочие сутками не выходили с завода, а нас, подростков, жалели, постелят пальтишки в подсобке и велят поспать. Так вот было. А после войны мы пошли в вечернюю школу, ремесленное училище кончали, а кто техникум или институт.

Я вышла замуж за парня, вернувшегося с фронта. Жили дружно, интересно, растили дочь, а потом внуков. Во время перестройки муж потерял работу, раскис, стал выпивать, а вскоре заболел и умер.

Пятьдесят лет я отработала на заводе, руки и ноги болят, все в узлах от усталости, а уж о сердце и говорить нечего. А я ведь, считай, одна целую семью содержу. Пенсия у меня – восемнадцать тысяч, а едоков – мало, что внук и внучка, так внучка недавно мужа

в дом привела. Никто не работает, а я кручусь. Когда учиться можно было, заставляли, убеждали, так нет, не хотели. А теперь где же, всё платно, не по карману.

– А почему вы их кормите, а не они вас? Где их родители? – удивилась я.

– Так, когда дочка родилась, у меня одна забота была – вырастить её, чтобы не знала нужды. Я всё делала сама: пол помыть, окна, обед приготовить – всё сама. Приучила так, что она и трусиков себе постирать не умела. Учиться не захотела. Замуж вышла рано, родила двух детей и ушла к другому мужчине. А мне в моей двухкомнатной квартире внуков оставила. А они, видно, на мать насмотрелись, так и живут, не ведая забот. Неужели и правнуки такими же будут?

Я вот первый раз в госпитале ветеранов. Какая же здесь красота! Персонал добрый, в карман не заглядывает, лечение хорошее, как в сказку попала! А душа болит о внуках, хоть им уже всем по двадцать лет. Не знаю, сколько мне осталось, как они будут жить без меня? Я вот себе зубы не могу вставить, насчитали шестнадцать тысяч, почти вся моя пенсия. Отказалась. Желудок вот болит. Почему-то ветеранам тыла ни дорога не оплачивается, ни протезирование, а ведь нас так мало осталось, можно было бы и больше внимания уделять...

– Нет, я обижаться не могу. Слава Богу, об участниках войны государство заботится, – вступила в разговор Вера Васильевна. – Пенсия у меня хорошая, да и в госпиталь я каждый год приезжаю.

– А разве так можно? – удивилась Нина Сергеевна.

– Можно. Может, потому, что я всю войну в кирзовых сапогах по болотам и грязным дорогам прополз-

ла, вынося раненых с поля боя. От Киева до Берлина, без отпуска. Чего только не повидалась, каких историй не было.

В начале войны у нас, санитаров не только носилок, даже плащ-палаток не было, выносили раненых мы с подругой Ольгой на руках. Нам по семнадцать было, обе маленькие, худенькие. Сейчас сама с трудом верю: как мы тащили крупных мужчин?

Тогда произошла со мной одна история. На Украинском фронте. Бои шли жестокие. Одну деревню два раза то мы занимали, то немцы. Кончился бой, деревня осталась за нами. Поле за деревней усыпано трупами и ранеными – и нашими, и немцами. Мы с Ольгой уже вынесли несколько наших бойцов и тащили очередного – тяжело раненного офицера. Осталось несколько шагов до ближайшей избы, а он большой, тяжёлый. И тут противник начал бомбёжку. Из последних сил мы подтащили раненого к завалинке и прижались к ней.

А на противоположном конце деревни был загон и конюшня с лошадьми. Одна бомба упала рядом с конюшней, начался пожар. Испуганные лошади заметались внутри загона, заржали на разные голоса, то жалобно, то испуганно громко и вдруг понеслись всем табуном на ворота и прясла, разбили их и рванули, сметая всё на своём пути, прямо на нас. Казалось, эту безумную от страха рвущуюся силу ничем не остановить. Мы ещё теснее прижались к завалинке. Но в последний момент вся эта коричневая масса вдруг свернула и помчалась по широкой деревенской улице в другой конец. Бомбёжка продолжалась минут тридцать. Когда мы снова понесли своего офицера, вся

дорога была заполнена стонущими ранеными, трупами солдат и лошадей. Лошади тоже стонали, как люди, из глаз у них текли слёзы.

На площади первой линии эвакогоспиталя лежали на носилках и прямо на земле сотни раненых. Жара под тридцать пять, запах крови и пота, стоны и плач – всё это создавало настроение отчаяния и безысходности. Раненые просили пить, а воды не было. Под брезентовым тентом стояло несколько сколоченных на скорую руку из неотёсанных досок длинных столов, покрытых простынями. И за каждым таким столом работали восемь-десять хирургов, оперирующие раненых.

Меня послали за водой. Реки поблизости не было, воду надо было набирать ковшиком из ручья. В одном месте в ручье была ямка, там скапливалось воды больше. Я набрала два ведра и когда вернулась к лежащим на земле раненым, ко мне, все, кто мог, тянули руки, прося пить. Я обходила раненых и вливала им воду из ковшика прямо в рот.

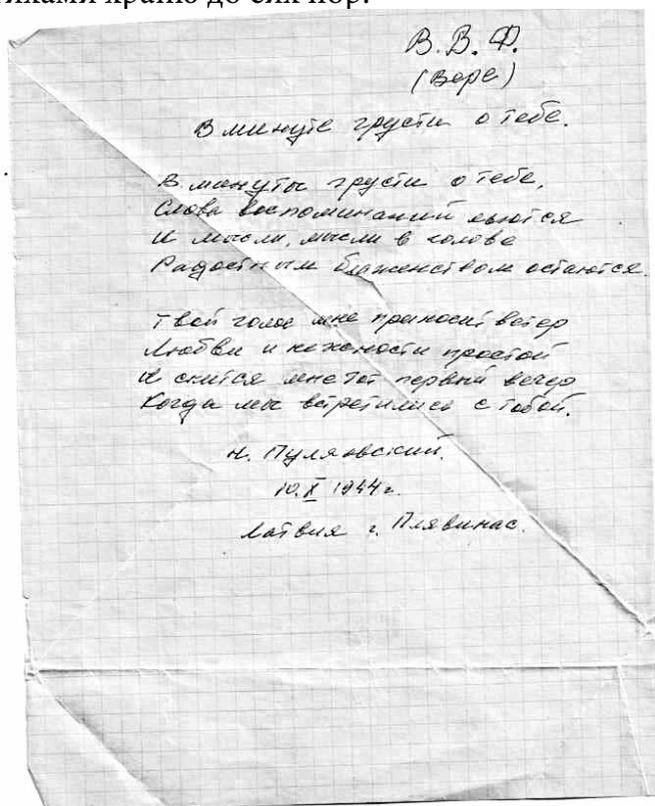
Тут поблизости раздался хриплый стон. Я обернулась: передо мной лежал раненый солдат, лицо его было похоже на кровавую маску, рот спёкся так, что он не мог разлепить губы. Я наклонилась, обмыла ему лицо, промыла губы, дала напиток. И спросила:

– Откуда ты, солдатик?
– Из Сибири, из Качуга. Зовут Николай
– Ой, а я тоже из Качуга, – обрадовалась я и назвала улицу и своё имя. И пошла дальше.

С тех пор я ничего не слышала о своём земляке.

В 1945 году, уже после окончания войны с Германией, мы стояли в Латвии, город Плавиняс, нас гото-

вили к отправке на японский фронт. При подготовке документов нам предложили просмотреть недоставленные письма, стояло три мешка, набитые солдатскими треугольниками. Мы с Ольгой начали их разбирать – она нашла одно своё и пять, адресованных мне, и все пять оказались от Николая, того самого моего земляка. Все письма были такие нежные, такие ласковые, будто не из горящих городов, под снарядами писались, а в мирное счастливое время. В одном из писем было стихотворение. Я этот треугольничек со стихами храню до сих пор.

(Сканированное письмо-оригинал)

Я тут же написала ему ответ, сообщила, что нас отправляют на Восток. Признаюсь, с тех пор стала постоянно думать о Николае Никитовиче и писать ему.

На войну с Японией мы ехали так долго, что когда доехали до Иркутска, война закончилась.

Войну я прошла от Киева до Берлина, была ранена, в Москве мне удалили почку, так более шестидесяти лет и живу с одной. Спасибо, в лечении мне не отказывают. Иногда по два раза в год лежу в этом прекрасном госпитале.

После демобилизации я осталась в Иркутске и поступила на курсы телеграфистов. Жила в общежитии железной дороги. Однажды спускаюсь по лестнице, а навстречу двое молодых людей, передают мне письмо. Оказывается, это Николай разыскал меня. А через неделю сам приехал.

С тех пор мы прожили вместе пятьдесят лет, вырастили двух хороших, работающих детей, живу с ними. Муж скончался двадцать лет назад. Я помогаю растить внуков, работаю в ветеранской организации. Считаю, что жизнь прожила не зря.

– Счастливая ты, – сказала вдруг Нина Сергеевна, и мы надолго замолчали.

А я задумалась о судьбе этих двух сибирячек. О том, почему так по-разному сложилась их судьба на склоне лет. Обеим выпали на долю нелёгкие испытания, обе настоящие героини, пришедшие в час испытаний на помощь Родине, обе прожили жизнь в непрерывном честном труде и заслужили признание и заботу со стороны и государства, и родных.

И одна из них по праву пользуется этим признанием, обретя заслуженную достойную старость, а

вторая живёт с постоянной тревогой в больном сердце: что завтра будут, есть её великовозрастные внуки-бездельники? Велик соблазн бросить упрёк: мол, сами виноваты, что балуем детей, оберегаем от тех проблем, что испытали сами, мол, мы тяжело жили, пусть дети без забот поживут, и для них же роём яму, а заодно и для себя. Но не поднимается рука бросить камень в эту добрую труженицу, до старости лет не знающую покоя.

Дети, конечно, не заслуживают какого-либо оправдания и снисхождения. Ну а государство? Почему так называемые ветераны тыла, получившие статус участников Великой Отечественной войны, не получили никаких их привилегий – ни хорошей пенсии, ни льгот на проезд, ни даже права на бесплатное протезирование?

В знакомой мне семье одного такого ветерана дед однажды бросил упрёк внуку, не довольному своим уровнем жизни: «Работать надо больше!» И услышал в ответ: «Вот ты работал всю жизнь, и что ты теперь имеешь?»

ВАЛЯ

Вале шёл пятый год, когда началась война. Сначала пришла повестка о мобилизации соседям, и соседка заголосила, провожая сына. Отец Вали Кузьма Иванович пошёл в военкомат сам, попросил, чтобы его отправили на фронт. Человек он был дисциплинированный, знающий, что к чему, в общем, военный.

Когда отец, вернувшись из военкомата, показал документы, мать побледнела, что-то стала говорить быстро и нервно. Отец стал быстро собираться, Валечка запомнила последний взгляд его добрых глаз. Ещё она запомнила, как он, надевая португепю, никак не мог её застегнуть. Потом поднял Валу на руки, сказал, чтобы она помогала маме, и ушёл.

Валя не понимала, что такое фронт, про который говорили взрослые, но чувствовала, что это что-то серьёзное и страшное. Началась новая жизнь. Каждый вечер она ждала, когда вернётся мама, и засыпала, положив голову на подоконник. Утром, уходя на работу, мама наказывала Вале следить за маленькими цыплятами во дворе, чтобы они куда-нибудь не залезли. В обед цыпята дружно клевали жучков, и мама хвалила дочь-хозяйку.

Лето стояло жаркое. В огороде сохла трава и посаженные овощи. Валя самостоятельно нашла своё маленькое ведёрко и целый день поливала то огурцы, то

помидоры и даже картошку. Ей уже исполнилось пять лет.

Мама приходила усталая. Иногда она дежурила целые сутки, но, возвращаясь, всегда приносила Вале кусочек хлебца «от зайчика» или половину второго блюда из заводской столовой. Девочка встречала маму радостно, заглядывая ей в глаза, старалась как-то развеселить. Вечером, когда они вместе укладывались спать, мама рассказывала дочке не сказки, а говорила об отце, о заводе и о войне.

Валечке шёл шестой год, и она теперь знала много о войне, фронте и голоде. Мама получала 500 граммов хлеба в день на себя и 300 – на Валю. Валя думала: «Хлеб – это самая вкусная еда на земле. Когда закончится война, я буду есть только хлеб».

Жизнь становилась всё труднее. Весной они с мамой решили посадить картошку в поле. Заранее собирали очистки и садили вдвоём. Для этого пришлось вскопать трудную полосу земли, раньше здесь была полянка, на которой развлекалась молодёжь. Сначала мама топором вырубил границы четырёхугольного участка, переворачивая землю, и потом долго-долго была топором и лопатой, разбивая почву на мелкие комочки. Законный выходной на заводе был один, а иногда и вовсе не было выходных. Поэтому посадку закончили только в конце мая.

Говорили, что на фронте наступило тяжёлое время, мама работала, не уходя с завода сутками. Валя знала, что картошку пора полоть и однажды, когда мама в очередной раз ушла на сутки, отправилась на своё поле. Картошка, посаженная ровными рядками, хорошо взошла. Валя аккуратно выполола траву, обрабо-

тала каждый кустик. На соседние участки приходили соседи, удивлялись стараниям маленькой девочки, хвалили её. Валя закончила работу, но маме ничего говорить не стала.

А мама, придя с работы, сокрушалась, что участок не прополот: «От людей стыдно». И добавляла: «Как будет по свободнее – сразу прополем и огребём». Валечка молчала и радовалась про себя, что сумела заменить маму. И когда пришло время рыхления, взяла копорульку и огребла куст за кустом.

Но вот наступил долгожданный выходной, и они с мамой отправились вместе на поле, захватив большую тяпку. И тут мама увидела своё поле, обработанное и ухоженное даже лучше других. Она посмотрела на свою маленькую дочку и вдруг упала на межу и горько заплакала, восхищаясь своей маленькой помощницей и жалея её.

В доме Валя давно стала полной хозяйкой. Она готовила на плите суп для мамы, варила картошку и ухаживала за крохотными цыплятами, которых высидела их единственная курица. Цыплят было десять. Валя наблюдала, как они проклёвывают скорлупу, высовывают свои маленькие клювики и постепенно вылезают из яйца, как бы сбрасывая с себя жёсткое одеяло. Маленькие, мокрые и, наверное, слепые, они первое время требовали особого ухода. Потом начали ходить и что-то клевали во дворе. Кормить их было нечем, и Валя толкла им варёную картошку и с водой выносила в неглубоком корыте. Однажды она отвлеклась ненадолго, ушла за чем-то к соседке, а когда вернулась, все цыплята лежали на дне корытца – утонули. Горько было ожидать мать. Не оттого, что она боялась нака-

зания, жалко было, что мама расстроится, будет переживать. Мать пришла, как обычно, усталая, спросила, как дела. Валя, молча, показала на цыплят во дворе. Ожидала крика, но мать лишь сказала: «Как же ты, доченька, не усмотрела? Они же совсем маленькие, им так хотелось жить». Разговор этот остался в памяти Вали на всю жизнь.

Папа с войны не вернулся...

В день Победы мама надела своё подвенечное платье, встала у окна и вдруг запела. Это была грустная песня об одиночестве без надежды. Слезы текли у мамы по щекам, и Валя, припав к матери и обняв её колени, стала подпевать тихим голоском.

Но годы шли, и в доме появился другой мужчина, новый мамин муж. Родилась маленькая сестрёнка, и восьмилетней Вале пришлось стать для неё няней. Она вставала рано утром, и пока не проснулась малышка, стирала её пелёнки, гладила распашонки, потом поила сестру молочком и выносила на прогулку. Однажды, гуляя по улице, неся на руках уже тяжёленькую малышку, Валя не заметила открытый уличный колодец, споткнулась, ребёнок выпал из рук, и она не сразу поняла, куда он исчез. Плач доносился из колодца. К счастью, колодец был не действующим, неглубоким и завален мусором. Сестрёнка отделалась испугом и маленьким синячком, а Валя долго потом не могла придти в себя.

Жизнь с отчимом оказалась не сладкой. «Нахлебница», считал отчим, много ест, и выделил ей отдельное питание. Днём Валя водилась с сестрой, а вечером спешила в вечернюю школу. Возвращаясь, солила выделенный ей кусок хлеба и запивала его чаем, отчим

сидел напротив и хлебал вкусно пахнущие щи. Он ни разу не предложил ей тарелку супа, но твёрдо спрашивал за выполнение порученных ей дел. Мать, жалея Валю, прятала для неё по карманам еду и украдкой от отчима подкармливала.

Отчим подрабатывал тем, что шил дома тапочки-спортсменки. А продавать их посылал Валю. Однажды, продав тапочки, Валя увидела очень красивый маленький мячик. У неё так давно не было никаких игрушек, а мячик был такой яркий и стоил столько же, сколько она получила за тапочки. И Валя не удержалась, купила мячик и побежала домой, прижимая к себе покупку. Опомнилась, когда отчим строго спросил: «Деньги где?» Валя робко протянула мячик. Он грубо вырвал игрушку из валиных рук, пошёл на рынок, нашел продавщицу и потребовал назад деньги. Два вечера не разговаривал с девочкой.

Валя понимала, что может рассчитывать только на себя. Она старательно училась, окончила школу, потом училище. Работником и человеком она стала замечательным. Получила медицинское образование, и всё тепло свое души отдаёт людям.

НЕ ВСТРЕТИЛИСЬ

Холодный осенний ветер вальсировал с осенними листьями, кружа их вокруг ног, поднимая ввысь желто-зеленый фейерверк, сыпал горстями колючий мелкий уголь в лицо и, поднявшись темно-серым столбом, исчезал за горами каменного угля. Эскалатор, освещенный единственной лампочкой, как громадная серая ящерица, полз от шахты и, как ненасытное животное, поглощал лопаты угля. Вдоль всего эскалатора работали парни, большинство в военных гимнастерках.

Казалось, ночь никогда не кончится. Я едва стояла на ногах: колени дрожали, саднили мозоли на ладонях. Но особенно нестерпимой была боль в набухших деснах, их разъедала угольная пыль, они сильно кровоточили. Если же я закрывала рот, то губы так слипались, что невозможно было их разжать.

Студенты, эвакуированные вместе с горным институтом из Ленинграда, и мы, местные, поступившие сюда на первый курс, ночью работали на погрузке угля, а днем продолжали учиться. Девушек в вузе было мало, в основном первокурсницы-сибирячки.

В какой-то момент я от усталости и голода, видимо, потеряла сознание и упала. Ленинградцы, немало повидавшие в своем родном, осажденном врагом городе, быстро поняли, в чем дело, и привели меня в

чувство. Один из парней, самый сильный и высокий, прозванный за свой рост Паганелем, поднял меня на руки и понес в общежитие. Юра Воронов, так звали парня, среди студентов был уважаемым человеком.

– Ну что, цыпленок, жива? – спросил он. – В какой комнате живешь?

Я не могла раскрыть склеенные кровью губы.

– О, да у тебя стоматит. Когда ты в последний раз ела?

Он намочил носовой платок, протер мне губы. Потом взял ложку и заглянул мне в рот: «Да...». Десны, распухшие и кровоточащие, у меня буквально наплывали на зубы почти до режущего края.

– Ты ложись, а я сейчас принесу лекарство и еще кое-что.

Вскоре он возвратился с бутылочкой, яйцом и таблетками.

– Мы все этим переболели. Это от недоедания и недостатка витаминов.

Он открыл бутылочку, вылил содержимое в стакан и приказал: «Прополощи рот». Я сделала первый глоток, жгучая пенистая жидкость заполнила рот, боль была нестерпимой.

– Теперь сплюнь.

Я с трудом сплевывала кровавые сгустки. Но боль поутихла. Юрий заставил меня проделать это несколько раз. Потом разбил яйцо, отделил желток и, взбив белок, приказал не просто выпить, а подержать во рту, чтобы образовалась пленка. Боль почти прошла. Потом он принес какой-то пакетик, вскипятил воду в кастрюльке и высыпал в нее содержимое пакетика. Оказалось, это манная каша. Конечно, ни масла,

ни сахара не было, но я съела несколько ложек этой жидкой каши с огромным удовольствием, мне показалось, что вкуснее ничего не бывает.

– А теперь, цыпленок, – сказал Юрий, – будешь каждый час прополаскивать рот и пить через 4 часа по одной таблетке.

Я уснула, а проснувшись, осмотрела в зеркало свои десны. Крови почти не было, рот открывался свободно.

Вечером пришел мой спаситель.

– Давай посмотрим, что там у нас. Нормально, идем на поправку.

Он оставил моим соседкам Маше и Тане пакетик с манной крупой и велел сварить кашу. В бутылочке были остатки растительного масла.

Я благодарно ему улыбнулась, и когда он ушел, спросила соседок, почему он такой добрый ко мне. Девчата, которые учились уже на третьем курсе, поведали мне его историю. В Ленинграде во время блокады умерли его родители. Юрий остался с пятнадцатилетней сестренкой. Когда их горный институт отправили в тыл, сестренка осталась в Ленинграде. Он очень беспокоился за нее.

– Видимо, ты ему напомнила эту девочку.

Юрий, отличник, сталинский стипендиат, сын профессора, был одним из лучших студентов вуза. Длинный, худой, немного сутулившийся, он не отличался внешней привлекательностью. Редкие, прямые, как и то серые волосы падали на лоб, близко поставленные глаза неопределенно серого цвета глядели из-под очков, очень большой острый нос, полные губы ярко-

красного цвета. Его длинные ноги делали метровые шаги.

Казалось, он не видел моего лица и потому звал цыпленком. Он забрал мою продуктовую карточку, но приносил еды в два раза больше, чем положено по ней. Я, стесняясь, говорила:

– Вы не должны мне столько приносить, я же понимаю, что вы от себя отрываете.

Он хитро улыбался и говорил, подчеркнуто величая меня на «Вы»:

– Мы имеем свои плантации и фермы и, вообще, мы богатые люди.

Значительно позже я узнала, что парни-старшекурсники подрабатывали в шахте и имели дополнительные карточки. Кроме того, они так искусно «рисовали» талоны, что никто не мог уличить их в подделке.

Через неделю я смогла пойти на занятия. Вузовские преподаватели поразили меня своим умением передавать знания. О маркшейдерском деле я имела очень смутное представление. Декан факультета академик Герман читал лекции по геодезии. Он удивительно вдохновенно, даже поэтично рассказывал студентам об их будущей профессии. Оглядывая аудиторию, он остановил на мне заинтересованный взгляд:

– А девушка у нас одна? Ну, ничего, справимся, – сказал он как бы сам себе.

Следующей была лекция по основам марксизма-ленинизма. «Салтычиха» – данное преподавательнице прозвище точно характеризовало ее манеру преподавания – она влетала в аудиторию, с порога объявляя тему: «Ленин. «Что делать?»».

– И так, как вы мыслите, что делать?

И поднимала по очереди всю группу. Каждый должен был высказать свое мнение и тем самым показать знание материала.

«Немка», в отличие от «Салтычихи», входила тихо и чопорно здоровалась:

– Guten Tag, genossen!

Все занятие вела только на немецком, не говоря ни слова по-русски.

Так же ярко, необычно шли занятия по математике, физике, химии и другим предметам. Учиться было очень интересно.

Так как я за время болезни отстала от однокурсников, Паганель и тут взял надо мной шефство. После занятий он ждал меня у аудитории, и мы вместе шли в столовую. Форма у нас у всех была одинаковая: парни в утепленных ботинках с обмотками, военных галифе, стежёнках и шапках-ушанках. Девушек в институте было мало. Нам выдали черные суконные юбки, ботинки и обмотки, стежёнки и суконные черные платки.

Паганель ходил быстро, я едва поспевала за ним. Мы приходили в шахтерскую столовую, где пахло щами, углем и жареным луком. Он приносил обед себе и мне. Пообедав, мы шли в библиотеку. Мне ужасно хотелось спать, но Паганель строго следил, чтобы я усердно занималась. Потом он проверял, как я усвоила задание, объяснял или подсказывал, если я затруднялась, и обязательно перед этим каждый раз спрашивал:

– Ну как, геноссе, чем вы нас порадуете?

Очень сердился, если у «подшефной» появлялись четверки.

Мне казалось, что Юра даже не знал моего имени, так и звал: цыпленок да цыпленок.

К середине декабря завершилась первая сессия. Я по всем предметам получила пятерки, и меня с группой отличников, которую возглавлял Паганель, наградили поездкой в областной центр, в Иркутск, для знакомства с культурой Сибири.

В честь окончания семестра был дан первый студенческий бал. Идти на бал мне было не в чем, и я решила лечь спать. Перед сном я читала Чехова и смеялась, когда в комнату вошел Паганель.

– Девчонки, наряжайтесь, я веду программу. Дарования имеете?

– Маша хорошо поет, пусть споет «Москва моя».

– Отлично, записываю. А ты, цыпленок, что сидишь?

Маша ответила за меня:

– Ей надеть нечего. Наше все ей велико, в моем платье утонула. А вообще-то она пишет неплохие стихи, хоть и называет их нескладушками.

– Ну, цыпленок, ты еще и талантливый ребенок! Записываю. Как тебя зовут? Быкова Лиза. Вот так и скажем: «Читает автор». А название сама скажешь.

Я мало походила на девушку. При росте 164 сантиметра весила всего 47 килограммов. На улице и дома слышала о себе: «сеledка», «шкидла». Разве что карие глаза были ничего да толстые, ниже пояса косы. Платье для меня так и не нашли, ушили Машино с боков.

Девушки в институте не красили губы, не пудрились, зато все были веселыми, остроумными, умели

шутить и радоваться успехам подруг. У моих соседок уже были женихи, а меня с легкой руки Паганеля постепенно все стали звать цыпленком.

Студенческий бал состоялся в шахтерском Доме культуры «Угольщик». Зал приветствовал будущих инженеров предприятия. Директор института рассказал, как идут дела на фронте, наградил грамотами отличников, а про Юру сказал, что это жемчужина института и что он в ближайшее время закончит кандидатскую диссертацию.

Начался концерт. Красивый студент играл на гитаре и пел «Землянку», потом «Темную ночь». Его сменили парень и девушка, дуэтом исполнившие романс. Их всех бурно приветствовали, и мне казалось, что я никогда не слышала такого прекрасного исполнения. Я не боялась сцены. В школе я играла на мандолине в струнном оркестре, читала свои стихи, вела концерты, рассказывая о каждом исполнителе в четверостишиях собственного сочинения. Меня волновало только, не свалятся ли с меня прямо на сцене машины туфли, которые были мне велики, и поэтому девчонки набили их в носках ватой.

– Следующим номером выступит поэтесса нашего института, студентка первого курса Елизавета Быкова!

Юра никогда не видел меня в платье, в туфлях на каблуках, не видел моих длинных кос, которые я носила обычно корзинкой вокруг головы. Теперь он не мог скрыть смущения – перед ним стоял не цыпленок, а какая-то незнакомая девушка.

Я прочитала отрывок из поэмы «На фронт», а на «бис» – басню и лирическое стихотворение. Аплодировали долго.

После концерта начались танцы. Девочек было мало, и многие ребята играли в кабинете в шахматы. Наконец, парни нерешительно стали приглашать девушек на танец. Ко мне подошел тот самый красавец, что пел «Землянку». Он хорошо танцевал, шутил, острил, удивлялся, как это за четыре месяца он не заметил такую «звезду». Танец закончился, но красавец не отходил от меня, приглашая на каждый следующий. Вдруг я увидела Юру, который уверенно шел к нам через весь зал. Он извинился перед певцом и пригласил меня на фокстрот. Танцевал он плохо, наступал на ноги, краснел, извинялся и вообще совсем не походил на прежнего Паганеля. Потом отвел меня на другую сторону зала, усадил на стул и, как-то неуверенно улыбаясь, сказал:

– Похоже, тебя могут украсть. Я буду тебя сторожить.

Потом он признался, что танцевать совсем не умеет, его хотела научить сестра, но так и не успела. Вот он и танцует только фокстрот.

Домой мы шли вместе. Он никак не мог решиться назвать меня по имени, но и цыпленком уже не смел называть. На улице было светло, как днем. Город был укрыт снегом, как белой простыней, и казался сказочным. Я поскользнулась, и Юра неумело, но как-то очень бережно и трепетно поддержал меня. Какая-то новая связь зарождалась между нами. Сильный, уверенный, старше меня по возрасту, он не знал, как об-

рацаться с девушкой, превратившейся из цыпленка в Лизу.

– Знаешь, – сказал он мне, – у тебя такие красивые косы, и ты, в общем, пишешь неплохие стихи. Ты напрасно пошла на этот факультет – это работа под землей, ты будешь редко любоваться солнцем.

Я рассказала ему, что и декан, вручая мне путевку на экскурсию в Иркутск, сказал: «Мне жаль отпускать вас из института, но эта профессия не для женщины. Посмотрите в городе, там много вузов, они начинают занятия с середины ноября, так как до этого работают в колхозе, вас могут принять в университет».

На следующий день мы поехали на экскурсию в Иркутск. Наш поезд отправлялся в 4 утра. Ярко светил месяц, и город, укутанный снегом, переливался миллионами бриллиантовых огоньков. Было так чисто, красиво и радостно, что я весело смеялась шуткам Юры, чувствовала себя свободно и раскованно. В поезде я разглядела Юрины глаза. Опушенные белыми ресницами, длинными и прямыми, они были нежно-голубыми и напоминали ромашки.

Юрий заговорил:

– Мы сейчас должны решить, в какой вуз пойдём. Там есть мединститут, педагогический, университет. Я думаю, лучше медицинский, но при твоих способностях нужно идти на филологический.

Все четыре часа пути мы разговаривали. Юра рассказал мне свою историю с сестренкой. Сразу из Сибири он написал в Ленинград, надеялся, ее найти. Но ответа не было. Теперь он собирался сразу после окончания института ехать искать сестру. Я спросила:

– А там еще кто-нибудь оставался?

– Да, конечно.

– Так вы не переживайте, она, конечно, жива.

Юра заметил:

– Может, может... И ты... Так что давай, Лиза...

Меня звать Юрой.

Так мы перешли на «ты».

В Иркутске нас ждали. Ребята из Иркутского горно-металлургического института повели нас через замерзшую Ангару в общежитие. Было холодно, за сорок ниже нуля, но светло и весело. После завтрака, расспросив, где находится университет, мы пошли на набережную. Мне было и приятно, что Юрий так по-отечески заботится о моем будущем, но и страшно расставаться со своим институтом, где все теперь было знакомым, своим.

Нас направили в учебную часть. Усталая, худая и чем-то недовольная женщина попросила мою зачетку, там были одни пятерки. Юра применил все свое красноречие, чтобы показать, какую «звезду» он привел. Женщина холодно выслушала его и отложила зачетку:

– Это в августе будущего года. Мы учимся уже больше месяца, догнать будет трудно, а сданные вами предметы, кроме основ марксизма-ленинизма и иностранного языка на этом факультете не преподают.

Юрий огорчился, а я обрадовалась. Теперь мы могли пойти в медицинский институт, тем более, что он был тут же, рядом. В отделе кадров маленькая, пожилая женщина с отеками глазами разговаривала мягко, заинтересованно. Она изучила мою зачетку, потом сходила к директору и, вернувшись, сказала:

– Все экзамены, которые вы сдали, кроме геодезии, предстоит сдавать у нас в зимнюю сессию. Но кроме них надо сдать латинский язык и нормальную анатомию. Сложность в том, как вас примет Елизавета Кирилловна, преподаватель анатомии, женщина с характером. Мы вас зачислим в стоматологический институт. Сейчас все больше встречается раненых с травмами лица и головы. Поэтому мы увеличили количество студентов в этом институте.

Стоматологический институт был учебным заведением, которое открылось в Иркутске в 1936 году, то есть за пять лет до начала войны. В институте было развернуто три профильных кафедры: терапевтической, хирургической и ортопедической стоматологии.

На момент моего зачисления в институт я понятия не имела, что такое стоматология, не знала даже, что означает это слово. Оказывается, «стома» в переводе с латинского – отверстие, а логос – изучать, то есть, учение о полости рта. Незнакомое слово меня испугало, и я подумала: «Может, без жилья меня не примут, и я поеду со всеми назад?»

И я сказала: «Жилья у меня нет».

Но женщина тут же выписала мне направление в общежитие со словами:

– Мест нет, поживете пока в коридоре, а там после зимней сессии кто-то отчислится и уедет. Запомните: на фронте не хватает врачей, поэтому вас принимаем. Мы учимся уже месяц. Сумеете догнать? Стипендия у нас 104 рубля, а в вашем институте – 340, карточка – на 400, а у вас – на 800. Уложитесь?

Юра быстро ответил: «Будем помогать».

Деревянное общежитие стояло на горке недалеко от института, студенты называли его «курятником». Печное отопление, вода привозная, двухместных комнат только две, остальные на 8-10 человек. В коридоре плита, на которой студенты варили себе пищу. Печь топилась из коридора. Все это имело вид унылый, бедный. Комендант, прочитав записку, сказала: «Могу поместить только в коридоре, но здесь очень холодно». Принесли железную кровать, матрац, постельное белье. Одежда тонкое, байковое, подушки нет. Юра успокоил: «Две недели будешь жить с нами, но на занятия будешь ходить с завтрашнего дня».

День уже был на исходе. Юра заторопился. Мы отдали постель в соседнюю комнату и предупредили девчочек, что две недели меня не будет.

Вечером у нас состоялась встреча со студентами горного института. Я чувствовала себя неуютно в своей студенческой форме на фоне прилично одетых студенток-иркутян. Юра это понял. Утром он зашел за мной в общежитие, где девчонки уступили мне одну из коек.

– Пока все спят, мы с тобой должны кое-куда сходить.

И повел меня в магазины. Однако промтоварные магазины были пусты, так же пусты были и продовольственные. Хлеб давали по карточкам. Зато в свободной продаже были банки с крабами. Юра очень удивился и купил сразу 20 банок – его сталинская стипендия позволяла ему делать такие покупки. Потом он спросил у продавца:

– А у вас есть комиссионные магазины?

– Да, на улице Урицкого.

Большой коммерческий магазин на улице Урицкого был забит товарами – от одежды и обуви до мебели. В отделе женской одежды Юра попросил показать синее шелковое платье в крупный белый горох с кружевным белым воротничком.

– Какой размер?

– Сорок шестой.

Тоном, не терпящим возражений, заставил меня примерить. Платье было такое красивое! Я стеснительно спряталась в примерочной, надела платье. О! Я не узнала себя. Паганель не удержался и заглянул. Я уловила его восхищенный взгляд:

– Да ты красавица! Как это я раньше не разглядел?

Платье было тут же мне подарено.

Вечером мы всей группой отправились в театр музыкальной комедии. Старинное здание театра показалось мне сказочным дворцом. В большом фойе были развешаны портреты. Немногочисленные зрители – мужчины и женщины, нарядно одетые, чинно двигались кругами, тихо беседуя. Было так празднично и красиво, и не верилось, что где-то идет война. Труппу театра составляли артисты из Горьковского театра оперетты, который война застала на гастролях в Иркутске. Иркутск гостеприимно приютил талантливый коллектив. В этот вечер я впервые слушала оперетту. «Сильва» была великолепна. Я смотрела на все это широко распахнутыми, восторженными глазами и видела, что ленинградцы удивляются моей «отсталости».

Позже, когда я уже училась в мединституте, я в числе нескольких студентов, подрабатывала в театре

через день в качестве гардеробщицы, благодаря этому мы бесплатно пересмотрели все спектакли.

А в тот вечер в общежитии горного института накрыли стол. Он не был роскошным, но было весело и непринужденно.

Утром меня провожали на первую лекцию в мед-институт. Старинное здание на берегу Ангары, широкая лестница ведет на третий этаж. Большая аудитория. Николай Николаевич Волков читает лекцию по органической химии. Меня поразил состав слушателей: девушки были нарядные, покрашенные, слушали невнимательно. Одна из сидевших рядом со мной на последнем ряду девушек делала маникюр, другая обвязывала крючком носовой платочек. Я на этом фоне выглядела забитой, плохо одетой деревенской простушкой.

Преподаватель понял, что я новенькая: «Я вас раньше не видел». И стал расспрашивать. Мне пришлось рассказать историю моего поступления в институт, показать зачетку. Он слушал меня очень внимательно, а потом сказал:

– Ну что ж, нам такие студенты нужны. Завтра на вашем курсе будет собрание, вы можете поделиться методами учебного процесса в горном институте.

Я застеснялась:

– Я еще не вошла в колею, да и с жильем пока не устроена.

– Хорошо, оставим этот разговор на будущее.

Следующим занятием была «Нормальная анатомия». Лекция показалась мне очень сложной, я решила, что никогда не одолею этот предмет. Зато на практических занятиях по физике я легко справилась

с предложенными задачами, бойко вывела ход решения на доске. Физик похвалил меня, заметив: «Вот как надо отвечать».

На перемене ко мне подошла молодая женщина в военной форме, на груди у нее красовался орден Красной Звезды и звезда Героя Советского Союза. Она протянула мне руку:

– Давай знакомиться. Тина Нерода, хиба ж ты не знаешь? Лежала здесь в госпитале и решила подучиться. На фронте я была медсестрой, у меня курсы трехмесячные. Я ж ни хвизику, ни химию нэ понимаю, давай переезжай ко мне. Я одна живу в комнате. Я помогу тебе с анатомией и латинским, а ты мне з хвизикой и з химыей.

Я объяснила, что еще десять дней буду жить с черемховскими студентами и ходить на занятия из общежития горного института. А потом с удовольствием воспользуюсь ее предложением.

Каждый вечер я рассказывала ребятам все свои новости. О том, например, как поразили меня занятия по латинскому языку. Преподаватель, пожилой глуховатый Владимир Иванович, будто сам себе рисовал латинские буквы на доске и громко произносил: «Розе – розарум ликвифактум». Студенты в это время громко болтали, рассказывали о своих делах и мешали слушать и записывать. Тина Нерода на занятия латинским не ходила вообще, и я чувствовала себя в этом нарядном чужом коллективе неуютно и одиноко.

Вечером уже рано темнело, и Паганель ждал меня в вестибюле. Девчонки, выпархивающие из гардероба, оглядывали незнакомого парня, смеялись и очень

удивились, когда увидели, как он, помогая одеться «новенькой», подает ей стежёнку.

Подходил день расставания. Юра заверил, что они весь семестр будут высылать мне стипендию и по возможности помогать продуктами.

В последний вечер Юра очень долго разговаривал со мной, называя меня Елизаветой, шутил и был скорее братом, чем другом. Я уже меньше стеснялась, проводила его на «Ученик», так назывался поезд до Черемхово. На прощанье он надавил на кончик моего носа:

– Держись, дружище, и пиши, будет плохо, приедем и заберем.

В общежитии меня ждала Тина. Она уже перетасщила к себе мою кровать, приготовила чай. Жила она значительно лучше других студентов: у нее был пропуск в офицерскую столовую и паек, а также карточка студента. Я удивлялась этому, на что Тина говорила: «Я кроф проливала, хйба б ишо меня приравнивали к этим кацапам». В точных науках она ничего не понимала, и мы решили, что я буду сидеть с нею и помогать отвечать на вопросы, а она мне поможет с анатомией.

В общем-то я легко вошла в курс дела, по всем предметам занималась без затруднений. Вот разве что трудной для меня оказалась практика по нормальной анатомии.

На первом практическом занятии преподаватель Елизавета Кирилловна вызвала меня к муляжу и попросила назвать и показать все кости кисти рук. Я ответила, что это мое первое занятие, и я ответить пока не могу. Преподаватель отправила меня на место

и резко сказала: «Считайте, что это первый и последний раз. Я вам не разрешаю ходить на мои занятия. Вы пропустили полтора месяца и догнать группу уже не сможете. Я обещаю, что экзамен у меня вы не сдадите».

Тины на занятии не было, никто не открыл рта в мою защиту. До конца семестра оставалось полтора месяца. Мне казалось, что я никогда не запомню этих сложных названий.

Тина вернулась поздно с офицерского вечера и успокоила меня, заверив, что теперь все вечера мы будем заниматься анатомией, а физику и химию она даст с моей помощью.

Кости рук нам удалось достать в анатомическом музее. Кости ног оказались разобраны, а коллоквиум должен состояться через две недели. Тина предложила: «В музее есть скелет профессора Мочалина, он завещал его институту. Надо отвинтить ногу и незаметно вынести. Через неделю вернем». Я испугалась:

– Нет, нет, я боюсь. Да и вообще, стыдно.

– А я што, зря кроф проливала? Что из-за того, что нет достаточно наглядных пособий, могут отчислить? Будешь заговаривать зубы дежурной, а я вынесу ногу, я посмотрела: там ее легко отвинтить.

Так и сделали. В первый день никто ноги не хватился. Всю ночь и следующее утро мы зубрили по атласу и костям латинские названия (а их, маленьких косточек, в человеческом скелете – сотня). В основном выучили. Минуло воскресенье.

В понедельник поднялась тревога: украли ногу профессора Мочалина! Бригада студентов во главе с ассистентами пошла по общежитиям, проверяли

постели, чемоданы, печки. Я перепугалась. Тина осторожно заложила ногу за портрет Сталина. Надела ордена, приняла воинственный вид, подошла к двери и прислушалась. Шаги приблизились к нашей комнате. В дверь постучали. Тина открыла: «Проходите, я спешу. Что вам угодно?» Комиссия, оглядев комнату, спросила: «Вы не слышали, может, кто-то занимался костями ног?» Тина резко в ответ: «Я никогда не подслушиваю, не к лицу мне этим заниматься. Извините, мы спешим».

У меня дрожали ноги, вспотели ладони. Они вышли. Тина закрыла дверь на замок. Что делать дальше? Нести в музей опасно, там выставили караул. Решили перед самым закрытием, в 11 вечера выложить ногу в вестибюль и проследить. Так и сделали. Ногу нашли через 20 минут. Все сошло благополучно.

Начались экзамены. Первая сессия на первом курсе. Зачет по немецкому языку. Эльза Альбертовна, эвакуированная старушка лет 70, но всегда с подкрашенными губками и обязательно в какой-нибудь замысловатой шляпке, задавала вопрос и сама, же помогала на него ответить. Она жалела студентов – ходят голодные, мерзнут в общежитии – и не скупилась на оценки. Когда она увидела Тину в военной форме и при орденах, заговорила с ней по-немецки. Тина что-то отвечала, она с доброй улыбкой поставила ей «отлично», поблагодарила за спасение Родины. Я тоже получила пятерку.

А вот отношения мои с Елизаветой Кирилловной становились все напряженнее: «Вы не сдадите анатомию, я сказала. И не ходите на мои занятия».

Я почти все свое время посвящала анатомии. С латинским было проще. Я подошла к Владимиру Ивановичу и попросила помочь догнать однокурсников. Учебников не было, а записи у студентов никуда не годились. Владимир Иванович очень обрадовался и пригласил меня к себе домой. Квартира его была рядом с общежитием, в частном доме на улице 3 июля. Старик жил один. Его сын-геолог был на фронте, жена умерла. Полутемная, с замороженными окнами квартира состояла из двух комнат и кухни, Владимир Иванович поставил на плиту чайник, отодвинул бу маги на столике, принес на тарелочке три картофелины, кусочек хлеба и соль. Извинился, что пока больше предложить ничего не может. Мы съели по одной картошке, и запили горячим чаем «ни с чем». Владимир Иванович рассказал, что его жена была аккомпаниатором, а он раньше работал хирургом. Учителем стал по причине возраста. Немного позанимались. Он дал мне книги, долго приглашал придти в субботу, он посмотрит, как я справляюсь. Учитель был стар, болен, глуховат и очень одинок, его мучила тревога за сына, от которого давно не было писем.

Когда я снова пришла в субботу, Владимир Иванович лежал в постели. В квартире было холодно, неуютно, не убрано. Оказывается, он уже неделю лежал больной, не мог истопить печь и не ходил за хлебом. Я взяла его карточку, мне удалось получить на нее 400 граммов сахара, больше килограмма вермишели, 400 граммов растительного масла. День случился удачный, в магазине редко удавалось купить по карточке все сразу. Перед уходом в магазин я принесла дров, растопила печь, поставила чайник на плиту и воду в

кастрюле. Потом сходила на колонку и принесла два ведра воды на коромысле. Благо, что дома я проделывала эту работу ежедневно.

– Владимир Иванович, что бы вы хотели? Я могу сварить суп с вермишелью, сделать чай с сахаром.

– Спасибо, девочка, я хочу согреться.

Бедный, старый, одинокий человек, он не скрывал радости, что рядом появилось живое существо.

Я почистила картофель и сварила суп с вермишелью. Заварила в чайнике травку, которую нашла в шкафу, положила сахар и поднесла к кровати. Он весь горел. Нашла таблетку аспирина. В стеклянной баночке на дне оказалось немного варенья. Попробовала – брусника. Владимир Иванович выпил таблетку, стал потихоньку, маленькими глоточками пить чай с брусникой. И очень беспокоился, что у него нет больничного листа. Я пообещала сходить в канцелярию и договориться. Учитель стонал и тяжело дышал. Я видела, что уйти нельзя и решила остаться на ночь – расположиться на диване. Суп поспел. Принесла к постели и стала кормить с ложечки. Он ел с удовольствием, казалось, с каждой ложкой к нему возвращаются силы. Я подбрасывала время от времени дрова в печь, в квартире стало тепло. И занялась уборкой. Уже в полночь вышла на крыльцо вытрясти скатерть, салфетки, половички. Дома стало уютнее.

Несколько раз за ночь подходила к больному. Он потел, приходилось менять рубашки, предварительно погрев их над печкой. После каждого переодевания пили горячий чай. К утру, температура у больного спала. Я накормила его супом и стала собираться в институт, я и так уже пропустила первую пару. Вла-

дими́р Ива́нович попросил: «Вы не сможете прийти сегодня?» «Конечно, – заверила я. – Уйду с занятий и переночую у Вас, только не вставайте». Завернула горячий чайник в махровое полотенце и поставила на табурет у кровати. В стакан положила варенье и наказала – вставать только по необходимости, а дверь я закрою на замок.

Придя на занятие, я рассказала Тине обо всем в надежде на то, что она чем-то поможет больному человеку. Мы пошли в аптеку и на рынок. Купили ведро картошки, кружок мороженого молока, кусочек нутряного сала, стакан мороженой клюквы. Тина захватила из общежития кусочек мыла и мешочек гречневой крупы. Крупы и другие продукты она получала в офицерском магазине. И мы вместе отправились к больному.

Затопили печь. Пока я ставила варить гречневую кашу и кипятить молоко, Тина сняла шторы, быстро выстирала их и повесила на окна. Владимир Иванович следил за нами благодарными глазами.

Мы согрели суп и покормили Владимира Ивановича в постели. Дали таблетки, напоили его горячим молоком с нутряным салом. Он пил с наслаждением. Похоже было, что он перенес пневмонию.

Я начала сдавать Владимиру Ивановичу задания по латинскому языку. Он радовался моим успехам. Вскоре я получила от Юры письмо и денежный перевод – пятьсот рублей. Письмо было очень веселое – с юмором и большим интересом ко всем делам «коллеги». Ответ ему я написала в стихах:

Я слышу здесь пустую болтовню,
Основа жизни их – прически и наряды.

И ты представь, что ото дня ко дню
Становятся противней их обряды.
Сегодня новая прическа у одной,
И, удалив старательно изъяны,
Такую же я вижу у второй,
Потом у третьей – словом, обезьяны.
«В театр, в театр!» – я слышу громкий крик,
И на ходу людей сшибая,
В аудиторию влетает в тот же миг
Компания и, лектора не замечая,
Они решают «сложные» дела:
Во-первых, оглядят друг друга,
Во что одета, где была вчера,
В театр ходила ль, видела ли друга.
Сумела ль подмигнуть кому?
Кто он? Во что одет?
А если не сумела – почему?
Иль настроенья нет?
«Мне сшили модное пальто,
Так я даю совет –
Без муфты как-то уж не то,
И модный надо сшить берет».
«Какой мне сделать маникюр?
Нет, красный не пойдет»
«Зеленый сделай – смех для кур,
Тебе он подойдет»
Так все занятья без конца,
Нет больше слушать сил,
Ты весь изменишься с лица,
А кончить не проси.
Для них же отдых – это труд
И всей их жизни цель,

Зачем просить их – не поймут,
Им не понять – поверь.
Душа их – толстое бревно,
Обтянутое шкурою,
И совокупия сего
Я назвала бы дурами.

В ответном письме Юра высмеял меня за эту злость, а впрочем, вполне понял: учиться так учиться.

Я стала жить вполне прилично: Юра высылал стипендию, 340 рублей, нам в институте платили 104. Я купила себе платье, туфли, подшитые валенки. Меня начали отмечать на занятиях, и когда преподаватель задавал какой-нибудь трудный вопрос, хором кричали: «Спросите новенькую!». Одна Елизавета Кирилловна в упор не замечала меня и лишь иногда язвительно, как бы разговаривая сама с собой, говорила: «Горного инженера мы опрашивать не будем, она, может быть, и рассказала бы о строении Земли, и то сомневаюсь».

Владимир Иванович начал уже потихоньку вставать, самостоятельно пить чай. Он уже окреп и чувствовал себя неплохо, и мы решили вернуться в общежитие, там лучше учиться. Когда Владимир Иванович, наконец, вернулся в институт и приступил к занятиям, мы с Тиной уже не могли перенести шума, который устраивали студенты во время его занятий, пользуясь плохим слухом учителя. И быстро вместе с ней навели порядок в группе.

Экзамен по латыни прошел спокойно. Но на испытаниях присутствовала Елизавета Кирилловна, которая до этого времени так и не замечала меня и ни разу не спросила на занятиях. И тут она помимо билета за-

дала мне четыре вопроса. При этом не преминула напомнить Владимиру Ивановичу, что «эта студентка» пропустила половину семестра. Я на все ее вопросы ответила уверенно и точно.

– Не знаю, как вы, – сказала она Владимиру Ивановичу, который принимал экзамен, – а я бы ей поставила четыре.

– Нет, она отвечала лучше всех, твердая пятерка.

– Ну, у нее еще мой экзамен. Вы не знаете, как она сдала другие предметы?

– Не знаю, – ответил Владимир Иванович, хотя точно знал, что у меня по всем предметам пятерки.

Я написала подробное письмо Юрию. Поделилась своей заботой о том, как буду сдавать анатомию. В ответ пришла телеграмма: «Мужайся, мы рядом. Сдашь».

И вот сдаем дифференцированный зачет по нормальной анатомии. Тину и меня Елизавета Кирилловна вызвала последними. Билет оказался легким, и мы с Тиной решили, что я буду отвечать первой, чтобы Тина слышала ответ. Мне очень хотелось получить пятерку – это давало право на повышенную стипендию, так как в следующем семестре мне из горного института уже платить не будут, а больше помогать мне некому.

– Кто готов?

Я пошла к столу, старалась отвечать четко, без запинки. Елизавета Кирилловна вдруг взяла молоточек и полезла на подоконник, пытаясь открыть примерзшую форточку. Я остановилась.

– Говорите, говорите, я слышу.

Потом вышла, принесла какой-то плакат и попросила показать косточки стопы. Я показала. Она отметила, что я сделала неправильное ударение в названии пяточной кости. На два дополнительных вопроса я тоже ответила уверенно.

Преподавательница растерялась. Как она могла поставить пятерку студентке, которая пришла в институт позже остальных и которую она вообще намеревалась выставить с экзамена?

– Я ставлю вам четверку, и вы знаете, почему.

Тут Тина вскочила с места, взяла со стола мою зачетку:

– Я слышала весь ответ, она отвечала на пять с плюсом. Созовем комиссию, пусть отвечает при всех.

Такого поворота событий Елизавета Кирилловна не ожидала. Я бы сама за себя не могла постоять. Я вся дрожала, не могла произнести ни слова и вышла из кабинета, как побитая.

Тина, получив свою пятерку, вышла из кабинета, послала меня домой, а сама пошла в деканат.

Переэкзаменовку назначили через два дня. В комиссию вошли заведующий кафедрой и Елизавета. Мы с Тиной пришли заранее. У меня страх сменился несвойственной мне злостью и желанием доказать свою правоту.

Зав кафедрой, строгий седой профессор, захотел узнать, почему я опоздала на занятия в институте на полтора месяца и как сданы другие экзамены. Попросил зачетку.

– У, да вы молодец. Ну, давайте, поговорим без билетов.

Он начал задавать вопросы. Я отвечала без затруднений. Он заглянул в историю медицины и сказал несколько фраз по латыни. Я перевела. – ведь я весь семестр только и думала об анатомии.

Мне поставили пятерку. Декан задержал меня и предложил стать старостой курса, я оказалась единственной отличницей в первом семестре.

– Надеюсь, вы пойдете тем же курсом и дальше, – сказал он.

Это была победа! И вечером мы решили отпраздновать ее у Владимира Ивановича, купив продуктов на рынке. Снова много говорили о жизни, о традициях, о важности знаний и труда.

Владимир Иванович сказал:

– Лиза, декан поверил в вас. Вы должны оправдать его доверие, быть ему надежным помощником.

Возвратившись в общежитие, я написала большое письмо Юрию. В ответ он прислал телеграмму: «Еду на преддипломную практику Чита шахта Бугачача». Встречай». Дата и номер поезда. Остановиться в Иркутске не сможет, поезд стоит 30 минут, прибывает в 23.30.

Мы с Тиной пошли на вокзал заранее, автобусы не ходили. Шли через замерзшую Ангару, по тропинке между глыбами льда. Температура минус 42, ни ветерка, настоящий сибирский мороз, здоровый, бодрящий.

Поезд пришел вовремя. Юра по моим письмам знал Тину и не удивился, увидев ее рядом со мной. Он соскочил с подножки с каким-то большим ящиком в руках и сразу начал шутить:

– Ну что ж, госпожа, вы нисколько не изменились внешне, город вас не испортил. Косы не обрезала?

Я отшучивалась:

– Как же обрезать, это единственное мое украшение.

Юра возмущался поведением преподавательницы анатомии, благодарил Тину за помощь и передал пакетик – последнюю стипендию горного института.

– А это, – он показал на ящик, – пищевая дотация от нашего курса.

Тина спросила про его планы.

– Диплом и работа. Думаю, к тому времени освободят Ленинград, и Лиза будет заканчивать учебу в городе Ленина.

Я застеснялась. Тина говорила больше, чем я. Юра сказал, что возвращаться будет летом и постарается приобрести билет с пересадкой в Иркутске. Если не будет таких же строгостей.

Поезд тронулся. Юра так и не решился поцеловать меня на прощанье, но долго висел на подножке и махал нам рукой.

Тина внимательно посмотрела на меня:

– Ты говорила, вы просто товарищи. Неужели ты не понимаешь, что он сделал тебе предложение?

– Ой, не утрируй, пожалуйста, какое предложение? Он просто так, с размаху, не подумал даже. Да он ни разу не сказал мне о своих чувствах. Я его все время называла на «вы», а он звал меня цыпленком.

Ночью с вокзала решили не возвращаться, в темноте на Ангаре можно было попасть в полынью. Утром пошли не по мосту, а через железнодорожные пути. Под поездами с ящиком проползали с трудом, стави-

ли между рельсами – одна толкала, вторая принимала с другой стороны. Так прошли три ветки. На четвертом пути стоял заснеженный товарный состав, конца его не было видно ни впереди, ни сзади. Мы выставили ящик между рельсами. Тина успела переползти под вагоном на другую сторону, и в это время паровоз загудел, дрогнули вагоны. Тина закричала: «Не лезь! Не умрем без этого ящика!» Поезд быстро набирал скорость. Какая была радость, когда состав прошел, и мы увидели, что ящик в целости и сохранности остался стоять между рельсами!

Посылка оказалась очень богатой: вермишель, крупа, сухари, сахар, две бутылки подсолнечного масла, сухое молоко. Для Тины это не было такой уж неожиданностью, она получала военный паек. Мне было сложнее: я отказывалась от совместных с ней обедов и сдавала карточку в студенческую столовую, в которой всегда было одно и то же: борщ без картошки с мороженой капустой и чайной ложкой растительного масла, зразы из мороженой сладкой картошки. Там же я выкупала свои 400 граммов хлеба и никак не могла донести их до дома – съедала по дороге. Теперь я могла с чистой совестью ужинать дома вместе с Тиной. Завтраки вообще были отменены.

Вечером мы понесли гостинцы Владимиру Ивановичу, вместе поужинали. Он сообщил новость: сын прислал письмо – лежит в госпитале, ранен в грудь. Значит, жив. Старик оживился, стал рассказывать смешные истории из своей жизни. А потом сказал:

– Вы хорошо потрудились перед экзаменами, можно сказать, спасли человека, и за этот великий труд я вам очень благодарен.

Обсуждали, как проведем каникулы, которые сократили до 10 дней, так как занятия начались позже почти на два месяца.

Вскоре Юра прислал мне восторженное письмо на пяти листах. Восхищался природой, Байкалом, простыми людьми. В конце строчка: «А ты красивее становишься, как бы тебя не увели. Привет. Юрий».

Тина прочитала письмо.

– Забавный он, я же видела, как он на тебя смотрит, а боится переступить какую-то грань. Не надо было мне с тобой ходить, он был бы более раскованным.

Я возмущалась:

– Да мы просто товарищи!

Пришло еще одно письмо от Юры в ответ на мое: «Тебя спас сам Господь! Не мог же он допустить, чтобы ты не узнала, что в ящике. Моя практика кончается в июле, я заканчиваю дипломную работу, думаю, что продолжением ее будет кандидатская диссертация. Я куплю билет до Иркутска и пробуду там некоторое время. Ты меня жди».

Началась летняя досрочная сессия. Мы с Тиной решили сдать все до её начала. Подолгу засиживались в аудитории, потом в комнате Тины. Переписка с Юрой продолжалась. Я пообещала, что к 1 июня постараюсь сдать все экзамены. Он одобрил мое решение. Весеннюю сессию сдавать оказалось значительно легче. Меня уже знали в институте, и преподаватели встречали на экзамене как хорошо знакомого человека. 28 мая я сдала последний экзамен.

И тут меня неожиданно вызвали в деканат и предложили поехать с первой партией студентов в колхоз на прополку, до 1 июля. Объяснили, что нас сменил

вторая партия, и у нас получится два месяца отдыха, а у второй – только месяц. Мне предстояло возглавить бригаду. Выбора не оставалось, и утром 30 мая мы, 32 девчонки с разных курсов, сели в поезд. Я занесла свой чемоданчик с вещами Владимиру Ивановичу – общежитие летом занимали абитуриенты.

На поезде доехали до небольшого поселка, там переправились через Ангару и пошли в сельсовет. Оказалось, нам предстоит ехать дальше. Километров шестьдесят отмахали на грузовой машине. В следующей деревне нас ждал трактор с прицепом, надо было ехать еще 12 километров. Вечерело. Девчонки устали, хотелось есть и пить. Но никто не проронил, ни слова жалобы. Мы все думали: «На фронте хуже». Трактор едва полз и очень дымил. На место приехали, когда уже стемнело. Бухгалтер колхоза повела нас в школу. У дверей школы стояли деревянные щиты, которыми ограждают поля от заноса снегом, и большое количество аккуратно сложенных кирпичей. Показала класс, где мы будем спать. Распорядилась: «Каждому по восемь кирпичей, по два кирпича на четыре угла, сделаете из щитов кровати. Вот солома, матрасовки и наволочки, делайте матрацы и подушки. Простыней у нас нет, одеял всего двадцать. Ну, не замерзнете, надышите. Через двадцать шагов речка, можете обмыться. Рядом в комнате бак с горячей водой и три буханки хлеба. На сегодня все, а завтра определимся».

Мы быстро поставили «кровати», набили матрасовки. К двум часам ночи пошли на речку, но купаться никто не решился, просто вымылись по пояс. Вернулись, съели по куску хлеба с солью, запили горячим чаем и уснули мертвецким сном. В девять часов при-

шла бухгалтер: «Я сейчас покажу вам ваш участок, будете окучивать картошку. Тяпок на всех не хватает, одни будут полоть руками, другие окучивать. Когда будет готов завтрак, за вами придут».

Вышли без разговора. Бухгалтер добавила:» У нас почта приходит один раз в неделю, а при плохой погоде еще реже, кто-то из вас должен поехать сейчас со мной в поле и рассказать последние новости. Мы месяц не получали газет, а радио после бури в деревне не работает».

Я как старшая спросила: «Кто поедет?» Все молчали. «Девочки, кто поедет?» И тут все как сговорились: «Поезжай ты».

В поле были одни женщины, загорелые, усталые и, как мне показалось, сердитые. Я рассказала, как идут дела на фронте, где теперь наши войска, какие потери. Шел 1944-й год.

Женщины стали спрашивать, что слышно о наших сибиряках и где можно узнать что-нибудь о своих.

– Вот у меня мужик ушел, и ни одной строчки...

– А у меня детишек пятеро, мал мала меньше, не подмога, а едоки...

Видимо, не перед кем было выплакать свое горе. Каждая старалась рассказать о своем наболевшем, будто я могла чем-то помочь. Говорили и работали. Привезли обед: зеленый борщ с еще не созревшей капустой, по кусочку мяса и по 200 граммов хлеба. Это был казенный обед. У каждой был еще и мешочек с домашней снедью: отварная картошка в мундире, соленые огурцы, свиное сало. Угощали меня и друг друга. Пока женщины обедали, я читала им стихи Симонова: «Жди меня», «Ты помнишь, Алеша, дороги

Смоленщины» и другие. Женщины плакали и просили переписать им эти стихи. Просили, как только придет почта, чтобы я снова пришла и рассказала им последние новости.

Я вернулась к своим. Девчонкам нашим в это время привезли точно такой же обед, но добавили по две отварных картошки и чай с медом. Посреди картофельного поля стояла большая развесистая береза, под ней студентки и разместились на обед. У многих уже болели спины и руки. Двое заснули сидя. Отдохнули час, но работу надо было закончить. Я разрешила подремать, пока стоял палящий зной, но потом работали усердно и выпололи весь участок. Вернулись, когда начало темнеть. Колхозники выходили на работу раньше, но и возвращались раньше – дома ждали ребятишки, некормленная скотина, не доенная корова. Рано утром женщины доили коров, давали задания детям и уходили на весь день. Днем деревня стояла пустая, оставались одни дети, которые рано выросли, быстро становились работающими, все понимающими.

Мы напряженно трудились весь месяц. Подошло 1 июля. Смены не было. Председатель колхоза, молодая красивая женщина, объявила мне, что мы уедем только тогда, когда будет смена.

– Мы выслали трактор, но он не возвращается, видно, во время бури не было переправы.

А я ведь писала Юрию, что приеду 1 июля. А что если он приедет, а меня нет? И Владимира Ивановича я не предупредила. Да и кто ему там поможет?

3 июля я решила идти пешком в районный центр. Девочки запротестовали: «Тогда пойдем все вместе».

4 июля трактор, наконец, пришел, но привез лишь 20 человек. Председатель согласилась нас отпустить, поблагодарила за работу, но трактор обещала дать только 6 числа: накопилось много работы.

Каждой из нас дали по бутылке меда, буханке хлеба и по 180 рублей. Вручили группе грамоту колхоза, благодарность за помощь.

Поскольку новеньким надо было где-то ночевать, мы решили идти пешком до райцентра. Прошли легко. Но в райцентре машины не оказалось, и пришлось ждать еще сутки. В Иркутск мы добрались только 7 июля вечером.

Тут я узнала, что Юрий прождал меня неделю и уехал, оставив ученому секретарю записку в одну строчку: «Благодарю за (теплый?) прием. Юрий».

Я тут же послала письмо в Черемхово. Ответа не последовало, хоть я и расписала подробно наши злоключения. Так закончилась эта необычная страница моей жизни.

В сентябре я вернулась в институт на занятия и поселилась в своей комнате на 8 человек. Я не переставала ждать вестей от Юрия, но их не было. Я часто думала потом, какое глупое недоразумение развело нас навсегда. Но, видно, судьбе угодно было распорядиться именно так.

Я НЕ УЗНАЛА ЕГО ИМЕНИ

Рассказ Зинаиды Пухальской

Война началась неожиданно. Мне едва исполнилось 17 лет, училась я на 3 курсе московского фармацевтического техникума. В первые дни войны в Москве начали призывать 18-19-летних студентов, а когда немецкие войска ближе подошли к столице, срочно призвали на оборону Москвы и студентов техникумов, которым было уже по 17 лет.

Меня определили в воинскую часть в качестве фармацевта на должность начальника лекарственного обеспечения. В этот период немецкие войска стремились окружить нашу армию, а мы, отвлекающий отряд, старались отвлечь внимание противника от основных войск: шли в другом направлении, кричали, били в барабаны, зажигали фары. И нас начинали бомбить и преследовать.

Однажды, когда мы работали на отвлекающих манёврах, налетела целая стая немецких истребителей.

Бомбы летели плотно, как град. Солдаты побежали в лесок, падали под кусты. Побежала и я. Когда я упала, то чётко видела, как на меня летит огромная бомба. Услышала взрыв, а потом долго лежала, ничего не помня. Стемнело, стало холодно. Я пришла в себя. Думала, что умерла и решила, не открывая глаз, шевельнуть пальцем. Шевельнула. Затем открыла один

глаз, увидела лежавшие рядом тела убитых солдат. Я попробовала повернуться, и живот пронзила страшная боль, потрогала рукой – липкая кровь. Поняла, что живая и с большим трудом поднялась. Тьма, никакого движения, я сначала потихоньку, потом всё быстрее побежала в ту сторону, куда направилась наша часть. Часа через два я увидела разбитые машины, орудия и группу солдат. Взявший на себя командование офицер очень обрадовался, узнав меня. И приказал отправляться в Москву, в течение ночи приобрести все необходимые медикаменты, перевязочный материал, кровь и вернуться сюда до рассвета. Осмотрели мой живот, оказалось, касательное ранение осколком.

К полночи я пришла на базу, действительно потребовала всё необходимое, получила целый воз, а везти не на чем. Стояли орудия, грузовые машины, несколько машин с красным крестом. Я ходила от одной к другой, объясняла, что там много тяжелораненых, они ждут помощи. Но у каждого шофёра был свой приказ, никто не имел права отлучиться. Ничего не добившись, я хотела вернуться к начальнику снабжения и тут увидела спящего за рулём «скорой» очень молоденького шофёра-солдата. Я его разбудила и попросила мне помочь. Он согласился, но нужен был приказ начальства. Выпросила я и этот приказ. Погрузились. Шофёр сел в кабину, а я – в кузов за спиной шофёра и взяла в руки ящик с колбами, наполненными кровью. Считала, что мальчик-шофёр сможет вернуться в Москву через два часа. Проехали большую половину дороги, и вдруг неожиданно началась такая палба, что, казалось, нет возможности спастись. Проехав метров двадцать, машина остановилась, и шофёр

как-то осел на сидении. Стрельба продолжалась беспрерывно. Пули, как решето, пробивали кузов. К рассвету стрельба прекратилась, и, не веря, что жива, я окликнула шофёра. Он не отвечал. Я поставила ящик с кровью, открыла дверь кабины и увидела мёртвое лицо солдата, у которого не узнала даже имени. Боль, страх и вина за смерть человека каким-то странным холодом навалились на меня. Меня била дрожь: дрожали руки и ноги, стучали зубы. Тряслось всё тело.

И опять никого кругом. Но вскоре появились первые машины с вооружёнными солдатами. Я стояла, подняв руку, прося остановиться. Останавливались, брали с собой в кабину, но я отказывалась: мне надо было довести медикаменты. Один смекалистый солдат предложил привязать машину к орудию и тащить до нужного места. Машина представляла собой буквально решето: колёса спустили, впереди всё разрушено. Тем не менее, часа через два мы оказались на месте. Похоронили солдата, вытащили мой груз. Но когда начали перевязывать оставшихся в живых раненых, оказалось что, ни одного бинта, ни одной мази, ни одной бутылочки не осталось целыми. Всё изрешечено. Во всей этой страшной каше живой оказалась я одна и мой драгоценный ящик с кровью и системами. С их помощью удалось сохранить жизнь моим раненым.

Вспоминала этот эпизод и назвала его: «Как я умирала». Часто потом просыпалась ночью от этого страшного сна и чувства вины за смерть мальчика, у которого я не узнала даже имени.

КОМАНДИРОВКА

Бригаду инженеров и научных сотрудников направляли в северный молодой город с целью проведения конференции по автоматизации производства. В институте Елену Николаевну старый медлительный профессор пригласил к себе в маленький, с длинными узкими окнами и большими простенками кабинет. Он рассказал о цели поездки, а затем пригласил научного сотрудника, кандидата наук, Владимира Петровича и откомендовал его как руководителя группы.

Среднего роста, в сером костюме, не очень тщательно выглаженном, в очках с тёмной оправой, Владимир Петрович назвал день поездки и взял у Елены Николаевны номер её телефона. В состав группы вошли ещё две женщины, научные сотрудницы института, и пять мужчин, среди которых выделялся Олег Борисович, подтянутый, стройный, высокий мужчина, одетый «с иголочки». Настроение Елены Николаевны повысилось: будет с кем словом переброситься.

Вечером накануне вылета Владимир Петрович позвонил, уточнил время рейса и полушутливым тоном добавил: «А вот и машина к вашим услугам». Ей хотелось сказать: «Ну и смешной же вы», но она сдержалась и отказалась от машины: «Доберусь до аэропорта сама».

К обеду пошёл дождь, на лужах, точно воздушные шары, возникали и лопались пузыри, ветки деревьев стучали в плачущие окна. Выходить из дома не хотелось. В лёгком плаще, с маленьким саквояжем в руках, Елена Николаевна перепрыгнула через лужу и вдруг увидела у самой дорожки легковое такси. Владимир Петрович приоткрыл дверцу и пригласил её сесть рядом.

«Ой, какая скука, о чём с ним говорить?», – с тоской подумала Елена Николаевна. Она деланно улыбнулась: «Вы знаете, я очень люблю сидеть рядом с водителем, на переднем сиденье». И быстро заняла место. Ехали молча.

В аэропорту Олег Борисович галантно отворил дверь, комплименты сыпались, как дождь. Владимир Петрович сразу ретировался. Решили пойти в ресторан, чтобы перекусить и скоротать время. Олег Борисович заказал самые замысловатые блюда, бутылку шампанского, весело рассказывал историю о девушке, которая повернула ногу, и ему пришлось нести её на руках целый квартал. Всё это пересыпалось восклицаниями, усмешками. Владимир Петрович молчал, редко улыбался.

Перед окончанием обеда Олег Борисович вдруг заторопился, ему срочно понадобилось куда-то выйти. Расплачивался за обед Владимир Петрович.

Объявили посадку. Елена Николаевна немного задержалась, позвонила домой: «Вылетаем». Когда вошла в самолёт, увидела на первом сидении Олега Борисовича, а ближе к ней – Владимира Петровича, оба приглашали занять место рядом. Владимир Петрович уже не казался таким скучным и замкнутым, но си-

деть рядом с ним весь полёт показалось Елене Николаевне невыносимым, она прошла мимо и заняла место рядом с Олегом Борисовичем.

В Н-ске бригаду встречали две чёрные «Волги». На улице выл ветер, в воздухе кружились холодные замерзающие капли. Непонятно, дождь или снег. Лужи по краям уже затянуло ледком, они потрескивали, как стеклянные. Было холодно, промозгло, неудобно. И на сердце – тоскливо и пусто. Олег Борисович предупредительно положил ей руку на плечо, провожая на заднее сиденье, а Владимир Петрович занял место рядом с водителем. Вечером в гостинице пили чай, и в холле каждый читал свои материалы, готовился к докладу. Олег Борисович шутил, говорил, что все и так всё знают, пытался рассказывать анекдоты. Владимир Петрович сосредоточенно выписывал какие-то цифры. Олег Борисович шепнул: «Этот задумчивый до утра будет сидеть. Посмотри на него: изваяние учёности».

Ей показалось это смешным, оба засмеялись, хотя, кажется, ничего особо смешного сказано не было, но они смеялись долго, и остановиться им было трудно. Встали, прошли к полукруглому окну и стали любоваться красотой светящихся крыльев крыш, слушать шум реки.

Олег Борисович завёл разговор о перспективах молодого города, о том, что делают вон в той светящейся в ночи комнате, и вдруг добавил: «Хорошо. Так уютно живут люди, а мы с вами болтаемся по свету. Мне нравится пока эта жизнь, если надоест, буду что-нибудь менять».

А Владимир Петрович всё читал и читал.

Наутро в управлении все обращались с деловыми вопросами к Олегу Борисовичу. А Владимир Петро-

вич так и оставался в тени. Яркий, говорливый, Олег Борисович привлекал внимание женщин. Они улыбались, оглядывались. Елене Николаевне было приятно идти с ним рядом, а Владимир Петрович вызывал досаду – был «третьим лишним». Олег Борисович объявил: «Сегодня познакомимся с предприятиями, а вечером пойдём в театр, здесь сейчас на гастролях новосибирская труппа». Владимир Петрович молчал, и Елена Николаевна его не пригласила.

После работы решили пешком пройтись по центру города, набрали на театр. Олег Борисович объявил, что у него нет мелочи, только на один билет. «Володя, ты возьми билет Леночке».

«Я и сама могу купить себе билет, у меня есть деньги», – отказывалась Елена Николаевна. Но Владимир Петрович с удовольствием купил билет и для неё.

В театре Олег Борисович опять шутил. Шутки начали повторяться, и становилось за него неловко. А Владимир Петрович ходил за мороженым для всех, молчал и слушал.

Конференцию должен был открывать Владимир Петрович, но Олег Борисович вызвался прочитать свой доклад первым. Он вышел за кафедру твёрдым шагом, улыбался и здоровался с работниками. «Я буду говорить о прописных истинах, о которых вы забываете, товарищи, а от этого страдает наше производство». И он действительно говорил всем известные вещи, а в принципе – ни о чём в течение двух часов. Присутствующие сначала слушали, потом начали шептаться, а затем председательствующий многозначительно показал на часы. Елена Николаевна встретила взглядом с глазами Владимира Петровича, ум-

ными, глубокими и, к её великому изумлению, очень красивыми. В глазах прятались огорчение и вопрос. Елена Николаевна думала о том же. Как можно с такой нелепостью ехать на конференцию? Как можно так не уважать себя и коллег?

Олег Борисович тем временем закрутился улыбочиво. Долго кланялся и твёрдым шагом победителя направился к месту. Последовало несколько жидких хлопков. Он сел рядом с Еленой Николаевной и завёл тот же шуточный разговор. Но она уже не чувствовала симпатии к нему. Всё его обаяние растаяло. Шутки были неуместны, как пляски во время похорон.

Следующим делал доклад Владимир Петрович. У обычной школьной доски он преобразился: формулы и расчёты. Аудитория затаила дыхание, а Владимир Петрович, казалось, и не видел людей. Время перепрыгнуло границы, а народ слушал... Вдруг кто-то крикнул: «Время!» Это Олег Борисович, приподнявшись с места, показывал на часы. Было такое ощущение, что рядом крутится назойливая муха, которую хотелось отогнать одним взмахом. В зале зашикали на него и: «Говорите, пожалуйста. Говорите, Владимир Петрович!» Елена Николаевна сидела замороженная, не смея выдохнуть, одно только и сказала: «Вот умница, вот голова!».

Вечером сидели в гостиничном номере Елены Николаевны и говорили о проблеме питания в будущем столетии. Владимир Петрович цифра за цифрой, факт за фактом рисовал перспективу. Олег Борисович вставлял поражающие тупостью фразы. Затем говорили о музыке, о литературе. Олег Борисович сказал: «Лёгкости не терплю. Слушаю классику. Стихи – развлечение шизофреников». Владимир Петрович начал

с Шекспира и читал Евтушенко, Василия Фёдорова, Рождественского. Не верилось, что в этом совсем неприметном, на первый взгляд, человеке живёт такая широкая, тонкая душа.

Олег Борисович опять «пошутил»: «Владимир Петрович, не пора ли тебе спать?» Владимир Петрович быстро встал: «Да, да. Уже шесть утра. Как незаметно пролетело время!». Тогда Елена Николаевна широко открыла дверь: «Идите, Олег Борисович, я тоже немного усну». Владимир Петрович благодарно улыбнулся ей.

Днём снова ездили по предприятиям. Олегу Борисовичу вручали памятные подарки, вёл он себя царственно и всё принимал как должное.

В самолёте Олег Борисович занял опять переднее место у окна для Елены Николаевны. Место рядом с Владимиром Петровичем было занято. Тоскливо защемило сердце. Взлетели. Закружилась голова, и Олег Борисович предусмотрительно опустил спинку её кресла. Голова Елены Николаевны оказалась рядом с лицом Владимира Петровича. Он наклонился, и его пылающая щека коснулась лица Елены Николаевны. Губы пересохли. Елена Николаевна подняла глаза и увидела красиво очерченные, немного полноватые губы и ярко-зелёные, светящиеся глаза. Она ещё посмотрела на губы, и ей стало совсем жарко. Владимир Петрович подложил руку под её шею, он молчал. Они смотрели друг на друга, будто встретились впервые. Елена Николаевна щекой коснулась его руки и открыла глаза. Когда она их открыла, самолёт шёл на снижение. Губы Владимира Петровича вздрагивали, а полузакрытые глаза ласково смотрели и счастливо улыбались.

НОЧНАЯ ПРОГУЛКА

Женя родился в 1948 году, после войны, когда в детских садах было по сорок человек в группе, и очередь на место в детском саду была длиною в семь лет. Мамам предоставляли полуторамесячный декретный отпуск, потом нужно было выходить на работу. А как же ребёнок? С кем его оставить, кому доверить уход и присмотр за ним? Пригласили бабушку. Она только командовала. Пила чай и ждала, когда придёт хозяйка, стирает и приготовит обед. Ей не нравилось жить в маленькой комнате общежития, спать в одной комнате с ребёнком и его родителями, и она ушла.

Следующую бабушку привела приятельница мамы. Синеглазая румяная няня любила гостей, хорошо готовила и с удовольствием устраивала застолья по любому поводу и без повода. Она сразу поставила условие: «Оплата – 100 рублей ежемесячно и подарки к каждому празднику. Стирает и моет сама хозяйка, деньгами распоряжаюсь я». Родители – молодые специалисты, мама – врач получала 60 рублей в месяц, за полторы ставки – 90, папа – инженер – 120 в месяц. Доходы небольшие, но выхода не было. Так и стали жить. Правда, Васильевна, так звали няню, хорошо кормила Женю, водила гулять. Мальчик был под надёжным присмотром.

Когда Жене исполнилось три года, бабуля вдруг решила выйти замуж. На заработанные за эти годы и сэ-

кономленные от «хозяйских обедов» деньги она купила дом и стала там жить с новым мужем – свёкром сестры. Больше всех переживал уход няни Женя, для него это было настоящим горем. К счастью, как раз подошла очередь в детский сад, нужно было оформлять документы. Но тут возникло препятствие, благодаря любимой жениной няне. Всё время, пока няня жила в доме, она пугала ребёнка детским садом, рассказывая о нём страшные истории. Услышав о садике, Женя идти, туда наотрез отказался, стал капризничать, резко сопротивлялся и однажды рванул скатерть со стола... Стоящая на нём ваза с цветами упала и разбилась. Раненые сломанные цветы валялись в беспорядке на полу.

Мама сама едва не расплакалась, но сказала твёрдо: «Ну что ж, оставайся дома, а мне надо на работу. Меня больные ждут, по пути я выброшу вазу и цветы». Женя молчал.

Обедом его кормил папа, долго разговаривал с ним. Но Женя был непреклонен. Вечером он не бросился, как всегда, навстречу маме, а сидел тихо на диване. Не играл, о чём-то сосредоточенно думал. На детском лице было такое выражение скорби, что мама не выдержала: «Пойду, отнесу цветочкам воды. А то они плакали, когда я проходила мимо, да и вазе тоже было больно, отнесу им лекарство». Женя оживился: «Пойдём, принесём их домой». Пошли вместе. Ваза была очень красивая, и мама её припрятала, чтобы никто не унёс. Она начала разговаривать с вазой, просила простить их с Женей: «Теперь Женя уже большой, он будет ходить в детский сад, и никогда не будет обижать тебя». Вазу, завёрнутую в газету, принесли домой, вымыли, приклеили отбитый кусочек и водрузили на

детский столик Жени. Он подолгу с ней разговаривал, гладил её с нежностью, ваза стала его другом. А когда у Жени появилась своя, отдельная комната, он взял её с собой и любил больше своих детских игрушек.

В детский сад Женя стал ходить спокойно, правда, не выражал по этому поводу ни радости, ни недовольства.

Однажды во время какого-то всенародного праздника в доме собралось много гостей, все засиделись допоздна. Женю уложили спать, а взрослые (молодые родители и их друзья) шумной компанией вышли во двор покататься на качелях. Стояла праздничная ночь, никто не спал, веселье было общим.

В три часа ночи родители, проводив гостей, вернулись домой. И с ужасом обнаружили, что кровать Жени пуста. Искали сначала в доме, потом обежали всё вокруг – ребёнка не было нигде. Измученные, испуганные родители устало брели по улице, не зная, что делать. Подошли без всякой надежды, на всякий случай к детскому садику, хотя понимали: там Жени быть не должно, ведь садик далеко, в двух автобусных остановках от дома.

И тут увидели сына. Женя сидел в детской машине, в которой ему никогда не позволяли кататься воспитатели, и с увлечением крутил руль, о чём-то тихо разговаривая с огромной собакой, которая по ночам охраняла детский сад.

Как только родители показали в калитке ограды, собака со страшным лаем бросилась на них, оскалив огромную пасть. Женя подбежал к собаке, погладил её и сказал: «Это мои мама и папа. Они пришли за мной. Ты не скучай. Я завтра приду в садик».

ГУСИ

Добротный лиственничный дом стоял на бугре у склона горы. Вера Петровна, наследница в третьем поколении, растила внука и внучку, родители, которых погибли в авиакатастрофе. Внук Борис уже дослуживал свой срок в армии, а Светочка, одиннадцати лет, помогала бабушке. Усадьба была большая, огород спускался с горы, у подножия его пересекала дорога, и дальше он тянулся до заводи Ангары. На нижнем участке садили много капусты и картошки. Нижний участок огорожен пряслами и стайкой. В стайке жили гуси, кормильцы семьи, иногда их было больше сотни. Для выведения гусей их яйца подкладывали и курам. Днем гуси плавали в заводи, в жару заходили в стайку, где им всегда была приготовлена пища – нарубленные листы капусты, смешанные с отрубями. Светлана ухаживала за птицами, и стоило ей появиться на берегу, они окружали её и что-то выговаривали. Укладывать гусей на ночлег была обязана Светлана. Однажды ночью Света разбудила бабушку: «Баба, а я гусей не загнала, забыла».

Было около трех часов ночи. Они быстро оделись, и, не увидев гусей на берегу, начали их громко звать. Перепуганные гуси побежали с разных сторон, но не к хозяевам, а к Ангаре и с криком начали отплывать от берега большим белым кораблем. Крики Светы не

помогали, гуси всё быстрее отплывали от берега. Поселок готовили к затоплению в связи с постройкой Братской ГЭС, и семье предстояло переселение. Гуси не появились ни утром, ни позднее, вечером.

В эти дни как раз вернулся из армии внук. Через неделю после возвращения Борис посадил бабушку и сестру в лодку, и они поплыли в ту сторону, куда ночью отправились гуси. Заплывали в попутные дереvушки, спрашивали, не видели ли здесь гусей. Им отвечали, что видели, но на ночлег они не останавливались. Кое-кому удалось выловить двух-трёх гусей. Отплыв за километр, наши искатели причалили к отдельно расположенному острову, там рабочие рубили деревья и копали котлован. Гуси расположились на берегу, но в руки рабочим не давались. Когда подплыли хозяева, гуси вышли навстречу и с радостным гоготом окружили хозяев, будто что-то хотели им рассказать, а потом побежали к лодке и заполонили её полностью. Надо было кому-то остаться на берегу, да и половину гусей высаживать из лодки. Хозяйка на всякий случай набрала с собой овса и стала приманивать гусей. Гуси повыскакивали на берег и побежали к хозяйке, чуть не утопив лодку. Так удалось половину гусей увезти домой. Девочка с братом остались на берегу. Какой поднялся шум, когда оставшиеся гуси увидели отплывающую лодку. Первую партию закрыли в стайку, а за остальными приплыли уже ночью.

Гуси, уплывшие с хозяйкой первыми, заняли в стайке лучшие места и всю ночь громко шумели, как будто обсуждали происшествие или беспокоились об оставшихся. К рассвету подплыла лодка с оставшимися гусями. Они по-хозяйски вошли в стайку и, увидев

занятыми свои насиженные места, подняли скандал. Завязалась драка, крик стоял такой, как на телевизионной передаче Малахова. Вновь прибывшие птицы демонстративно покинули стайку, расселились на поляне и категорически отказались селиться в вместе с первыми. Следующую ночь они провели под открытым небом, и молодой хозяин начал строить другой курятник. Так образовалось две враждующих гусиных партии. Они отдельно плавали в заводи, не реагировали на зов старшей хозяйки. И только бывшие пары старались объединиться. Так продолжалось до эвакуации поселения. Только тут, чувствуя общую суматоху, птицы начали гоготать в один голос, и это был голос тревоги, негодования и неприятия расставания с родными местами.

ДЕСЯТЬ ЛЕТ СЧАСТЬЯ

В тот год на Орловщине выдалась дружная весна. Дурманил аромат цветущих яблонь и груш, высокое чистое небо сменялось тёмным куполом ночи, усыпанным блестящими яркими звездами. Дыхание весны возбуждало, волновало и радовало ожиданием счастья.

Лидочке шёл восемнадцатый год, когда ей повстречался Володя. Нагрянула любовь, не осторожная, с оглядкой, а острая, сильная, взаимная. Володя высокий, стройный блондин с яркими темно-голубыми глазами. Лидочка – русская красавица, черноглазая, с тяжёлыми вьющимися косами, тонкая и светлая, как березка, умытая утренней росой. Встречи становились всё необходимее и чаще. И в восемнадцать лет Володя сделал ей предложение.

Шёл 1940-й год. Молодые прожили его в полной радости и любви. В середине лета 1941 года Лидочка была на первом месяце беременности, судьба сулила счастье материнства. Если бы не война...

Лидочка никогда не задумывалась над тем, что Володя по национальности немец. Мало ли какие национальности живут в советской стране – Шварц ты или Сванидзе – все одинаково любят Родину и желают ей процветания. И когда Володю арестовали и отправили на каторгу без права переписки, она никак не мог-

ла понять, чем провинилась их семья и её любимый, ни в чём не повинный человек.

Плохо приспособленная к жизни, Лидочка была растеряна и разбита. Появился на свет их общий ребенок – девочка. Лида ночами молилась о своём любимом. Когда началось наступление фашистов, её с грудным ребёнком эвакуировали в числе первых. Дорога была тяжёлой, их везли в товарных вагонах, есть было нечего. Девочка не выдержала тяжкой дороги, скончалась в одиннадцать месяцев.

Всю войну Лидочка трудилась на разных работах. Её, красивую и воспитанную, сразу выделяли из толпы сверстниц. Ухаживали разные молодые люди, но она ждала своего Володю. Вестей не было никаких.

В один из многих, похожих друг на друга дней, ей повстречался молодой человек, чем-то очень похожий на Володю. Хорошо образованный, интеллигентный, он пришёлся ей по сердцу. Вскоре Иван Сергеевич, сделал ей предложение, и она, потерявшая надежду найти любимого, согласилась. После свадьбы муж сообщил, что его направляют на работу в Иркутск. Страшновато было ехать в холодную, неизвестную Сибирь, но Иван Сергеевич так твердо стоял на ногах, так уверенно строил свою жизнь, что она пережила этот переезд без особых затруднений.

Ехали в Иркутск поездом шесть суток в общем плацкартном вагоне, где люди тесно общаются друг с другом. Днём она рассматривала мелькающие за окном города, поселки, и чем дальше, тем реже становились поселения. Природа Сибири её поразила: огромные просторы, дремучие леса – ели, кедры, лиственницы. Ромашки, васильки, лилии сплошным

ковром покрывали поляны. Когда поезд вдруг остановившись, в пяти шагах от стоянки можно было за пять минут собрать стакан брусники или клубники. Сидя у окна вагона, они с Иваном Сергеевичем то и дело показывали друг другу: «Видишь, козочка?» То на опушке леса появлялся заяц и, стоя на задних лапках, удивленно смотрел на большую зеленую гусеницу, с таким громким шумом проходящую по рельсам. Однажды на поляне остановился огромный лось. Он мотал головой, и его ветвистые рога сливались с ветвями деревьев.

В дороге появились первые знакомые – сибиряки. Одна женщина предложила отведать «тарак». Оказалось, это молоко, кипяченое в русской печи и заправленное сметаной, – очень вкусно. Другая семья предложила горячие домашние пирожки с осердием. Ближе к Иркутску вновь подсевшие пассажиры угостили очень вкусной рыбой, которой она раньше не пробовала, называлась рыба – омуль. Потом эта рыба стала любимой на всю оставшуюся жизнь.

Молодым выделили комнату в общежитии. Начали потихоньку обзаводиться имуществом, появился первый сынок. Иван Сергеевич защитил диссертацию и быстро рос по служебной лестнице. Вот он уже директор. Выстроили красивую дачу, дом – полная чаша. Но глубоко в сердце Лиды всегда жила память о Володе, их нежной, ни на что не похожей любви. Это была её другая, скрытая от всего мира жизнь. Она регулярно отмечала день их свадьбы, его день рождения, день рождения дочки, И в тайных мечтах, сама себе не создавая, лелеяла робкую надежду на встречу.

Прошло больше 50 лет семейной жизни, благополучной, полной. Иван Сергеевич умер неожиданно, скоропостижно. Лиде исполнилось 72 года, но она была по-прежнему высокая, стройная, красивая какой-то новой, зрелой красотой. Улеглась первая горечь утраты, постепенно успокоилась душа, и Лидия снова послала запрос в соответствующие организации о своем Володе.

И однажды её вызывали на переговоры. Она сразу узнала этот голос. Володя говорил взволнованно и торопясь. Просил сообщить адрес, говорил, что если она свободна, он приедет за нею. Они оба вдруг поняли, что прежнее чувство живо, никуда не делось, что хочется быть вместе. Лида не могла опомниться, не могла связно говорить. Она, как в тумане, продиктовала адрес и, придя домой, силилась понять – сон это или явь?

Через два дня Володя появился в Иркутске. Моложавый, ухоженный, интеллигентный пожилой человек сиял от счастья. Он рассказал Лиде, что во время войны его отправили на фронт в разведку, так как он хорошо владел немецким языком, и потому карьера его началась уже на фронте. Ещё там, не открыто, а через товарищей, он пытался найти Лидию. Делал это осторожно, чтобы не навредить ей. Ответа не было. После войны отучился, получил хорошее образование и, не отыскав её следов, женился.

Рассказывая друг другу о себе, сопоставляя даты, они обнаружили, что день свадьбы его с новой женой совпал с днем свадьбы Лиды с Иваном Сергеевичем. Дни рождения сына Лиды и дочери Володи тоже совпадали. Это был знак судьбы!

Уже пожилыми людьми, на 80-м году, они, любуясь друг другом и радуясь счастью встречи, уехали на запад России – к Володе. Расписались и ещё раз сыграли свадьбу.

Началась новая жизнь. Каждое утро Володя начинал с гимнастики и велосипедной прогулки в парке, к этому приучил и Лидию. Любовь была такой же яркой и нежной, как в 18 лет. Они старались наверстать упущенное время. Ходили на все премьеры в театры, в музеи, отдыхали в санаториях. Уговор был один: если умрет первой Лидия, он похоронит её здесь и завещает похоронить себя рядом. Если же раньше не станет Володи, Лида через год уедет к сыну в Иркутск.

Их счастье длилось десять лет. Первым ушел из жизни Володя. Лида выполнила уговор: отметила годовщину его кончины и вернулась в Иркутск. Сейчас ей 92 года. Благодарная судьбе, она остаётся такой же красивой. Наверное, счастье тоже красит человека.

«ЗАБУДЬ МОЁ ИМЯ!»

Узнать Нину Павловну было невозможно. Она и не она... Глаза её блестели, яркий румянец горел на чистом, ухоженном лице, волосы, крашенные «под блондинку» молодили её одухотворенное лицо. Она не говорила, а выплёскивала слова восторга по поводу «одного человека»: «Ты понимаешь, он вошел, и мы встретились глазами, и я сразу утонула, растворилась в них. Он, не отрываясь, смотрел на меня. Мы никого не видели и не слышали. Я выполнила свою работу и пригласила его к себе в деревню, в наш старый дом, где жили мои родители».

Сказка! Тихая деревня, раскрашенный осенним разноцветьем лес, шум медленно текущей широкой реки, и лодка. Плыли вниз по течению. Деревья любовались своей красотой, отражаясь в зеркале реки, и купали свои листочки в её прохладе. Середина осени. Тихое воркование птиц. Вот дрожащие листья осины, светло бежевые с ярко коричневым отливом. Клынула рыбка, схватила мошку, летящую над рекой, и нырнула обратно. Лодка плывет медленно, как бы неуправляемая человеком. Николай не сводит с неё глаз, открыто любит и наслаждается увядающей красотой шестидесятилетней женщины. Она видит только его глаза. Он медленно берет шест и направляет движение лодки. Это наслаждение близостью с природой, с

неожиданно приятным человеком, о котором она уже не смела мечтать. Он рассказывает свою историю.

Занялся бизнесом, день и ночь на работе, в разъездах. Дома жена и дочь. Жена заскучала, и однажды Николай, неожиданно вернувшись домой, застал супругу с молодым красивым чеченцем, который, годился в женихи его восемнадцатилетней дочери. Николай всё бросил и ушёл, запил. Долго не мог найти себя, но вот вернулся в родные места, чтобы набраться сил от родной земли и начать новую жизнь.

Река тихо несла лодочку по течению. Луч заходящего солнца скользнул по поверхности реки и осветил водное пространство до самого дна. Подул лёгкий ветерок, и сорванные им лепестки цветов и разноцветные листья красивым живым ковром покрыли поверхность реки. Скошенное сухое сено чистым и свежим запахом наполняло воздух. Тишина, покой и красота. Хотелось, чтобы никогда не заканчивался этот вечер. А вот и окончание пути, дорога к дому – извилистая тропинка, по краям хватаясь за платье, спелый шиповник предлагал свои плоды, ярко-красная, бордовая брусника манила: «Попробуй, съешь». Последние лучи солнца перебежали от куста к кусту, освещая тропинку. Никто не попался на пути. Николай нарвал осенний букет и, привстав на одно колено, смешливо поклонился и преподнес цветы: «Это Вам, мадам, с любовью». Тропинка подвела к дому.

Нина Павловна, в свою очередь, рассказала, что у неё двое взрослых детей. Сын женат, двое внуков. Дочь с мужем и уже взрослая внучка. А она одна, занимает приличную должность, много работает. Устала, взяла отпуск и тоже решила подпитаться приро-

дой в родной деревне, да и дом надо или продать, или сдать в аренду.

Пришли, затопили баню, навели порядок, к вечеру стало холодать – затопили печь. После бани пили чай с брусникой. Языки пламени от печи освещали их возбужденные лица. Уже в три часа ночи Нина Павловна постелила Николаю в зале, а себе – в спальне. Оба вздыхали. Под утро Николай не выдержал, попросил пустить погреться.... Утром пошли побродить по лесу.

Ну какая же тут красота! Так и хочется хватать грудью этот чистый воздух и никуда не уезжать отсюда. Вот живем мы в этом грязном, задымленном, холодном городе, каждый за своей железной дверью, толстыми решетками на окнах, а обед варим на газовых плитах, испускающих ядовитый газ. Остаться бы здесь, говорил Николай. Но... ждёт работа, да и к ведению хозяйства не приучены.

Нине Павловне тоже хотелось остаться. Набрали в лесу последних грибов, нажарили с картошкой. Николай сказал, что ему завтра исполняется полвека. Нина Павловна отметила про себя: «Молод, хотя выглядит-то не молодо».

Она состряпала рыбный праздничный пирог, наготовила салатов. Накрыли стол и пригласили оставшихся в деревне дальних родственников и соседей. Николай попросил принести гармошку, играл и пел красивым баритоном то грустные песни, то романсы. Пил водку мелкими глоточками.

Он не сводил глаз с Нины Павловны, ей было даже неловко перед гостями – это же в основном одинокие женщины, некоторые не спускали восхищенных глаз

с единственного жениха. Нине Павловне было приятно, и так радостно билось сердце в груди: «Он влюблен в меня, это мне он поёт и не прячет своих влюбленных глаз».

Начались частушки. Заплясали все под гармошку с припевками. Решили, что включают телевизор и будут танцевать под музыку. Николая расхватывали, наперебой приглашая танцевать. Зазвучал вальс. Он подошел к Нине Павловне, официально пригласил её на танец. Вел нежно, ласково обнимая её разгоряченное тело, наклоняясь, касался лба горячими губами и шептал красивые слова.

Гости разошлись поздно. Он обнял её, она вся дрожала. Он коснулся её губ и начал жадно, не отпуская, целовать – губы, лицо, шею. Ночь счастья провели вместе, сказочную ночь. Нина Павловна ломала голову: как поступить? Она не сомневалась, что он согласится на любое её предложение.

Но вот месяц сказки миновал, надо что-то решать: возвращаться в город или оставаться здесь. Решила уехать одна, надо подумать, как представить его детям, внукам. Посоветоваться с подругами. Николай отправился пока в Новосибирск.

Через двое суток она была уже в Ангарске, из Новосибирска он звонил ежечасно: «Тоскую, умираю, выезжаю». Решили вместе отпраздновать Новый год. Встретились в Новосибирске, в чужой квартире с чужими людьми. На улице холодно, ветер бросается колючими снежинками, забирается за воротник, мерзнут ноги, лицо. Николай стал как-то отстранённое. Неопределенность смущала обоих. Решили ехать в

Ангарск, а затем, по весне, перебраться на Север, подкопить денег и заняться бизнесом.

Поселились в квартире Нины. Первый восторг прошёл, она стала замечать, что Николай простоват, плохо воспитан. Как представить его дочери – учительнице? Правда, руки у него растут откуда положено. Все у него получалось красиво. Навесил новые карнизы, картины, отремонтировал мебель. Но вот на работу пока не собирается. В воскресенье поехали в Иркутск, ходили по музеям. У него было тусклое, не заинтересованное лицо, будто чего-то не достаёт. Зашли пообедать в ресторан. Оживился, заказали бутылку сухого вина. Стал разговорчивее, попросил вторую – покрепче. Появились неприятные хвастливые нотки в голосе. Нина Павловна предложила поехать домой.

– Нет, здесь хорошо, возьмем еще бутылочку.

– Нет, не возьмем, – впервые резко остановила его Нина Павловна. Николай начал куражиться. Пьяным языком высказал ей, что он не послушный раб, а потому возьмет бутылочку домой. Возвращались, в поезде молча. Николай, прислонившись к спинке, храпел. Когда храп становился неприлично громким, она стеснительно будила его. Дома постелила ему на диване, резко прервала разговор о несправедливости и задумалась: «Может, это причина его разрыва с женой?».

Утром Николай встал рано. Заботливо почистил плиту на кухне, начистил картошку, поставил кастрюлю с мясом. Нина Павловна молча, собралась на работу, решила, что не стоит сейчас выяснять отношения, нужно разобраться спокойно. Николай уже в

течение трех месяцев не мог найти работу. Вечером, к возвращению Нины Павловны, он накрыл стол и был прилично выпивший, говорил о своих достоинствах, достал из буфета бутылочку.

Разговор состоялся в выходной день. Николай предложил поехать в город, Нина Павловна решила объясниться.

– Знаешь, я договорилась с работой для тебя на Севере. Есть место и жильё.

– А ты? – спросил он.

– Я приеду позже, но у меня одно условие: если ты будешь там выпивать, то я просто не приеду.

Следующая неделя прошла в сборах. Николай ежедневно выпивал и «выяснял отношения». Через неделю он позвонил: «Работа меня устраивает, жильё тоже». Потом звонков не было десять дней. На десятый день среди ночи знакомо пьяный грубый голос потребовал поговорить с ним: «Деньги плачу я!», потом раздалось какое-то бормотание и храп. Трубка, не отключенная, гудела до утра. Утром, как ни в чем не бывало, Николай спросил в трубку: «Ну и когда тебя встречать, моё солнышко?»

Устало и раздраженно она ответила ему: «Забудь моё имя!»

НЕТ СТАТЬИ В ЗАКОНЕ

По тесному проходу электрички, заполненной народом, пробиралась женщина лет шестидесяти. Устало плюхнулась на сидение рядом с соседками по даче, тяжело вздохнула.

– Ну надо же так бессовестно нагадить на даче!

– Что, опять залезли хулиганы, что-то украли?

– Да если бы украли, бог с ними. Нагадили, перемешали варенье с салатами и с грязью. Труд целого года. Ну, унесли бы, взяли с собой, это же какие-то больные, шизофреники.

Женщина добавила ещё несколько нелестных выражений и затихла. Её соседка возмутилась:

– Ну, ведь никакой управы на них! В прошлом году зимой у меня всё вытащили из погреба, оставили погреб открытым, заморозили всю картошку и все заготовки. А я живу на пенсию в семь тысяч восемьсот, никаких денег не хватает, а эту зиму я с трудом выжила.

Третья поделилась своим опытом:

– Я теперь дверь просто закрываю, не пользуюсь замком. Замки несколько раз выставляли, они легко их ломают, выставляют стёкла и пакостят. Как-то всю посуду собрали, самовар на дорогу выставили, видно кто-то спугнул, так и оставили на дороге. А нынче я написала записку: «Господа, прошу вас, кушайте всё,

что я вам оставила. Но, пожалуйста, поберегите мой труд и, уходя, закрывайте двери». И, знаете, сработало. Поели, ни окурков, ни грязи не оставили и дверь закрыли.

Все удивились. Пожилые женщины и мужчины стали делиться своими встречами с «гостями».

– Приехали мы в обычный день, неожиданно. Я вошла первая. Двери открыты, день на дворе. На столе горит керосиновая лампа, духота, полдюжины бутылки на столе, какие-то объедки, грязь. На кровати и диване полуголые и голые женщины и мужчины крепко спят.

Я растерялась. Выходить к мужу – может возникнуть скандал, на дачах никого нет, опасно. Тихим, спокойным голосом я начала тормозить первую голую девицу: «Деточка, уже утро, вставай». Она открыла глаза, бесстыдно поднялась с постели, выругалась: «Слушай, тётка, ты пойдёшь, погуляй, мы позавтракаем и уйдём, поняла?» Вид у неё был совершенно бандитский, и я отступила. Муж спросил: «Чай поставила?» Зная характер мужа, я ответила: «Пойдём, принесём свежей воды с водокачки». Подала мужу ведро и как можно медленнее пошла к водокачке. Пригласила мужа посмотреть, как растёт посаженная в прошлом году лиственница за водокачкой. Когда подходили к даче, со двора вышли шесть человек, пьяных, неухоженных. Я схватилась за печень, отвлекая мужа от «посетителей». В безобразно испачканном жилище горела последним керосином лампа и лежала записка: «Считай, что ночлег оплачен и сверху ложим рубль».

Сидевший в углу мужичок интеллигентного вида, с острой седой бородкой, в шляпе, решил продолжить беседу:

– В прошлом году мне присвоили звание академика, решили отметить на даче в воскресенье. Утром заранее я привёз продукты, ящик вина и хорошей водки и, шутя, оставил записку: «Господа, если вы придёте на мой праздник раньше меня, то попробуйте нашей закуски и вина, но постарайтесь пользоваться в пределах дачи, ничего не брать с собой и быть приятными гостями». В этот же день меня срочно вызвали неожиданно в Москву. Я ничего не брал с собой, решил, что на один день. Когда я вернулся, то обнаружил полный порядок. На первом этаже лежала записка: «Спасибо за угощение. Мы выпили три бутылки водки, одну взяли с собой, а красное вино нам не понравилось. Может, оно и дорогое, но кислое. Оплата за угощение на втором этаже». На полу второго этажа лежала электроплита и электрорубанок. Плита дорогая и, понятно, ворованная. Начал опрашивать соседей вокруг, не потерялась ли у них имущество. Так и не нашли хозяев. Вот ведь как бывает. А вообще-то эта проблема сложная. Несколько раз мы отвозили таких «гостей» в милицию, но их тут же отпускают. Нет, оказывается у юристов подходящей статьи в законе.

ОДНАЖДЫ ОСЕНЬЮ

Осенью, в середине октября, мы с мужем получили путевки в санаторий на три недели. Санаторий, в котором отдыхали и проходили лечение участники Великой Отечественной войны, ветераны тыла, пенсионеры, был маленький, плохо обеспеченный кадрами и лечебными препаратами. Располагался зато он в красивой местности. Смешанный лес, который начинался сразу же за калиткой лечебной территории, поражал разнообразием растительности, обилием птиц и белочек. Деревья стояли нарядные: в осенних желтых платьях березы, оранжевые осины, в изумрудных фраках кедры. Ещё радовали яркостью красок увядающие на клумбах астры и чуть подмороженные головки бархатцев. Птицы летали над головами гостей, садились на плечи и клевали семечки прямо с ладоней отдыхающих. Белочки принимали только орешки и, «обыскивая» гуляющих, влезали в карманы и за шиворот.

Ночью небо становилось совершенно черным, и поэтому звезды казались такими яркими и блестящими, как игрушки на елке в новогодний праздник.

Днем отдыхающие медленно прогуливались по лесу, чаще всего рассказывая о своих заболеваниях, ставили диагнозы своим спутникам и давали советы по лечению. Жизнь протекала в мирном, спокойном

полусне: утром завтрак и физиопроцедуры, потом сон, прогулки. Обед с заранее знакомым меню, тихие переговоры за столом – один день похож на другой.

До конца нашего отдыха оставалась неделя. Обычный обед. Уже доедали суп, и вдруг все как-то встрепенулись и повернули головы в одну сторону. В курзал вошла элегантная женщина тридцати восьми-сорока лет с гордо поднятой головой, полуулыбкой на лице и каким-то удивительно сиянием темных глаз. По плечам спокойно лежали темные прямые волосы, слегка завитые на концах. Высокая, стройная, средней полноты, она сразу приковала к себе внимание. Одета в серую узкую юбку ниже колен, серую тонкую блузку, плотно облегающую её грудь и талию, разрез же на груди был так глубок, что хорошо открывал её полную красивую грудь. Туфли на невысоком каблуке подчеркивали её стройные ноги. Рядом с ней шел мужчина лет пятидесяти, правой рукой он поддерживал её за локоть и любовался ею, не сводя влюбленных глаз. Он вел её, как королеву, и улыбался, откровенно гордясь и наслаждаясь тем, что рядом с ним находится такая женщина. Ростом он был выше своей спутницы на ладонь, загорелый, в белом летнем костюме, белых туфлях и голубой тенниске. Светло-русые волосы, зачесанные назад, хорошо оттеняли его высокий выпуклый лоб. Дуги бровей, высоко поднятые над веками были как будто сломаны посередине. Тонкий прямой нос и тонкие яркие губы делали выразительным его интеллигентное лицо. В толпе усталых пожилых людей, немодно одетых и небрежно причесанных, эта пара казалась праздником, сулившим нечто необычное и интересное.

Мужчина отодвинул стул, посадил свою даму, подал ей прибор и стал наливать из супницы суп. После второй поварёшки она остановила его жестом – достаточно. Они ели медленно, улыбаясь друг другу и разговаривая глазами.

Отдыхающим тут же стало известно, что «новенькие» занимают лучший платный номер, состоящий из двух комнат, ванной и с хорошей мебелью. Никто ничего не говорил, но все с интересом ждали их появления в столовой на завтрак, обед и ужин. Для всех было загадкой, почему эта молодая красивая пара отдыхает в этом «богом забытом» санатории, где нет никаких развлечений, ночью нет дежурного врача, нет даже телевизора.

Через три дня после прибытия молодых был объявлен вечер отдыха. Объявили, что отдыхающие могут принять участие в конкурсе, исполняя какие-то номера. Таланты, как обычно, нашлись. Выступали пожилые люди со своими стихами, частушками. Ветераны пели песни военных лет. Им подыгрывал на баяне местный баянист.

Перед окончанием праздника появились «новенькие». Она в темно-синем платье в пол, расклепленном книзу, красиво открывающем спину. Лаковые туфли на высоком каблуке подчеркивали её стройную фигуру. Волосы, собранные в пучок сзади, открывали красивую тонкую шею. Из мочек ушей спускались тонкие большие кольца с бриллиантовыми вставками. Она была ослепительна. Он, в темном костюме и белой рубашке с галстуком-бабочкой, уверенно вел её к сцене. Сидящие в зале обомлели. Никто не услышал их имени и фамилии.

Они запели, у неё – колоратурное сопрано, у него – тенор:

«Ночью за окном метель, метель,
Белый беспокойный снег.

Ты живешь за тридевять земель
И не вспоминаешь обо мне ...»

Они пели и смотрели друг, другу в глаза, не отрываясь. И не только словами и голосом, но всем своим существом выражали нежность и страсть.

Потом она спела украинскую песню так, что её дважды попросили «на бис» спеть ещё.

Первое место присудили, конечно, прекрасным незнакомцам.

На вечере нам посчастливилось познакомиться с ними. Они представились мужем и женой и пригласили к себе в номер. Вечер был необыкновенный! Они много пели дуэтом и соло, мы читали стихи.

Галина и Александр наслаждались своей любовью, красотой и счастьем. Александр искал любую возможность сделать приятное Галине. Часа в три ночи начали танцевать. Он нежно прижимал её к себе, открыто и ласково целовал во время танца. Разошлись в пять часов утра, на завтрак Галина не пришла. Александр, появившись в столовой, сказал, что не стал её тревожить, она спит. Он отнес ей завтрак. Мы поблагодарили за прекрасный вечер.

Праздник продолжался все оставшиеся дни нашего отдыха. Собирались в их номере, пили чай, пели и танцевали, и мы не уставали любоваться этой загадочной парой.

В день нашего отъезда Галина записала номер нашего телефона и дала свой. Они оставались, а мы уезжали в конце октября.

В новогоднюю ночь они позвонили нам в двенадцать часов и спели свою грустную песню. На следующий день мы обменялись посылками-подарками... Мы позвонили им в старый новый год и долго разговаривали, слушая их счастливые красивые голоса. Я очень радовалась их звонкам, любила их слушать, но всегда какая-то грусть, какая-то недоговоренность оставалась в сердце.

Через год на наше поздравление ответил только Александр. Он сказал, что Галина уехала к дочери в Украину, и он не знает, когда она вернется. «Ну, тогда вы нам звоните, хорошо?» Александр ответил уклончиво: «Если представится такая возможность».

К этому времени мы уже знали, что они не супруги, просто работают на одном предприятии.

Через два года мы приобрели путевки в санаторий недалеко от места жительства наших друзей. Мы ехали с радостной надеждой на встречу с этими милыми, красивыми людьми. Через день после приезда позвонили. Телефон Александра не отвечал, а Галина уклончиво ответила: «Мы приедем к вам сами». Но не появились ни на второй, ни на третий день. На четвертый день дежурная позвонила, сказав, что к нам приехали наши знакомые. Мы быстро накрыли стол, и муж пошёл их встречать. Когда они вошли, я не узнала Галину: передо мной стояла усталая, сильно похудевшая пожилая женщина. В глазах затаилась боль и обида. Садиться за стол она отказалась: «Болит позвоночник». Я вынула подарки. Александр ловко вы-

хватил первый сверток и положил к себе в сумку. Вторым свертком, который предназначался ему, отправил туда же. Я напомнила, что первый сверток для Гали. «Для Гали? – спросил он. – А за что я вез её сюда, бензин теперь дорогой». И он победоносно упрятал его подальше.

Галя стояла растерянная и раздавленная, всеми силами стараясь сохранить тайну преданной любви. Она прятала свои прекрасные глаза. А он холодно и нагло подсчитывал убытки от этой поездки.

Галя тихо сказала: «Мы позвоним, как только приведем квартиру в порядок». Александр торопил: «Ну, сколько ты тут будешь, у меня нет времени». Они распрощались. Было ясно, что больше мы не увидимся.

Она медленно шла за ним, все ниже опуская голову. Я смотрела ей вслед и тоже ощущала боль и сожаление. Боль за неё, покинутую и оскорблённую, и сожаление расставания с красивой сказкой о любви, у которой конец оказался таким грустным.

ОТЦОВСТВО

Вася родился раньше времени на два месяца, пришлось долго его выхаживать, заниматься его лечением, чтобы он выжил. Рос он добрым и любимым, особенно отцом. «Наследник растёт», – радостно говорил отец.

Внешне Вася ничем не выделялся среди сверстников, рост у него был средний. А вот голос был необычный, очень хороший голос.

Когда он стал молодым человеком, девушки на него не заглядывались. Он и работу-то себе выбрал «среднюю» – шофёром на фанерно-спичечном комбинате.

Однажды при погрузке товара рядом появилась девушка, которая попросила его расписаться в накладной. Девушка была небольшого роста, со строгими серьёзными глазами, полноватая, с мягкой доброй улыбкой. Он недоумённо посмотрел на неё, расписался, а потом долго не садился в машину: красавица поразила Васю. С тех пор она каждую ночь снилась ему. Когда он получал на комбинате товар, с нетерпением ждал её выхода. Она появилась раз, другой, третий, улыбнулась, заговорила с ним. Он почувствовал себя раскованней, пригласил в кино. К его удивлению, Тася (так её звали) согласилась, а когда через два месяца он осторожно сделал её предложение, она так же легко согласилась выйти за него замуж. Но предупредила, что у неё очень строгие родители, надо засылать сватов, соблюдать все обычаи.

Неожиданное сватовство удивило родителей Василия. Но назначили день, приоделись понаряднее и с подарками пошли сватать невесту. Договорились, что жить молодые будут в доме Васиных родителей, вместе с ними. Тася опять безропотно согласилась.

Мать Таси долго говорила о строгостях их семейного воспитания; заявила, что молодые должны венчаться в церкви. Вася был рад предстоящей свадьбе и тоже на всё соглашался.

Свадьба состоялась в доме Василия. Гости хвалили невесту, жениха, но невеста была грустной, говорила, что болит голова. Разошлись все в два часа ночи, молодые в свою комнату, приезжие гости отправились ночевать в избушку во дворе. Всё затихло.

Ближе к утру Вася встал и стал искать что-то в комод. Потом молодые о чем-то долго возбуждённо перешёптывались. К десяти утра приехали родители Таси – поднимать невесту, а это значит, проверять, в каком состоянии простыня: если невеста девственна, то простыня должна быть в крови. Согласно обычаю такая простыня долго хранится невестой и оберегает молодую семью от неприятностей. Накрыли стол. Мать невесты торжественно вынесла простыню. Жених поблагодарил родителей и невесту за чистоту, и на этом самый щепетильный момент свадебного обряда был завершён.

Васю попросили перенести тяжёлый бак, и тут из-под рукава его рубашки показалась кровь. Родители забеспокоились: что это?

– Это я вчера на работе, тише, дайте бинт.

Молодые ушли в спальню, вернулись не скоро. Всем понятно – молодые, медовый месяц!

Вася жил, как в тумане. Счастье его было безгранично. Он уезжал на работу и через час возвращался, усаживал свою любимую, чтобы отвезти её на работу, на обед привозил домой, вместе уезжали снова. Тася часто задерживалась на работе, она была секретарём у начальника, и говорила Васе:

– Ты поезжай домой, я сегодня у родителей переночую, тут рядом.

На всё соглашался влюблённый муж, но однажды мать Таси возмутилась: «Да что, вам тесно спать вдвоём, что ты её к нам отправляешь?» А дома отец: «Ты, что, Василий, так жену от себя отвадишь. Кончай с этим!»

Прошло три месяца. Тася прилично «округлилась», реже выходила обедать со всеми. Однажды она не приходила домой два дня. На третий день. Вася возвратился с работы грустный, не стал ужинать, сразу ушёл в свою комнату, и мать услышала, что он горько плачет.

Оказалось, Таисья ушла из дома мужа совсем. Причин для развода не было. О ней все заботились, за три месяца Вася одел её «с иголочки», вечером читал ей вслух (он очень любил книги). Казалось, что в семейной жизни полная идиллия, но мать чувствовала: надо ждать беды.

Утром Вася сказал родителям, что Тася ушла от него. Причину её ухода он не объяснил.

Тем временем Тасин начальник выхлопотал ей комнату в общежитии и часто навещал её, заботясь о том, как она устроилась.

Через два месяца Тася родила сына, назвала его именем своего начальника, а отчество и фамилию оставила Васиным.

Вася привозил ей дрова и воду, обеспечивал продуктами, хоть со дня свадьбы знал о её жизни с начальником, и руку-то он порезал, чтобы никто не догадался о добрачной её любовной связи. Он простил жену.

На суде, разводясь с мужем, Тася объявила, что любит другого, что у неё растёт от него сын, что к Васе она претензий не имеет – он очень хороший человек.

Вася после развода не женился. Подросший мальчик начал бегать в гости к «папе», получал подарки, гостинцы. Вася привязался к мальчику.

Начальник с семьёй переехал в другой город, но обещал вернуться за Тасей.

Прошло два года. Тася ласково встречала Васю, когда он приходил навестить «сына» или поздравить её с днём рождения, с праздниками. Но возвращаться к Васе не собиралась, она по-прежнему ждала своего кумира.

Прошло семь лет. Однажды, когда он покупал на почте марки, из окошечка выглянула смазливая женщина и сказала, что Вася всегда поражает её своей щедростью: никогда не берёт сдачу. Она предложила ему лишний билет в кино. Вася купил.

Шёл «Тарзан», сразу две серии. Когда в зале погас свет, на соседнее место прошла женщина. Она смотрела кино восторженно, смеялась, толкала Васю в бок, прижималась к нему. В перерыве между сериями зажёгся свет. Вася узнал в соседке женщину с почты. Она начала рассказывать ему какие-то истории. А по

окончании кино просто попросила проводить её домой: она не знала, что фильм двухсерийный, что сеанс так поздно закончится и придётся идти домой ночью. Женщину звали Лидой, она жила на другом конце города. Разговаривать с Лидой было не о чем, Васе было с ней скучно, и он быстро ушёл, проводив её до дома.

Возвращаясь, он вспоминал свою Тасеньку, долго не мог уснуть. Назавтра пошёл проведать свою бывшую жену и не своего сына. Тася сияла. Она получила письмо от подруги, в котором та сообщала, что бывший её любовник развелся с женой и собирается жениться. Тасенька быстро выпроводила Василия и, счастливая, стала ждать своего поклонника.

Лида не отставала от Васи, делала ему предложение за предложением, уверяла, что Тася не вернётся, и через год переехала к Васе. Она была приятная, милая, любой мужчина был бы рад иметь такую заботливую жену.

Васе выделили квартиру, и они с Лидой уехали из его родительского дома. У Лиды оказалась какая-то бесконечная потребность в покупке нужных и ненужных вещей. Вася перешёл на другую работу, работал в две смены. Нарядная, модно одетая Лида не могла заниматься домом, семьёй, она категорически была против детей, у Васи же главной мечтой было стать отцом.

Прошло три пустых года. Без любви. Наряды, выпивки, глупые речи Лиды его раздражали, но он считал, что его жизнь кончена: Тася не вернётся, значит надо устраивать жизнь с Лидой.

Однажды, возвращаясь с работы, Вася обратил внимание на единственное светящееся окно почты. Он невольно заглянул в него и увидел свою жёнушку на диване с молодым офицером. Домой в эту ночь

Лида не пришла, а через день объявила, что любит другого и уезжает с ним в Севастополь. Горько и неприятно было это слышать, но Васю радовало одно: они с Лидой не были зарегистрированы, их брак не был официальным.

Вася проводил Лиду, сдал квартиру и вернулся жить к родителям.

Тася всё ждала своего «начальника», очень подурнела, стала выпивать. При встрече с Васей вела себя разнузданно, говорила, что скоро уезжает. Поведение Таси его впервые оттолкнуло. Он ничего ей не сказал, отдал гостинцы «сыну», проверил его дневник, поговорил об учёбе. Мальчик впервые попросил взять его к себе.

– Знаешь, сынок, мне надо с мамой поговорить, сегодня она нездорова. А если она согласится, я заберу тебя сразу.

– Ну, хорошо, папа, я буду ждать. Я люблю, когда ты приходишь. У нас мало денег, а мама пьёт.

Через две недели Вася пришёл за сыном.

Тася встретила его грозно:

– Что, я – дура такая, чтоб тебе сына отдать? Это же деньги от себя отдать. Ты его заберёшь, а кто меня будет обеспечивать? Я ещё у тебя алименты отсужу или давай, увеличивай мне дотацию вдвое!

– Официально ты ничего не получишь. Ты вышла за меня, чтобы скрыть большую беременность, ты же сама при разводе в суде это говорила. Да и методы определения биологического отцовства существуют. Просто отдай мне мальчика, и пусть он считает меня отцом. Ты изувечила всю его жизнь.

– Бери, только вместе со мной. Меня уволили с работы.

Васе было неприятно смотреть на неё.

– Нет уж, ты посмотри на себя в зеркало. Как ты себя ведёшь? Пьёшь с кем попало, грязная, тупая. Ты мне противна, ты мне не нужна. Жди своего начальника, а сына мне отдай.

И тут Тася в гневе выпалила:

– Какой он тебе сын? Я замуж выходила за тебя, а сын был у меня в брюхе уже от другого. Дурак, ты всю жизнь с ним возишься, а он и думает, что ты его отец.

– Папа, это правда?

– Ну, ты же знаешь, что у тебя и фамилия, и отчество моё. Пойдём ко мне, через год окончишь школу, будешь поступать в институт, будем жить вместе.

– Не смей его сманивать. Я тебя ненавижу!

Сын стоял в недоумении, но назавтра пришёл жить к Васе. Добрый мальчик, душа у него всё-таки болела за мать, каждый день он бегал к ней, носил еду и деньги.

После школы сын поступил в институт, успешно окончил первый курс, но его призвали в армию. Вася дважды ездил к сыну в армию, на восток, писал ему письма, тосковал.

Однажды, выезжая с завода, он увидел у ворот мальчишку лет семи, тот подбежал к кабине и попросил конфетку. Мальчик был грязный, худой.

– Ты как сюда попал? – спросил Василий.

– Мама ворота открывает.

– Скажи ей, что я тебя покатаю.

Мальчик побежал к будке. Вышла цыганка, довольно приятная и очень быстрая:

– Возьми на час и назад. Ваня, слышишь?

Ваня кивнул, молча забрался в кабину. Они заехали в столовую, пообедали, потом Василий купил пакет конфет и пряников, выполнил свою работу и повёз ребёнка матери. Ваня заметно отставал в умственном развитии, не учился, но очень умело ругался матом.

Через несколько дней Василий увидел мать Вани, было её дежурство.

– Где же Ваш Ваня?

– Заболел Ваня, всё вас вспоминает.

В обед Василий купил гостинцы и вместе с матерью Вани поехал к ним в дом. Землянка, в которой жили его новые знакомые, находились в «нахаловке» (район самостроя), в ней было холодно, грязно и, конечно, голодно. Ваня метался в бреду, весь горел.

Вася содрогнулся, увидев это. Он уже работал начальником охраны предприятия, получал хорошую зарплату, жил в доме родителей один, отец и мать уже ушли из жизни. Ему до боли было жалко мальчика. Вечером Василий забрал Ваню, выкупал его. Уложил к печке. Напоил горячим брусничным морсом. Ребёнок уснул. Ближе к ночи пришла Мария. Вася оставил их в самой тёплой комнате, сам уснул в другой, на диване. Наутро он вызвал врача, тот поставил диагноз: «пневмония», назначил уколы, тепло, частое горячее питьё.

По соседству с Василием жила студентка медучилища. Вася попросил её делать уколы, а Марию просил строго выполнять все предписания врача. Мальчик болел двадцать дней. Мария получила бюллетень по уходу за ребёнком и жила у Васи. Она топила печи, мыла полы, готовила обед, и в доме Василия опять стало тепло и уютно, как было при жизни родителей.

Когда Ваня выздоровел, Мария вышла на работу и первым делом пошла взглянуть на свою землянку. Но от той не осталось и следа: самострой снесли бульдозерами. Все «самостройщики» были официально предупреждены за полгода, кто сумел, перенёс свой скарб на новое место, Мария же оказалась «без кола, без двора». Они с Ваней остались «временно» жить у Василия.

Маша оставила работу, вела хозяйство. Не имеющий опыта в воспитании детей, Вася безмерно баловал мальчика, приносил ему подарки, игрушки. Когда через год Ване пришла пора идти в школу, мальчик сказал, что не хочет учиться. Он так и не окончил первый класс. Этот красивый «цыганёнок» был быстрым, хитрым, мог незаметно залезть в любой карман, стащить что-то у соседей, пользовался чужим огородом, как своим.

Прошло десять лет, Ваня превратился в красивого, крепкого парня. Каждый день он требовал у матери денег на бутылку, папиросы, сам же не только нигде не работал, но и не собирался трудиться.

Однажды, вернувшись из командировки, Вася не застал дома Марии. На вопрос, где мама, Ваня сказал, что она в больнице в бессознательном состоянии. Что произошло с ней, узнать ни от кого Вася не мог. Вся её спина была чёрной от кровоподтёков. Две недели, не выходя из больницы, Вася ухаживал за Марией. Она таяла на глазах. Похоронив её, Вася стал искать Ваню и нашёл его в морге, Ваня был убит в пьяной драке. Вася тяжело переживал утрату и винил себя за так горько сложившиеся судьбы Марии и Вани.

Прошло полгода. Однажды в доме Васи появился двухмесячный ребёнок. Племянница Лидии, которая теперь жила в Севастополе, без мужа родила ребёнка.

Лида, зная, как Вася любит детей, зная о том, что он остался один, решила помочь племяннице.

Был холодный вечер перед Новым годом. В доме тепло, на плите пельмени и котлеты, пахнет свежим хлебом. Василий и друг его детства Костя Мысин, зашедший в гости, провожают старый год. Вася не курит, не пьёт, очень чистоплотен, в его доме всегда уютно. Живёт он одиноко, «бобылём», привык уже. Да и поздно думать о новой семье: до пенсии осталось три года.

Неожиданный стук в окно. Вася :удивился:

– Кто там?

– Откройте, помогите ребёнку.

Друзья выскочили на улицу, даже не одевшись. Перед ними с ребёнком на руках стояла Лидия. Костя спросил:

– Откуда ты явилась, не поздно ли родила?

Ребёнок плакал. Вася схватил его и понёс в дом, не замечая вокруг ничего. Лидия рассчитала всё точно, она знала, что Вася ребёнка на улице не оставит. Вася развернул одеяльце: перед ним лежала беленькая кроха, мокрая, с тоненькими ручками и ножками, синеющая от холода. Вася быстро открыл комод, достал две простыни, попросил Костю разрезать их на шесть-восемь частей: сделать пелёнки и подгузники. Налили в тазик тёплой воды, завернули ребёнка в простынку, и уложили в тазик. Девочка перестала плакать, с удовольствием лежала в тепле и блаженно улыбалась.

Вася спросил, чем питается ребёнок. Лида с готовностью ответила:

– Она грудного молока не знает, пьёт коровье, разведенное, и детское питание принимает.

Девочку искупали, напоили вскипячённым и разведённым молоком, уложили на большую кровать, она сразу уснула.

Только тогда Вася посмотрел на Лиду тяжёлым взглядом:

– Кто тебя звал?

Она была хорошо подготовлена к этому разговору:

– Ребёнка хотел убить её отец, я девочку спасла. Мы ненадолго. Я найду квартиру, и мы уйдём.

Лида села за стол, поужинала, попросила выпить с «устатку» и скоро уснула спокойнейшим сном.

Ночью Светочка, так звал девочку Вася, несколько раз просыпалась. Вася поил её молоком, менял пелёнки. Лида спала беспробудно.

Вася утром вызвал врача, ребёнка поставили на медицинский учёт. Назначили искусственное вскармливание, выписали детское питание. Василий опять стал воспитывать чужого ребёнка. Началась новая, совершенно иная жизнь.

Лиду он не замечал. Только командовал:

– Постирай пелёнки, вскипяти молоко.

Теперь он по несколько раз в день забегал домой. В обеденный перерыв брал в детской молочной кухне кефир, творог и всё, что нужно для ребёнка. После работы спешил домой, нигде не задерживаясь. Частенько бывало, что дома он заставал девочку одну, без присмотра, мокрую, голодную, плачущую. Он купал, пеленал, кормил девочку, укладывал спать, напевая ей колыбельные песни своим красивым, бархатным голосом.

Чем больше он привязывался к ребёнку, тем больше ненавидел Лидию. А та, привыкшая жить только для себя, часто уходила из дома, не предупредив его:

навестить своих прежних подружек и друзей, посидеть в их весёлой компании.

Светочка росла здоровой, тянулась «к деду», улыбалась ему, любила его песни. В девять месяцев она сделала первые шаги, чем обрадовала Васю несказанно. Летом девочка плескалась в ванне в огороде, загорела, окрепла. Вася в ней души не чаял.

Лидия уехала в Севастополь «оформлять пенсию». Вася был рад её отъезду. Когда Светочке исполнилось три года, он отдал девочку в детский сад, радовался каждому новому слову, произнесённому «щебетуньей», был счастлив и мечтал только об одном: чтобы Лида не вернулась.

Но Лидия неожиданно появилась. Увидев девочку, воскликнула:

– Ой, какая хорошенькая! Я за ней приехала, просят привезти её в Севастополь.

Расставание со Светочкой было для Васи очень тяжёлым. Этот ребёнок стал самой большой привязанностью в его жизни.

Оставшись один, Василий очень тосковал, хотя никому не рассказывал об этом. Костя, подходя к дому друга, слышал, как тот поёт такие грустные песни, что ему самому становилось очень тоскливо, и он поворачивал обратно, даже не заходя в дом Василия.

Прошёл год. Неожиданно, так же, как и в первый раз, перед Новым годом, появилась Лидия. На сей раз она была одна. Сбивчиво начала рассказывать, что Светочку не разрешили вывезти из Севастополя по состоянию здоровья. Сказала Василию:

– Ты оформляй пенсию. Я пока поживу здесь, а потом продадим дом, уедем в Севастополь, Светочка бу-

дет жить с нами. Там климат для ребёнка очень хороший, не то что здесь, в Сибири.

Безропотно, даже не подумав о том, что у девочки есть мать, отец, родные дедушки и бабушки, Вася продал дом и поехал в Севастополь, к своей любимице.

Там, в чужой квартире, он оказался на «птичьих правах». Лидия как хозяйка стала требовать, чтобы он отдавал ей всю пенсию, чтобы не сидел дома, а шёл работать. Светочку уводили в детский садик, Лидия уходила к друзьям и родственникам, Вася работал – так проходили дни за днями.

Прошли годы. Выдав двадцатилетнюю Светочку замуж, Вася оставил ей квартиру, а себе начал строить избушку во дворе особняка деда Светочки. Но достроить избушку не хватило сил: он серьёзно заболел. Врачи обнаружили у него опухоль лёгкого. Ему нельзя было вообще находиться под палящим южным солнцем, не то что работать.

Умирал он без медицинской помощи, боли были нестерпимы. Он лежал, спрятав лицо под одеяло, заткнув им себе рот, чтобы никто не слышал его стонов.

На могиле в голос рыдала прилетевшая из Сибири сестра, оплакивала горькую Васенькину жизнь, просила у брата прощения за то, что не удержала его на родине, среди близких и любящих людей. Тихо шелестели листьями кладбищенские деревья, и казалось, что Вася отвечает своим тихим, красивым голосом:

– Никто не виноват, просто я очень любил детей ...

СУЖЕНЫЙ

Новый год выдался холодным. Мои соседи решили поехать на дачу, которая расположена в тайге, бараки лесозаготовителей после окончания работ опустели, и их заняли дачники. На вид жильё неказистое, да и холодное. Но начался настоящий дачный бум, и под дачи годилось воё. Соседка дала ключи от своей дачи, и мы поехали с подругой Машей и её мужем Мишей встречать Новый год в незнакомое место. Вечерело, когда мы вышли из электрички. Нашли домишко, осмотрели комнату: неуютно, холодно. Миша отправился заготавливать дрова, а мы взяли лыжи, и пошли покататься на ближнюю горку.

Немного потеплело, но мы больше падали, чем ездили. При очередном падении к нам подошел, вернее, подлетел и резко развернулся прыжком на лыжах парень, высокий, в сером лыжном костюме, ярко-красном свитере и заговорил.

– Девочки, поедemте со мной, недалеко такие слаломные трамплины...

Мы с Машей переглянулись: во-первых, мы не знаем, что такое слаломные, а, во-вторых, мы и по плоскости еле передвигаемся.

Маша ответила: «Спасибо за приглашение, но мы уже долго катаемся, нам пора». И мы потихоньку от-

правились к своему домику. Парень, продолжая уговаривать, проводил нас и попрощался.

К вечеру потеплело, пошел стеной крупный, мохнатый снег. В нашей комнате было так же холодно, как на улице. Миша не мог растопить печь, дрова были сырые, а хворост сразу сторел.

Недалеко от нашего домика мы видели две огромные поленницы сухих дров, но чужих. Маша предложила: «Давай, накинем на себя простыни и возьмем из поленницы по три полена для растопки. А за стеной снега и в простынях нас никто не увидит». Так и сделали. Накинули простыни, встали на лыжи, подъехали к поленнице, и только развернулись, чтобы отнести свою добычу, громкий окрик остановил нас: «Стой, кто идет?». Перед нами появился тот же рыжий парень и приказал: «Следуйте за мной!».

Появились и другие молодые люди. Положение очень неприятное. Нас ввели в большую, довольно хорошо обставленную дачу. Оказалось, здесь гостят парни и девушки из политехнического института. Строгим голосом парни потребовали объяснения. Заикаясь, мы пожаловались, что не можем растопить печь – сырые дрова. Хотели попросить у хозяев взаймы, но никого не было. Девчонки явно хохотали над нами, а парни серьезным тоном объявили:

– Мы вас отпустим, если выпьете с нами по рюмочке и назовете ваши имена.

Маша осмелела, увидела на столе красное вино и говорит:

– Знаете, мы медики и пьем только чистый спирт.

Парни расхохотались:

– Вам повезло, вон углу стоит ведро чистого спирта, мы вам можем зачерпнуть по кружке.

Мы испугались.

– Ладно, нас зовут Маша и Лиза, а выпить придем на Новый год. Нам надо истопить печь.

Парни нагрузились дровами, пошли за нами и тут, увидев нашего мужчину, явно разочаровались. Мы истопили печь, приготовили ужин и нарядили собственную ёлку у крылечка. Зажгли свечи и только решили открыть шампанское, как тут же появился тот самый рыжий парень. Он назвался Виктором, уже по-свойски открыл бутылку, предложил тост и остался с нами у ёлки до трёх часов ночи, благо, что ночь оказалась сиротской, очень теплой после сильнейшего мороза.

Утром мне надо было успеть на работу, а Маша и Миша остались ещё на два дня. В пять тридцать я побежала на электричку, и мне опять пересек дорогу рыжий парень. Я торопилась, и Виктор неуверенно, вроде бы с юмором, мне предложил:

– Давай встретимся в Иркутске, может и там сразу потеплеет?

Он сказал, что учится в институте. Я подумала: зачем он мне, я работаю, а он студент. Но, не желая его обидеть, назначила свидание через неделю у клиники.

Получилось так, что в назначенное время встреча не состоялась, я со своими подругами в это время была на конференции. Заседание закончилась поздно, и мы голодной толпой вошли в зал пельменной. За столиком сидел Виктор с незнакомым парнем. Он вскочил, предложил нам места и шепнул мне:

– А я думал, все кончено. Я же хотел сводить вас в кафе, неделю копил деньги от обедов. Испугался, думал, что не встретимся, других ваших координат у меня нет.

Пообедав, все разбежались по своим делам, а Виктор проводил меня до дома и снова пригласил на свидание. В это время меня должны были положить на обследование в клинику. Я снова подумала: «Парень для меня молод, студент». И, кажется, сказала это вслух. На это Виктор возразил, что три года отслужил в армии, потом год работал на шахте. И настоятельно просил о встрече. Я сказала, что у меня есть сын и мне неудобно перед ним, он будет жить у сестры, а я завтра ложусь в клинику. Так, ни до чего не договорившись, мы расстались, а на завтра я легла в больницу.

Виктор приходил каждый день. Однажды неуверенно сказал: «Я не знаю, что со мной, но я вот и от путевки отказался, и все время хочу видеть тебя». О сыне никогда не спрашивал, и я старалась не говорить на эту тему.

После обследования тяжелый диагноз был отвергнут, и меня выписали домой. Виктор приехал за мной, но я категорически отказалась, чтобы он меня сопровождал, не хотела, чтобы нас увидел сын. Он настаивал на своем и поднялся на нашу лестничную площадку. Дверь распахнулась, и вдруг сын, увидев Виктора, бросился к нему и радостно заявил: «Мама, дядя Витя будет жить у нас, спать он будет со мной. Мы с ним ходили на каток, на самбо и ещё мы побелили нашу квартиру».

Такой неожиданный разворот дела поставил меня в очень неловкое положение. Оказывается. Виктор узнал адрес сестры, договорился, что будет следить за сыном и так влюбил мальчика в себя, что вот уже 50 лет они живут душа в душу.

На следующий год у нас родился Андрюша. Витя в нем души не чаял. После рождения сына нам предложили новую квартиру, и мы справили новоселье.

ВОЕННОЕ ДЕТСТВО ВИТИ

Витюшке не было еще четырех лет, когда началась война. Жили они в Казахстане, тогда советском, в городе Змеегорске. В их двухэтажном доме со второго этажа, где находилась их квартира, вела широкая деревянная лестница, по ее перилам было удобно съезжать вниз. В доме было только два подъезда, в каждом жили его друзья. В большом дворе разместились сеновал и стайка, в которой жила красавица Манька, их большая корова, расписанная, как на картинке, красными и белыми пятнами. Мама очень дружила с Манькой, называла ее «моя хорошая» и перед дойкой обязательно выносила ей кусок черного хлеба с солью.

Дом стоял рядом со спиртовым заводом, где Витин отец работал директором. Когда мама стала женой отца, она привезла с собой сына, а Вити еще не было на свете. А когда он появился на свет, старший брат не мог смириться, как он считал, с соперником, ревновал к нему маму, часто обижал его, доводя до слез. Так что когда Витя немного подрос, он старался держаться подальше от брата и дружил со сверстниками из соседнего подъезда.

В один из первых дней войны отец пришел с работы раньше обычного, привез разные фрукты и еще выложил на стол что-то большое и круглое. Взял Витюшку

на руки, поцеловал несколько раз и объявил: «Сынок, я уезжаю на фронт, ты слушайся маму и Юру». «Ладно», – сказал Витя и побежал к столу, где лежали такие соблазнительные угощения. Большое и круглое – оказалось, арбуз. Витя ел его в первый раз.

Он не очень заметил отсутствие отца: тот каждый день пропадал на работе, уходил, когда мальчик еще спал, а возвращался, когда тот уже спал, так что Витя не видел его порой неделями.

С утра мама доила их кормилицу Маню, поила братьев парным молоком, и они отправлялись по своим ребячьим делам. Во дворе дома был маленький огород. Витя рвал там морковь и съедал её, слегка помытую, огурец вовсе не мыл, и у него часто болел живот.

Против дома была красивая зеленая поляна, где иногда паслась Манька. Обычно корову вечером встречала мама. Но однажды случилось так, что мать запозднилась, и Маньку никто не встретил. Корова подошла к подъезду, помычала и, не получив ответа, открыла рогами дверь. Потом, поднявшись по лестнице на второй этаж, попыталась войти в квартиру. Сбежались соседи. Все суетились, бурно обсуждая, как помочь теперь корове спуститься. Один из соседей взял ее за рога и начал подталкивать вниз, другие, забежав вперед, переставляли ей ноги. Так медленно и осторожно удалось спустить корову во двор. Когда мама вернулась, Манька жалобно мычала и лизала ей руки.

Когда Витьку исполнилось пять лет, мать вышла на работу, теперь встречать Маньку стало обязанностью Вити. Однажды мальчики из их дома, как обычно,

встречали коров с пастбища. И вдруг увидели: коровы бегут с дикими глазами, задрав хвосты трубой и дико мыча. Ребята едва успели отбежать в сторону – стадо промчалось мимо. День был жаркий, коров замучили пауты, и теперь они, потеряв голову от боли, неслись куда глаза глядят. Витек увидел Маньку и погнался за ней. Орал во все горло, плакал, но корова не останавливалась. Наконец она добежала до какого-то куста, встала в тень и стала чесаться о ветки. Мальчик догнал корову, но подойти ближе побоялся, сел на кочку поодаль и тихо заплакал. Стало смеркаться. Корова не двигалась, а он тоже боялся встать с места. Уже взошли звезды. Мальчик опять горько заплакал и громко сказал: «Я же боюсь, мне холодно, а мама дома ждет». Корова будто поняла, развернулась важно и медленно продефилировала к городу.

Мама для порядка шлепнула Витька, ласково заговорила с Манькой и повела ее доить.

Вскоре пришел аттестат от отца. Это был настоящий праздник. Мама дала детям по три рубля, каждый мог распорядиться капиталом по своему усмотрению. Витюша не знал дорогу на базар, поэтому пригласил друга. Какой-то черный дядька продавал петушки на палочке по 3 рубля 50 копеек за штуку, а конфету-подушечку – за 3 рубля. Купили подушечку. Конфету несли перекладывая по очереди на ладонь друг другу, и каждый потом облизывал свою ладошку. Витя нарочно держал ладонь открытой, чтобы в нее больше натаяло. Возле дома они раскусили конфету пополам. Это была первая в жизни самостоятельная покупка.

Вместе с аттестатом отец прислал письмо и фотографию. На фото он стоял в кожаном пальто и шле-

ме на фоне самолета в окружении молодых летчиков. Отец воевал на самолете еще в первую мировую войну, теперь его опыт и профессиягодились. Всю отечественную войну он прослужил командиром эскадрильи, перегонял самолеты из Комсомольска-на-Амуре, Арсеньева и Иркутска на фронт. Были и катастрофы, и утраты. Отец писал часто, но лицо его постепенно стерлось из памяти мальчика.

Первый год пережили благополучно. Вечером ребята со двора выкапывали картошку из их огорода, пекли в золе и ели все вместе. Зимой было хуже, сидели больше дома, валенок у Витюшки не было, он ждал, когда Юра освободит свои. У коровы кончился корм, и пришлось купить машину сена. Рабочие вывалили его во дворе, и ребята дружно перенесли его в сеновал, который стал потом местом их сборищ. В сене было тепло и уютно, и они, зарывшись в него, рассказывали друг другу страшные истории про домовых, леших и привидения, а потом ночью испуганно вскакивали с кроватей.

Манька была главной кормилицей семьи. Но вскоре кормить ее стало совсем нечем, и мать продала ее. Двор опустел. Не стало и молока. Мальчик постоянно хотел есть, осунулся, похудел. Правда, однажды Витьку сказали, чтобы приходил на проходную завода, там выдавали по стакану молока. Однажды, получив очередную порцию, Витя заметил, что во дворе завода бродит много кур. Куры, гуляя, то и дело прятались под амбарами. На завод посторонних не пускали, но заводская стена другой стороной приходилась на их двор. Витек прошел вдоль стены и обнаружил небольшой лаз. Снял пальтишко и протиснулся на

другую сторону. Прошелся по двору, стараясь быть незамеченным. Охранная собака облизала ему лицо и поползла под амбар, как будто хотела показать ему дорогу. Он решил, что там щенки и полез за ней. Но собака ткнула морду в ямку – она была полна куриных яиц. Витек тут же разбил одно и выпил – вкусно!

Он стал постоянно собирать яйца, с собакой они стали друзьями. Она ждала мальчика у лаза в заборе, и они вместе угощались яйцами. Зимой лазать стало труднее. Валенки у него не было, Юркины порвались. Он делал толстую стельку из сена, но оно выползло из-под пяток и тащилось за ним по снегу. Витя подходил к дыре в заборе и разговаривал с собакой. Она виляла хвостом, слушала Витьку и как будто хотела сказать: я бы принесла тебе угощение, но яйца в зубах не унесешь.

В следующую зиму Витюшке исполнилось шесть лет, и он почувствовал себя вполне взрослым. Ребята впервые взяли его с собой в лес, он стал ходить на лыжах. Зимний лес поразили своей торжественной красотой. Яркое солнце расцвечивало снег разными красками, он блестел и переливался до рези в глазах, огромные деревья, одетые в снеговые шапки, стояли, как деда Морозы, охраняющие дороги. Из мелкого кустарника выскакивали зайцы, замирали столбиком, глядя на мальчишек, и стремглав исчезали.

Ребята научили его ставить петли на зайцев. Какое это было счастье, когда удавалось принести домой добычу! Какой это был праздник в голодном доме! Потом Витя научился самостоятельно ставить капканы и подкармливал своими трофеями семью.

К концу войны Вите исполнилось 8 лет, но в школу он не пошел – нечего было надеть. Год был особенно тяжелым. Все в школу, а он – на двор за яйцами и в тайгу за зайцами.

Наконец вернулся отец – весь в орденах, в кожаном скрипучем пальто. Его встречали друзья по работе и сын. Витек не понял тогда, почему мать забрала Юрия и они уехали в неизвестном направлении.

Отец сразу пошел на работу. Вите хотелось как-то отпраздновать возвращение отца, и он решил сварить студень. Купил свиную голову, засунул в большую кастрюлю с водой, посолил и пошел играть в футбол. Вспомнил о ней, когда во дворе появилась пожарная машина. Из окон их квартиры валил дым, соседи кричали: «Пожар! Пожар!» Витек вбежал в квартиру: на плите стояла сгоревшая кастрюля, из нее торчала обугленная голова свиньи.

Отец не ругался, лишь сказал, обнимая сына: «Ну, сынок, и напугал ты меня, можно сказать, подложил свинью».

Вскоре отец нанял эвакуированную чеченку. Халиват стала приходить в дом готовить обед, убирать квартиру. А Витюшка отправился в школу.

НОВОСЕЛЬЕ

(Рассказ Андрейки)

А мы-то в новый дом переехали! В старом у нас была маленькая-маленькая комнатка и много мебели, которую папа и я называли деревяшками. В новой квартире две комнаты – одна моя, в ней тесно: все мои игрушки, стол, кровать и другие всякие деревяшки, а в другой – одна кровать. Мама сразу сказала, что её выбросят. Разве можно выбрасывать большую блестящую кровать? Папа говорит: «Ни за что!». А мама: «Хватит, я дома её терпела, теперь всё будет по-новому». Мне очень хочется узнать, как будет по-новому, а пока мне очень нравится большая комната. Пол в ней блестящий и очень скользкий. Если разбежаться из коридора, то можно прокатиться до батареи у окна и назад. Я сразу же привёл к нам половину старшей группы, и мы катались до прихода мамы. Папа лежал на кушетке в комнате и читал. Когда пришла мама, она ужасно рассердилась: «Ах ты, негодный мальчишка, что ты сделал с полом!» Мама будто не замечала, что это я не один, а просто у Генки были сапоги с гвоздиком, и когда он ехал, на крашеном полу оставалась канавка. Нам всем было завидно, у нас таких дорожек не получалось. А мама не понимала, что Генка самый главный, стала быстро одевать мальчиков и пошла провожать их домой. Потом она долго ругала папу,

что он слепой осёл. Я же точно знаю, что он человек. Наша мама ошибается.

Всё равно я каждый день катался по полу, и мне даже не хотелось выходить на улицу. А однажды к нашему дому подъехала большая-большая, как дом, машина. Когда открыли дверь, там оказались тяжёлые ящики. Шофёр и ещё какой-то дядя носили их на второй этаж. Потом мама дала им деньги, и они ушли.

Я весь вечер искал дырочку, чтобы узнать, что в ящике. Вечером пришёл папа. Мама улыбалась и сказала:

– Вот нам и привезли мебель!

Папа опять рассердился:

– Не нужны эти деревяшки! Понимаешь, мне простор нужен!

Почему-то они по-разному называли эти ящики. Потом мама шёпотом что-то говорила папе, я так и не услышал, и папа стал меня раздевать. Я схитрил и закрыл глаза, будто сплю, и не заметил, когда уснул. Утром мама сказала:

– Иди, посмотри, что в нашей комнате. Какая красота!

Когда я вошёл, со всех со всех сторон блестели ящики, стулья – сплошные зеркала. Посередине был стол. Я попробовал разбежаться, но ничего не получилось. Я сказал маме, что заболел, и она оставила меня дома. А сама ушла. Я стал рассматривать мебель. В одном ящике за стеклянной дверью были красивые полки, и я сразу понял: это гараж для моих машин. На нижнюю я поставил пятитонку. Правда, я её вымыл, чтобы мама видела, что она чистая. Не стал вытирать. Чистая вода стекала с машины по блестящей дверце

и капала на пол. В ящички, где зеркало, я сложил всё, что до этого было в моих карманах: камни, стёкла, все гвоздики и гирьки. Недавно мне дали леденцы, но я упал в лужу, и они смешались с землёй. Когда я их вытащил, они походили на цветной букет, который легко приклеился к зеркалу. Мне показалось очень неудобно – всё одинаковое и всё блестит. Я вырезал картинки немецких машин из журнала «Новые товары», достал клей из папиного ящичка и наклеил их на дверцу шкафа, в который мама повесила одежду. Потом я принёс гвоздик и в серединке другого шкафа прибил мамин портрет. Гвоздь плохо держался, и я вбил ещё четыре. Они были большие, я попытался их загнуть, но молоток всё время попадал мимо и каждый раз оставлял следы ударов на блестящей доске. Вот мама обрадуется, когда увидит, как я разукрасил комнату!

Когда мама позвонила и стала открывать ключом дверь, я заканчивал вырезать красивые цветы на стульях.

Я ещё не успел рассказать маме, как я старался. У неё вдруг изменилось лицо так, что я не понял, плачет она или смеётся. Мне кажется, она не поняла, что я очень старался.

АНДРЕЙКИНО ГОРЕ

Подарки приносили разные: автобусы, управляемый «ЗИЛ», пожарная машина, и в каждой игрушке – гостинец. Все сладости необыкновенные: огромная конфета, похожая на шоколадку. Правда, когда сняли конфетную обёртку, внутри оказалась обыкновенная вафля. Было очень интересно принимать подарки, и когда в другой комнате все гости уселись за стол, Андрейка выставил свои сокровища, и получилась дорожка из угла в угол комнаты.

Уже хотелось спать, когда в дверь постучали, и появилась подруга Андрейки Олечка. Она была старше Андрейки года на три, но дружат они с тех самых пор, как Андрейкины родители поселились в этой квартире. В руках Олечки был старенький, но ещё пригодный для езды трёхколёсный велосипед.

Игрушки померкли. Разве могут даже самые красивые игрушки сравниться с настоящим велосипедом? На улице январь, а так хотелось попробовать покататься. Оля усадила Андрейку, он проехал по комнате в коридор и направился, было, к гостям. Мама увидела это и строго сказала: «Ложись спать, кататься будешь летом».

Андрейка заплакал и, попросив у мамы мокрую тряпочку, стал торопливо протирать каждую спицу, каждый узел своего нового любимца. Ежедневно, воз-

вращаясь из детского садика, он смачивал тряпочку водой из крана и часами тёр свой, как он его называл, – велик. Велик стал членом семьи, с ним малыш разговаривал вечером, ставил у кровати на ночь и мечтал, мечтал ...

Теперь все угрозы касались велика: «Не съел суп – летом не будешь кататься», и всё сразу становилось на своё место. К весне Андрюша уже хорошо катался по квартире, и 9 Мая было решено выпустить его на улицу.

Солнышко легло на подоконник, проскользнуло в щёлочку тюлевой шторы и засветилось на лице Андрейки. Было 7 часов утра. Мальчик сразу проснулся и стал торопливо натягивать брюки прямо на пижаму, надел ботинки, перепутав левый с правым, и когда уже был готов, начал будить отца: «Папа, велик хочет на улице погулять, выпусти нас, пожалуйста». Отец удивился: «Андрейка, да ещё рано». Но мальчик настаивал, и после лёгкого завтрака ребёнка отпустили. Отец увидел, как ловко сын сел на велосипед и быстро стал набирать скорость. Малыш был так рад, что не мог молчать, громко что-то кричал и смеялся. Улица ещё спала, чистая, праздничная и нарядная, но пока безлюдная, ни души.

– Андрюша, катайся только во дворе!

– Хорошо, папочка! – и он начал делать быстрые весёлые круги.

Семья усаживалась за праздничный стол, и отец пошёл звать Андрейку. Мальчика во дворе не было. За столиком сидели первые любители домино, в другом конце двора играли мальчишки.

– Ребята, вы не видели мальчика на велосипеде?

– Нет, не видели.

Отец выскочил на улицу, обежал дом вокруг, помчался за угол.

Между забором и углом дома, прижавшись мокрым лицом к стене, тихонько плакал Андрейка. Лицо его распухло, глаза покраснели. По лицу ползли грязные ручейки, он не мог говорить – захлёбывался слезами.

– Андрюша, Андрюша, что с тобой, почему ты плачешь?

– Какой-то мальчик взял мой велик и больше сюда не приезжает.

– Ты ему сам дал?

– Нет, я бросал камешки в бассейн, а велик стоял рядом, а когда я захотел кататься, его уже не было. Я ждал-ждал, потом бегал за мальчиком, он ехал по той стороне, но не догнал, а теперь думаю, что он заблудился и не найдёт меня.

– А где бассейн? Может, он там и стоит?

И отец вместе с тяжело, по-взрослому тихо плачущим ребёнком вернулся во двор. Бассейном оказалась маленькая лужица, образованная струйкой воды, вытекающей из водопроводной трубы. Велосипеда не было.

От обеда мальчик отказался. Он весь день сидел на окне, грустными глазами провожая катающихся детей, и всё спрашивал:

– А мальчик, когда принесёт велик, увидит меня? Не заблудится? Велик устал, его надо помыть.

Снова и снова он смачивал тряпочку и клал её рядом с собой на подоконник.

Наступила ночь, а мальчик, взявший велосипед, так и не вернул его хозяину. Ночью Андрейка забо-

лел, метался, бредил и разговаривал с велосипедом, как с человеком, гладил его, спрашивал, устали ли колёсики, хочет ли он мыться.

Соседи считали, что нужно повесить объявление. Любая мать принесёт, если увидит в доме чужой велосипед. Совета послушались, но на объявление никто не отозвался. Через неделю Андрейке купили новенький, блестящий велосипед. Но он даже не посмотрел в его сторону. Лишь сказал: «Мне нужен мой, старенький, я буду ждать, когда он приедет».

СОСЕДКА

В дверь позвонили настойчиво и громко.

– Кто там?

– Откройте, я ваша новая соседка!

Я посмотрела в дверной глазок. За дверью стояла незнакомая женщина лет сорока азиатской внешности. Она держала в руках что-то тяжёлое.

– Вы что, не узнаёте меня, мы каждый день с вами встречаемся и здороваемся. Я из 46-ой квартиры, вспомнили?

Я ничего не вспомнила, но дверь открыла, и в неё тотчас втиснулась полная женщина с тёмными глазами на отёчном лице. У неё был острый отталкивающий взгляд, прямые, как стрелы, брови, низко нависающие глазницы; нос – расплывчатый, с каким-то дефектом справа. Обрамляли лицо рыжие мелкие кудряшки, сзади доходящие до плеч. Я невольно бросила взгляд на её неухоженные руки. Она это заметила и быстро заговорила:

– Мы купили квартиру в соседнем подъезде, очень запущенную. Второй год не можем закончить ремонт, некогда заняться собой.

Одета женщина в белую простенькую кофту и штаны-бананы чёрного цвета, шёлковые, чуть ниже колена.

– Вы понимаете, папа мой, пасечник, прислал уфимский мед цветочный, совершенно свежий, вот я

вам и принесла. Совсем не дорого, в два раза дешевле, чем на рынке: трёхлитровая банка – полторы тысячи рублей.

Она резко поставила банку на самый край тумбочки в коридоре, и если бы я её не подхватила и не пододвинула, она непременно бы разбилась. Я посмотрела – уж очень красив был этот мёд: прозрачный, коньячного цвета ...

– У вас есть мёд? Вот, покажите, какой у вас мёд, для сравнения.

Я принесла свою покупку, которую сделала накануне, она попросила принести ложку: нужно попробовать. Я пошла на кухню. Её мёд я пробовать не стала. Она торопила, почему-то уверенная, что я непременно куплю её мёд. Потребовала такую же пустую банку взамен:

Муж принёс банку и деньги, посчитали, не хватает ста рублей.

– Посмотрите, может у вас есть? – обратилась она ко мне. В комнате на кресле лежал мой кошелёк, я взяла оттуда и подала ей сто рублей. Незнакомка просительно обратилась ко мне:

– Вон у вас такой хороший цветок алоэ на окне, я только настоем его жива. Вы не можете мне его продать?

– Да, – говорю, – берите любой, у меня три цветка.

Она ещё больше оживилась:

– Вон у вас в большой комнате такие хорошие отростки. Я отделю один? – и она решительно двинулась к окну, приказывая мне на ходу:

– Принесите ложку, чтобы его вытащить.

Сама не понимая, почему, я подчинялась. Она при мне вытащила отросток, попросила принести какую-нибудь ёмкость, во что его поставить. Я принесла коробочку из-под сметаны. Ей бесконечно кто-то звонил. Я спросила, как её зовут.

– Надя. Я татарка, а волосы рыжие у меня крашенные, а мужа звать Василий. Ой, у вас какая детская книжка есть, а у меня дочке три года, как раз такую ей хотела подарить. Подпишите Наташе, – она положила сотню.

Я спросила номер телефона.

– Старые хозяева его продали, а нового мы ещё не поставили. Вы запишите мне свой, а я вам потом позвоню.

Только что не целовались, так ласково расстались с новой соседкой.

Когда она ушла, я оглянулась на тумбочку: ни моей, ни её сотни нет. Спросила мужа, не видел ли он деньги.

– Нет, не видел.

Я взглянула на кресло: кошелька тоже не было, а в соседней комнате исчезли ювелирные украшения и кое-что ещё. Когда она успела это сделать, ума не приложу. Но работает эта, может быть, и не Надя, классически! Артистка!

А чистый уфимский дедушкин мёд после приезда милиции нам посоветовали выбросить. Оказалось, что этим мёдом так называемая соседка «угостила» не только нас. В тот же день в милицию поступило ещё несколько заявлений от ограбленных покупателей уфимского мёда. Теперь нашу «соседку» разыскивает милиция.

ШАРЫЖАЛГАЙ

Рано утром в субботу пожилые люди появились в зале пригородных касс. К восьми часам зал почти полностью был заполнен ветеранами. Объявили отправление туристического поезда Иркутск – порт Байкал. Наш путь лежал в Шарыжалгай. Председатель совета ветеранов Вера Николаевна пересчитала отъезжающих. Молодых людей было мало. Ветераны подшучивали друг над другом, особенно когда пошёл приличный дождик и пришлось выстраиваться на платформе по 3-4 человека под один зонтик. Без шума и толкучки чинно вошли в вагоны и расположились компаниями. Через полчаса все разом вдруг захотели есть, хоть большинство позавтракало дома. Каждый предлагал своё угощение: «сладкие парочки», мясные капустные пирожки, булочки. Овощи и фрукты, шашлыки – все сопровождалось остроумными комментариями. Всю дорогу в течение пяти часов рассказывали небылицы и анекдоты.

Многие ехали этой компанией в Шарыжалгай уже в третий или четвертый раз, очень хвалили этот чудесный уголок природы, и новичкам не терпелось убедиться, в самом ли деле он так хорош.

Местечко под этим названием, одно из красивейших мест у озера Байкал, находится в 138 км от Иркутска, по старой Кругобайкальской железной до-

роге. Светлое, чистое море, не замусоренные берега, небольшая ровная площадка. Несколько домиков – железнодорожные вагоны, оформленные деревянной плиткой, ухоженные двухместные купе, свет, отопление. Сауна, спортивный зал, бильярд, танцплощадка. Стерегут этот участок суши высочайшие горы с ярко-зеленой растительностью, редкими деревьями, огромными полянами сочной травы. Поляны ярко-красных саранок и жёлтых лилий стелятся красивейшими скатертями. Днём никакой живности не видно, но с наступлением сумерек выходят погостить на сочную траву стада диких коз, которые с рассветом поднимаются в горы. В лучах восходящего солнца их стройные силуэты отчётливо видны на фоне зелёных сопков, и картина эта очень красива.

Раннее утро покоя и тишины сменяется таким же днём, ни один неприятный звук не тревожит этой чистой безмятежности. Утром единственный паровозик привозит несколько вагонов туристов, а на следующий день вечером забирает их и везёт обратно. Гостеприимная столовая вкусно кормит отдыхающих, а вечером у костра с шашлыками и песнями делятся до рассвета бесконечные душевные разговоры. Вот послышался сильный, красивый мужской тенор, девичье сопрано, и у нашего костра завязался разговор о счастливых обладателях красивых голосов.

Рядом с нами расположилась семья, и сосед вспомнил, как он приобщался к пению. Он учился тогда в пятом классе. Учительница пения выстраивала весь класс, и дети в течение сорока пяти минут должны были петь независимо от наличия слуха и голоса. Наш рассказчик понимал, что бог отказал ему в этом

даре, поэтому он стоял и молчал. Учительница требовала участвовать в пении, он упорно продолжал молчать. Тогда она решила его наказать и поставила в угол, где он и стоял до окончания занятия. Это было обидно, и у мальчишки созрел план мести. Однажды он, как обычно, отстоял своё время, ученики начали расходиться по домам, учительница повторила, что отпускает его тоже, а он стоит. «Можешь идти», – говорит учительница, а он стоит. «Что с тобой?» «Я не могу идти». «Почему?» «Темно, я боюсь, идти далеко, и мне страшно, проводите меня». Делать нечего, пошли вместе... Осень, становится всё темнее, подошли почти к берегу Ангары. Учительнице самой стало страшно. Мальчик говорит: « Нам ещё дальше, а там ещё темнее». Она в нерешительности предлагает: «Может, пойдём к нам, тебя проводит мой муж?». «Нет – возражает ученик. – Вы без меня найдете дорогу обратно?». «Не знаю, попробую». «Ну ладно – идите обратно», – снисходительно разрешил ученик, – а я попробую бегом добежать до дома». На следующее занятие учительница выстроила учеников, а нашему «певцу» сразу объявила: «Иди домой». То же повторилось и на всех последующих занятиях, а оценку за четверть выставили ему «удовлетворительно».

Мы посмеялись, и в разговор вступил другой мужчина, сидящий у костра. Он тоже рассказал, как «преуспел» в музыке. Подошел ему срок после десятого класса идти в армию, к этому времени его старшие друзья, с которыми он играл в футбол, вернулись, отслужив свой срок, рассказывали, как сложно в армии, и посоветовали, как облегчить службу. Вот выстроят вас и будут спрашивать, какие у вас специальности,

что вы умеете делать. Спросят: умеете сапожничать – поднимай руку, умеете бегать – тоже, ну и что-то другое.

«Так случилось, что первым нас выстроил концертмейстер и задал вопрос: «Кто, где, когда выступал, пел, учился музыке?» Я знал, что у меня нет ни голоса, ни слуха. Смотрю, поднимают руки ребята, поднял и я. Собралось человек двести, вечером нас построили на сцене, и мы начали разучивать первую песню: «Ясно солнышко в небе показалось, будет дороженьку нам освещать...» Он пропоет куплет, а мы должны за ним хором повторить. Он дирижирует, а мы поем. Я старался петь потише, чтобы меня не было слышно. Так мы готовились к празднику принятия присяги.

От занятий освобождены, завтрак – пение, обед – пение, даже от сна освобождали. Поправляться я начал и как-то потерял бдительность. Соседи по койке меня уже стали артистом называть, завидовали. Рассказывали, как они с большим трудом переносят тяготы военной службы. Особенно тяжело в наряде по кухне, всю ночь чистят картошку, а утром снова на строевую подготовку.

Живу я так роскошно более трёх месяцев, но стал замечать, что руководитель возле меня стал чаще останавливаться и ухо направлять в мою сторону. Ну, думаю, видно, ему мой голос приглянулся. И однажды, когда он на меня своё ухо направил, я громче других запел – во весь голос. Хормейстер резко остановился против меня, хитро прищурился, вытянул руку в моём направлении и, показывая на меня пальцем, фальцетом прокричал: «Так вот кто меня с толку сбивал три месяца! Чтоб я тебя больше здесь не видел!».

Так закончилась моя артистическая карьера». Посмеявшись ещё раз, мы запели дружным хором. Песни звучали до утра. Весь следующий день мы гуляли по Шарыжалгаю, восхищались утренним морем, когда серебристо-белые языки волн плывут издалека и растворяются у берегов, спокойно обмывая прибрежную гальку. Яркое солнце, чистый воздух, поход за курильским чаем на соседнюю железнодорожную дачу, последний праздничный обед, а вечером, перед отъездом, мы благодарим этот благословенный уголок.

Прощай, спокойный божий рай
Под именем Шарыжалгай!

ДАЧНЫЙ РОМАН

В середине пятидесятих годов прошлого века у нас в Сибири появилось поветрие – люди стали строить дачи. Руководство предприятий выделяло лесные массивы за десять – восемьдесят километров от города, по четыре-шесть соток на семью. Получали участки люди, проработавшие долго на предприятиях, облагораживать землю и строить домики должны сами дачники. Ставили и условия: не вырубать ценные породы деревьев, не строить крупных домов и не огораживать участки. Собственных машин в то время у людей практически не было, а потому выделяли участки главным образом вдоль железных дорог и вблизи рек. Потянулись люди с рюкзаками и с инструментами. Большинство говорило: огород сажать не будем, только отдыхать. Вначале так и было – привезли гамаки, бадминтон, делали теннисные столы, ходили на речку. Более практичные начали расчищать участки, а кое-кто уже потихоньку вырубал осины и березы, к крупным деревьям не притрагивались – они были все просчитаны и учтены. На некоторых участках было по тридцать деревьев и полно мелких подлесков, ступить ногою негде. Через год строгого начальника сменили, а новый разрешил убрать какое-то количество деревьев под площадку для дачных домиков. Строить разрешили домики площадью три на четыре метра,

можно сделать веранду, а сверху – хоть пять этажей. Повезли в основном старые бревна, задёшево купали в близлежащих деревнях заброшенные строения – амбары, стайки, бани и пустые дома. Завязалась горячая работа. Тащили что могли, в электричке пройти было невозможно – раньше ехали с лыжами на природу, теперь с какими-то бревнышками, досками от старых шкафов. Люди, как муравьи, трудились с утра до ночи, кому негде было ночевать, уезжали домой, чтобы утром вернуться, особенно в выходные дни. Стали вырастать домики, старые изношенные доски покрывали тремя слоями краски разного цвета – крыша зеленая, домик голубой, лестница желтая. На фоне яркой природы и кружева листвы они казались сказочными. У более старательных появились первые грядки клубники, а затем и теплицы для огурцов и помидоров.

Раньше с природой общались только в выходные дни и праздники, выезжали семьями на берега рек, загорали, купались, ели, выпивали, пели, тут же бегали ребятишки, у каждого были свои друзья, своя компания. Теперь общество разделилось по соседям. Лет через пять у всех уже были домики, огороды, сажали клубнику, малину, смородину, яблоньки. Родовались, когда получили первый урожай. Привозили домой, угощали соседей и родственников. Лет через семь – восемь появились клумбы с различными цветами, газоны. Соседи делились семенами, рассадой. Вечерами собирались, беседовали. Появились первые бани – кто-то один топит баню, соседи моются, пьют чай, на следующий раз другие приглашают.

С годами дачники старели, и молодежь, их дети, уже не хотели заниматься дачными делами. Первые дачники были людьми, пережившими войну, голод, очень ценили землю и привыкли трудиться. Но уходили люди старшего поколения, и появились запущенные участки, и наследников не радовало, что им досталась дача. В это время купить дачу можно было недорого.

Одну из таких дач и купила семья геологов. Красивая пара – высокие, стройные, работающие. С ними приехали их двое детей двенадцати и четырнадцати лет. Поселились они напротив моей приятельницы Вали. Валентина с мужем построили свой домик двадцать лет назад, дружили с прежними соседями, когда же те продали свой участок, они стали приезжать реже. Через год погиб их единственный сын, а ещё через год умер муж. Валя совсем потеряла голову, приезжала на дачу только с невесткой, которая совсем не хотела помогать. Подошло время уходить с работы, и Валя попробовала жить на даче. Поняла, что ей легче переносить свое горе на природе. Новые соседи геологи Алексей и Наташа оказались приятными, общительными людьми, они выстроили двухэтажный особняк со всеми удобствами и вскоре тоже ушли с работы. Наташа стала заходить к Вале. Разговаривали, пили чай, Соседка рассказала, что они с Алешей справили серебряную свадьбу – поженились они еще студентами, ездили вместе в экспедицию. Она была очень довольна своей судьбой. Алексей же, вроде, не замечал Валу. Попросит она где-то что-то прибить, исправить – он сделает и молча уйдет.

Валя приезжала не часто. Однажды после длительного перерыва приехала зимой за картошкой и увидела, что у соседей, единственных в поселке, горит свет. Постучала, открыл Алексей и заметно обрадовался. Оказалось, месяц назад умерла Наташа – скорая не смогла пройти через сугробы. Алексей очень страдал, говорили только о Наташе. В большом доме было холодно, дом для зимних морозов оказался не подходящим. Валя удивилась, что в такой мороз он один на весь поселок, спросила, почему он не едет домой. Алексей промолчал, но попросил Валю приезжать чаще, хоть одна живая душа рядом. Дети за все это время не приезжали ни разу. Договорились, что Валя приедет в субботу – через два дня. В назначенное время Алексей один стоял на остановке и так обрадовался её приезду, что неожиданно поцеловал её. Валя смущённо сказала, что она ненадолго: в доме холодно, а она покашливает. Зашли вместе в Валин домик, и она удивилась: пахнуло вкусной едой, домашним теплом, стол был накрыт. Это постарался Алексей. Вале это было приятно, она благодарно пожала ему руку. Долго разговаривали, сели ужинать. На столе появилась бутылка вина. Валя снова спросила, почему Алексей не уедет в город, Он вдруг разоткровенничался и рассказал: жена заранее разделила большую квартиру в центре города на две семьи – дочери и сына. Ещё при жизни они решили доживать на даче. Но когда начались сильные морозы, Алексей поехал к сыну и объявил, что он поживет у них недельки две, пока закончатся крещенские морозы. Он не может нагреть дом, а электричество отключили, дают только утром и вечером на два часа. Сын не возражал, но жена сказа-

ла: «Переночевать можете, а жить – у нас очень тесно. Если бы вы нам подарили всю квартиру, а не делили с дочерью – другой вопрос, нашлось бы место и вам». Очень расстроенный, не сказав ни слова, Алексей направился к дочери. Уже темнело, стоял страшный мороз. Дочь открыла дверь, и спросила: «А когда последняя электричка? У меня гости, а ты в таком виде». Алексей не стал продолжать разговор, повернулся и ушел. Он был потрясён, слезы подступали к глазам, сердце мучительно ныло, он не мог понять, как его любимые дети, интеллигентные, получившие высшее образование могли так поступить? Ночь он просидел на вокзале, переходя из одного зала в другой, чтобы не выставили на улицу. Вернулся с утренней электричкой в холодный и пустой дом, надеясь, что утром дети явятся с извинениями. Но они не приехали ни утром, ни потом, и уже неделю не проявляли никаких признаков раскаяния.

Он попросил у Вали разрешения пожить пока в её маленьком домике, который быстро нагревается и долго держит тепло. А свой дом будет ходить и подтапливать, чтобы не заморозить запасы в подполье. Валя согласилась, стала приезжать ежедневно, а потом осталась на месяц. Её невестка, вдова умершего сына, которая зорко следила за тем, чтобы Валя не смогла завещать свою квартиру кому-то другому, – забеспокоилась. Приехала на дачу и увидела, что она не одна. Устроила скандал и заявила, что вселится в её квартиру.

Постоянное общение, прогулки в дневные часы, катание на лыжах, когда Валя больше падала, чем каталась. Алексей ласково помогал встать, прижимал к

себе и целовал в замерзшие губы. Он становился все ближе. Вечерами они пели – у Валюши был хороший голос, получался красивый дуэт. То, что она испытывала с ним в постели она никогда не чувствовала раньше даже в молодые годы, Она поняла, что с каждым днем он становится ей необходимее и желанней. Понимала, что если расстанется с Алексеем, жизнь потеряет смысл. Приезд невестки чуть не разрушил радость их отношений. Алексей предложил: давай переедем на время сильных морозов к тебе, а потеплеет, переселимся в мой дом, летом сложим большую печь, запасем дров и будем постоянно жить здесь. Валя сказала: «Я поеду, поговорю с невесткой и через два дня вернусь. Жди меня со второй электричкой».

Невестка ничего не хотела слышать, смеялась: какая любовь на старости лет? Ей в голову не приходило, что Вале всего пятьдесят семь. Она надавала ей заданий на три дня и караулила, как бы та не сбежала.

После отъезда Вали Алексей побелил её домик, поменял шторы, принес и постелил ковер на пол. Ночью Алексей не спал, представлял, как они встретятся. Перебирал в памяти минуты встреч, вспоминал её глаза, покорные, добрые, доверчивые, тихий красивый голос, напевающий старинную русскую песню. И все теплее становилось на душе. Он выглянул в окно затянутое снежным рисунком зимы. Поднялся, надел пальто и вышел во двор. Ярко светила луна, земля, укутанная в белоснежное бриллиантовое одеяло, была такая чистая и уютная. Спокойная, безмятежная тишина... Огромный кедр, опустив лапы, дремал, обсыпанный звездочками снежинок. Тревожное чувство ожидания вызывало боль в сердце. Что принесет

ему завтрашнее утро? Он размел дорожки, подмел крыльцо. Он никогда не считал себя счастливым, все в его жизнь приходило с трудом. Валя стала его надеждой на то, что жизнь всё-таки наладится, что после потери жены, да и детей, которые стали ему чужими, он обрёл, наконец, близкого человека.

На следующий день, ожидая приезда Вали, он стал готовить праздничный обед. Затопил печь, стало тепло, уютно. Подумал: стол накроем вместе. Трясущими руками замкнул дом, завернул в газету букет, который собрал из домашних цветов, и торопливо направился на станцию, ко второй электричке. Ожидание было нестерпимо долгим, он не чувствовал холода, сердце билось учащенно. Вали не было. Алексей приходил к каждой следующей электричке, он весь дрожал от нервного напряжения. Когда подошёл поезд, он бегом вбежал в третий вагон, там спали два пассажира. Вали не было!

Валя приехала на следующий день на последней электричке: гнало какое-то беспокойство. Её никто не встречал. У первого вагона стояла скорая помощь, милиция и толпа людей. Что-то больно кольнуло в сердце. Предчувствие? Она подошла ближе. На рельсах лежал Алексей. Рядом в снегу лежал букет.

СЕМЕЙНАЯ ИСТОРИЯ

Однажды моей сестре Вале, проживающей в Хабаровске, понадобилось поехать в Ленинград на шестимесячные курсы повышения квалификации, и она решила оставить у нас свою трехгодовалую дочку Лерочку.

Они прилетели перед самым Новым годом. Самолет приземлился в Иркутске точно по расписанию, в половине второго ночи. Ляля (так мы называли Валу в семье) спустилась с трапа, неся на руках малышку, которая сонно прошептала: «Мамоська, мы уже прилетели? Это тё Лизиська?» Девочка легко переместилась ко мне на руки и спросила: «Мамоська сейчас улетит?» Я удивилась, как легко и доверчиво ребенок перешел ко мне, о которой знал только по фотографиям и рассказам. С мужем, вечно занятым на работе, Ляля оставить ребёнка не решилась, доверила девочку мне. Скороговоркой перечисляла у трапа: «Купать ежедневно, она любит купаться. Каждый день свежая ночная рубашка. Чтобы не простыла, надевайте все, что на ней сейчас: шубку, под шубку...» И так далее. Объявили посадку, мы попрощались. Лерочка спокойно обняла меня за шею, улыбнулась и тут же, едва мы сели в машину, уснула. Было три часа ночи, когда мы вошли в квартиру, но мой двенадцатилетний сын Женя, тут же соскочил с кровати и восхищенно ска-

зал: «Не девочка, а настоящий колобок!» Васильковые глазки обидчиво заморгали:

– Нет, я девочка, мне три годика и еще месяц!

Женя начал снимать с нее одежду:

– Мама, тут целая капуста!

И правда, на голове у Лерочки пуховой платок, под ним – меховая шапочка, потом пуховая вязаная шапочка и, наконец, белый платочек. Под мохнатой меховой шубкой пушистый шерстяной костюмчик, в котором она похожа на медвежонка, потом байковое платьице, а дальше нижнее белье. Сняли валенки, а там шерстяные носочки, а еще колготки. Ребенок деловито оглядывал комнату. Я спросила: «Будем кушать или ляжем спать?» Она ответила: «Сначала в ванну». В жизни не видела более счастливого лица, когда Лерочка начала булькаться в ванне: «Какая красивая водичка, какая светлая!!»

Когда через пятнадцать минут я попыталась вынуть ее из ванны, она запротестовала:

– Нет, я еще мало купалась.

Она долго еще не соглашалась покидать ванну. Я начала потихоньку спускать воду, она удивилась, что вода убегает, наклонилась ухом к отверстию и после долгих уговоров согласилась покинуть воду.

В отдельном пакете было аккуратно уложено двенадцать красивых ночных рубашек разного цвета, с вышивкой и кружевами. Совсем незнакомый мне мир – ведь у меня сын. Девочка взяла одну из рубашек, понюхала ее и сказала: «Наденем эту». Кушать она отказалась, и я уложила ее спать, рассказав на ночь сказку.

Утром наступила суббота, мне предстояло решить вопрос с детским садиком. Днем пришла моя подруга с сыном Мишей. Мальчик пришел от девочки в восторг:

– Какая она красивенькая, как куколка, я на ней женюсь!

«Жениху» было пять с половиной лет. Он посещал старшую группу того самого садика, в который предстояло ходить Лере.

Через день мы начали собираться в садик. Я сама не могла налюбоваться на ребенка. Слегка волнистые каштановые волосы, брови ниточкой, будто нарисованные, длинные ресницы вокруг ярко-синих веселых глаз.

Гардероб у юной красавицы был богатый. Я достала голубое платьице, голубые теплые колготочки и белый бант – обязательный атрибут наряда. И получила замечание: «Это некрасиво, бант надо, как платье, мама так делает». Пришлось повязать голубой бант.

За нами зашел «жених» Миша в сопровождении мамы. На улице он посадил ее в санки и повез в садик. Вечером воспитательница не могла нахвалиться на ребенка: такая самостоятельная, уменькая, будто всю жизнь ходила в наш детский сад. Миша несколько раз заходил в группу и спрашивал: «Тебя никто не бьет?» «Никто», – отвечала она.

Дома она так радостно общалась с Женей, просто не отходила от него. Ему надо делать уроки, а она просит, чтобы он с ней поиграл. Когда он садился за инструмент, Лерочка присаживалась с краю. Если он тихонько ее отодвигал, она бежала ко мне на кухню:

– Тё Лизиська, а Зеня меня тлогает.

Однажды, когда он отвлекся, Лера нашла бутылочку с чернилами и вышла на балкон:

– Зениська, я могу полить из бутылочки?

– Полей!

Лерочка стала поливать и попала на шедшую вниз женщину. Та, возмущенная, с криком стала стучать в нашу дверь, требуя родителей. Лерочка испугалась и забралась под кровать. Женя открыл дверь, ребенка не нашли, и женщина пообещала вернуться и разобрататься с родителями. С тех пор, когда Лерочка очень надоедала Жене, он говорил:

– Кажется, та тётя идёт...

И Лерочка мигом пряталась под кровать.

Миша неумоимо ухаживал за Лерой: играл с ней в песочнице, катал на своем велосипеде. Вместе с Женей они ходили за мороженым. Мама Леры, уезжая, предупреждала:

– Мороженое даже не показывать, сразу – ангина!

Женя начал закаливание: сначала давал немножко лизнуть, потом постепенно стали покупать такие же порции. Ангины не случилось, девочка ни разу не заболела. Ежедневное купание, прыжки, закаливание очень ее укрепили. Прошли первые двенадцать дней. Как-то я после очередной ванны решила надеть ночную рубашку повторно. Она посмотрела на нее критически, понюхала и вынесла приговор:

– Она несвежая.

Пришлось нарядить ее в Женину чистую рубашку. Со сбором в садик тоже были проблемы. Она знала, какие аксессуары нужны к каждой ее одежде и требовала эти правила соблюдать. Иногда у нее бывало

плохое настроение. Тогда она садилась на маленький стульчик и очень грустно говорила:

– Ко мне пришли капризики, их надо выгнать.

Капризики делились на красненькие и черненькие. Красненькие проходили сразу и сами, а черненькие мы выбрасывали в вентиляционную решетку, стряхивая с ее платица. Сразу у нее на лице появлялась добрая улыбка. Я понимала, что в это время она скучает о маме и папе, и спрашивала:

– Ты соскучилась?

Она молчала и уходила в другую комнату.

Мы постепенно разгружали ее от лишней одежды. Сначала избавились от шали, потом сняли вторую шапочку, затем пушистый костюм, сменили валенки на ботиночки. Она превратилась в обычную очень красивую девочку.

После работы я сама забирала ее из садика, а когда не успевала, просила знакомых или соседей. Однажды я запозднилась, всех детей уже разобрали. Сторож встретил меня на первом этаже и сердито сказал: «Никого здесь нет, ее забрали».

Я побежала домой – девочки не было, кинулась по соседям и родственникам, к воспитательнице. Обегала весь город, милицию, больницу, нигде нет. На улице ночь. Самая страшная мысль: «Украли!» Ведь сколько раз, проходя с ней по улице, мы слышали в ее адрес: «Какая хорошенькая девочка!»

Я уже не помню, где и как мы ее искали: в подвалах и на чердаках. Дважды возвращалась в группу – там тишина, никого не видно. В ее одежном шкафчике, на вешалке тоже пусто. Уже под утро, отчаявшись, я села в ее группе и заплакала навзрыд, с причитания-

ми. Вдруг слышу в зале детский кашель. Бегу туда: в уголочке, за пианино, на маленьком стульчике спит моя девочка и держит куклу, которую не разрешалось брать детям.

Лерочка даже не поняла, что ее не забрали из сада. Весь следующий день мы провели с ней дома.

В середине лета пришла телеграмма от её мамы, что она приезжает поездом. Но когда я сказала: «Будем встречать маму!», Лерочка как-то сжалась, не выразив радости. На вокзал поехали всей семьей. До прихода поезда дважды покупали мороженое, но она боялась есть – мама рассердится.

Подошел поезд, и из вагона вышла Ляля, элегантно одетая, красивая. Лерочка расцвела, засмеялась, побежала обнимать маму с мороженым в руках.

Смеялась и плакала, прижималась к ней, вымазала мороженым, не отходила от нее ни на шаг весь день, вечер и следующий день. Только тут я поняла, как сильно она скучала о матери, но, не желая огорчить нас с Женей, молчала об этом.

На следующий год семья Вали переехала в Хабаровск, и летом они пригласили Женю погостить и пообщаться с Лерой, которая очень привязалась к двоюродному брату. Женя гостил там все лето, а в конце августа сестра отправила его обратно со знакомым летчиком. Телеграмму я получила вечером, а самолет прибывал рано утром. Причем прибывал не в Иркутский аэропорт – он был закрыт на ремонт, а на военный аэродром в Зеленом, на станции Белая, что в 100 километрах от Иркутска

Выезжать следовало ночью, а одной в машине страшно. Я «запрягла» своего горбатенького «За-

порожца» и заехала за своей подругой. Ида тоже имела водительские права.

На Московском тракте было пусто, светало рано. Мы через 30 минут миновали Ангарск и приближались к Тельме. Неожиданно дорогу перерезала глубокая канава, по дну которой бежала быстрая речка. Раньше здесь был мостик, и мы не обращали внимания на это место. Теперь берега соединяли две толстые плахи, Стрелка указывает на объезд в 3,5 километрах. Показалось далеко, и мы решили рискнуть проехать по этим доскам. Я за рулем, Ида рядом.

До половины переправы проехали благополучно, и вдруг одно колесо соскочило с плахи, и машина легла на брюхо. Вокруг никого нет. Выйти не можем – висим над обрывом. Время летит быстро – висим уже 40 минут.

Вдруг показался трактор. Мы закричали, замахали руками, но он повернул обратно. Я в отчаянье: ребенок выйдет в пустом поле, где нет даже аэропорта.

Ида успокаивает: «Да неужели его отпустят одного? Не может такого быть!»

Вдруг тот же тракторист разворачивается и спрашивает: «У вас трос есть?» «Есть, – говорю, – да как достать?» Он опять развернулся и приехал с тросом. Добрался до нашего «Запорожца» и вытянул трактором на берег. До прибытия самолета оставалось 30 минут.

Едем на последней скорости, благо, дорога пустая, но что-то случилось с машиной, вести стало трудно. Погнулась ось. Когда до места осталось километров десять, мы увидели, что далеко на дороге кто-то движется. Нам навстречу с рюкзаком за спиной шагал

мой сын. Я получила урок. Вот уж действительно: поспешишь – людей насмешишь. Поленилась объехать три с половиной километра и получила стресс. Хорошо, что все кончилось благополучно.

ЗАПИСКИ ВРАЧА

НАМ НЕ БЫЛО И СЕМНАДЦАТИ...

В июне 1941 года я окончила девятый класс. Воскресенье 22 июня выдалось на редкость солнечным и ярким. Мы договорились всем классом провести этот день на островах реки Ангары – отпраздновать завершение учебного года. Уехали рано, и все эти долгие часы пели, шутили, дурачились, и казалось, не будет конца солнцу, нашей радости и нашей молодости.

Шумной и веселой гурьбой возвращались мы в город. И вдруг заметили: что-то изменилось в нем. По-прежнему сияло солнце, но как-то тихо и пустынно было на улицах, какая-то непонятная тревога глядела из окон. В городском парке Усолья-Сибирского, обычно шумном в воскресный день, не слышно было ни музыки, ни смеха, ни голосов. И даже собственный дом встретил меня пустотой.

Во дворе одиноко слонялся грустный Бобик. Я прошла на кухню, поставила разогреть обед, и вдруг в тишине дома отчетливо услышала: «Внимание, внимание! Говорит Москва! Слушайте сообщение чрезвычайной государственной важности!»

Так в мой город пришла война.

А через день мы провожали в военное училище трех мальчиков из нашего класса. В конце августа ушли еще

шестеро, а к началу учебного года из наших двух девятих едва набрался один десятый класс. А мальчишки наши все уходили. Мы искренне завидовали им, писали заявления в военкомат, обивали пороги райкома.

И когда наконец тринадцать наших девушек были приглашены повестками, в военкомат явился весь класс.

– Берем в школу связистов, – объявили нам в военкомате, – но только тех, кому исполнилось восемнадцать.

Этот день был самым горьким для меня – мне не было и семнадцати. Нас таких осталось семеро. Но могли ли мы спокойно сидеть за партами, зная, что наши одноклассники где-то на фронте или скоро там будут?

Мы организовали сандружину, помогали создавать госпиталь на территории усольского курорта.

В марте сорок второго к нам привезли первых раненых. Это была уже настоящая работа. Она позволяла нам чувствовать себя нужными в большом и важном деле, которым жил весь народ. Мы по нескольку дней не ходили домой, носили раненых, мыли, переодевали их, учились делать перевязки, писали за них письма домой.

В одну из таких ночей мне поручили дежурить возле тяжелораненого. Боец поступил в госпиталь с ампутированной ногой, и у него началось тяжелое осложнение, видимо, гангрена. Сделали еще одну ампутацию, но безуспешно. Пожилой усатый украинец в полузабытьи называл меня дочкой, то и дело просил пить и тяжело стонал. Мне казалось, что я вижу, как медленно, по каплям, из него уходит жизнь.

Ночью ему стало совсем плохо. Я кинулась в операционную, нерешительно остановилась за спиной у

хирурга, который вот уже вторые сутки не отходил от операционного стола.

– Раненому Ефременко плохо, у него руки холодные... Меня дочкой зовет... Он, наверное, умирает?..

Хирург встрепенулся, посмотрел на меня и снова повернулся к столу. Сказал, будто сам себе:

– Ногу нужно бы удалить полностью. А ему все равно не выдержать, кровь нужна...

И вдруг, будто рассердившись на мой жалобный вид, крикнул резко:

– Кровь нужна, вы это понимаете?

– Значит, он умрет? – спросила я.

Хирург не ответил.

Я пошла назад в палату, громко всхлипывая по дороге, вызывая удивление у встречного персонала – белый халат обязывает к выдержке.

Ефременко уже не стонал, не видел, как я опустила на стул возле его койки – он был в беспамятстве.

Я еще никогда не видела смерти. И не могла поверить, что вот так просто уходят из жизни сильные, большие люди. Хирург сказал, кровь нужна... И вдруг меня осенило. Кровь? Ну конечно же, как я сразу не догадалась?

Я кинулась назад, рванула дверь операционной:

– Может, моя подойдет? Берите, сколько надо!

Хирург в недоумении повернулся ко мне и вдруг понял, глаза его ожили.

– Определите группу! – коротко бросил он ассистентке.

Ассистентка сняла маску, повела меня по коридору. Мне показалось, что мы идем слишком медленно, ведь он там умирает. И другой страх – вдруг кровь не подойдет?

Кровь оказалась первой группы.

–Классический донор, – улыбнулась ассистентка.

Через полчаса началась операция. Я видела, как по прозрачной трубочке моя кровь вливается прямо в тело солдата, и мне казалось, что это я вдыхаю в него капля по капле жизнь.

Как закончилась операция, я не помню: потеряла сознание.

Только через две недели я смогла вернуться в госпиталь. И первое, что увидела, были веселые глаза усатого Ефременко.

–А вот и дочка моя, спасительница, – сказал он и посмотрел на меня тепло и внимательно.

Наверное, в этот день я нашла свою профессию. Профессию врача.

НЕ БУДЕШЬ ЗАДАВАТЬСЯ

После окончания третьего курса мединститута меня направили на производственную практику на Усольский курорт. Там долечивались участники Великой Отечественной войны. В полном убеждении, что я уже все знаю и все умею, я прибыла на место практики.

В стоматологическом кабинете курорта работала Елена Фроловна Зверева, опытный стоматолог, но со средним образованием. Кабинет, как и все в первые годы после войны, был оборудован плохо. Бормашина приводилась в действие нажатием на педаль, бор крутился бесшумно, но медленно. Медики называли машину «прялкой». Однако был набор отличного хирургического инструментария, видимо, вывезенный из Германии.

Мы проработали с моим руководителем неделю. Она удивлялась моим знаниям, а я – ее опыту.

Однажды она предложила мне поработать самостоятельно часа три, ей нужно было сводить корову в ветеринарную лечебницу.

Я, уверенная, что справлюсь, согласилась без колебаний.

Через несколько минут после ее ухода в дверь кабинета постучали. Больной держался за щеку и просил срочно позвать врача. Я объявила, что врач здесь я.

– Давайте, посмотрим, что там у нас...

Молодой лейтенант резко отпарировал:

– Не знаю, что там у вас, а мне срочно надо удалить зуб.

Рот он все-таки открыл, и я определила в области четвертого зуба острый пульпит. Предложила наложить мышьяк. Он убьет нерв, и завтра можно высверлить и поставить пломбу.

Но больной категорически отказался лечить зуб и настойчиво требовал его удалить. Я не выдержала и сдалась. Четвертый зуб имеет два тоненьких, как иголочка, корня, которые, тем не менее, очень крепко, почти составляя одно целое с челюстью, зафиксированы в ней.

Не зная тогда об этих хитростях зуба, я без рентгеновского снимка сделала анестезию и начала медленно выводить его из лунки. Зуб не двигался. Больше часа я крутилась вокруг этого зуба, умоляя про себя, чтобы скорее вернулась Елена Фроловна. А она все не шла. Больной терпел, но я чувствовала, что ему уже больно. Снова сделала анестезию, начала расшатывать зуб, и вдруг он зашатался и вышел. Но... с одним тоненьким корешком. И тут же я обнаружила посредине облом

второго корешка – самое страшное, что могло случиться. Эту крошку теперь можно достать в толще кости, или высверливая бориком, но это очень долгий процесс, или выбивая долотом. Я снова сделала анестезию. Большой начал сердиться.

Врачи иногда оставляют такие корешки, и со временем они как любое инородное тело сами выталкиваются организмом. Я посчитала невозможным оставить корень и начала долбить долотом, выковыривая его по крохам. Лейтенант терпел.

Через три часа пришла, наконец, Елена Фроловна. Осуждающе посмотрела на меня, мокрую и усталую, но помогать отказалась, мол, будешь знать, как показывать свою удаль...

Процесс удаления длился почти два с половиной часа. Я жалела больного, а он сочувствовал мне. До конца практики я залечивала ему эту рану, делая ежедневные перевязки. Боли у него не было, но и радости особой от утраты зуба он не испытывал.

На перевязку он приходил в конце приема, а потом сопровождал до проходной санатория.

Похоже, что на всю жизнь он усвоил, что не следует торопиться удалять то, что можно лечить. А я потом всегда учила молодых коллег: если есть хоть маленькая возможность сохранить этот важный орган – сделай это.

КУРИЦА

Начинала я работу стоматологом совсем зеленая.

Заходит в кабинет старушка, а у меня в кресле сидит молодой солдат, я ему зуб удаляю. Зуб крепкий, правда, болит сильно. Можно бы и лечить, но у него через

час уходит эшелон, ждать он не может. Мне бы мышьяк положить, но его больше двух суток держать нельзя, а он только через 5 дней будет на месте. А сейчас ему хоть в петлю лезь. Решили удалять. Сделала анестезию, накладываю щипцы, а зуб тяжелый, плохо прорезавшийся, как говорят стоматологи, ретинированный, нижний. Щипцы скользят, не могу ухватить. Я бьюсь, а больной на часы поглядывает. Я тоже нервничаю, ничего не получается. Придется выдалбливать долотом.

Наложили инструмент, тетя Катя, санитарочка моя, помогает. Время идет – зуб не двигается. Больной стал жаловаться на боль. Снова делаю анестезию, и вдруг зуб пошел – такой беленький, чистенький. Стою вся усталая, мокрая. А пациент как увидел свой зуб, взорвался:

– Да ты что, не видела, что он хороший? Сказала бы «нет», и все! Перетерпел бы...

Не понимает, что зуб пошел неправильно и его все равно пришлось бы удалить. Хороший я получила урок. А старушечка все сидела так же терпеливо – она пропустила солдата без очереди и теперь ждала у меня в кабинете.

Села она в кресло:

– Доченька, ты мне удали передний, глазной, боюсь я, не ослепнуть бы.

Зуб был парадантозный, лежал на боку. Я легко, одним движением его убрала. Бабуля руки мне целовать, благодарить за то, что я лучше, чем к солдату, к ней отнеслась, так быстро и легко удалила зуб. Кланяется. Так в поклонах задом и вышла.

Я думаю: «Вот ведь жизнь: тому с таким трудом удалила, пошла на поводу, хотя могла отказать. А он меня

так отчитал, что на всю жизнь запомнила. А здесь никаких усилий, и такая благодарность».

Прошло два часа. Вдруг вызывают санитарочку в коридор. Она возвращается и приносит петуха – благодарность от старушки. Я рассердилась: «Что это за безобразие – отдайте назад!»

Старушка расстроилась – решила, что петух мне не понравился. И к концу приема притащила курочку.

ВСЕ, ЧТО МОЖЕШЬ

Рабочий день подходил к концу. Заведующий хирургическим отделением, опытный врач Иннокентий Александрович Промптов заканчивал вечерний обход. Первыми осмотрел больных, которым в этот день была проведена операция. Доктор подходил к больному, следом шли медицинская сестра и дежурный врач. Подходя к кровати, сестра подставляла маленький тазик и из кувшина поливала руки доктору, затем подавала салфетку. Доктор осматривал каждого больного и пальпировал его только свежевывмытыми руками. Это занимало немного больше времени, но уважения к доктору было значительно больше. Он помнил каждого по имени-отчеству. Мягко и безболезненно прощупывал отёчность, назначал уколы и системы, спрашивал, как больной переносит лекарства. Внутривенные вмешательства он назначал с особой осторожностью, щадил сосуды. Если я назначала хлористый кальций или другой какой-то препарат с лёгкостью, то он отводил меня в сторонку и, ласково полуобняв, говорил:

– Дочка, отставить. Вены не помойка, нельзя их тревожить попусту, когда можно обойтись без внутренних вливаний.

Оперировал он блестяще и выхаживал больного с какой-то особой мужской нежностью. Он никогда никуда не спешил, отдавал работе всё положенное рабочее время. Небольшого роста, стриженный «наголо», тоненький, быстрый, он творил чудеса в хирургии. Отлично выполнял все полостные операции, а во время войны рискнул впервые делать операции на мозге, и делал их успешно.

Врачом он стал уже в зрелом возрасте, а ранее окончил Казанский университет, физический факультет, защитился, стал приват-доцентом. Женился на высокой красавице, хирурге Катерине – так он ее называл. Потом окончил медицинский институт и сам стал хирургом с «золотыми» руками.

Он много пережил, в годы репрессий отсидел какой-то срок и с тех пор в вопросах политики стал очень осторожен. Но любил свежие мысли, хорошо понимал творческих коллег. По утрам, когда хирурги собирались в ординаторской, он обязательно рассказывал какую-нибудь историю, анекдот, любил читать стихи.

Когда я пришла сюда на работу, Иннокентию Александровичу было за 60. Но был он очень энергичный, деятельный, трудоспособный и пользовался большой любовью среди больных.

В этот день он провел две больших операции, написал истории болезней, выпил чаю и пошел на вечерний обход. Я в этот день дежурила. У меня была палата челюстно-лицевых заболеваний, но дежурили тогда по очереди все врачи, независимо от специальности.

Обход уже заканчивался, когда позвонили из «скорой помощи» – поступил тяжелобольной из Мамон, деревни под Иркутском. «Скорая помощь» располагалась на первом этаже.

– Ступай, дочка, посмотри, не разберешься, приду я, – сказал Промптов.

Я спустилась вниз. На носилках с закрытыми глазами лежал в вынужденной позе пожилой человек с синим отечным лицом. Он не дышал, а свистел, грудь тяжело поднималась. Я не могла ни спросить его ни о чем, ни прощупать пульс. Он был без сознания.

Больного подняли в хирургическое отделение. Иннокентий Александрович надевал пальто, собираясь уходить.

– Что там, дочка?

– Больной в агональном состоянии.

– Что-то мое, видимо, придется оперировать.

Промптов снова надел халат, прошли в операционную. Поставили диагноз: флегмона крылонебной ямки. Это по моей специальности. Флегмона опасная, близка к основанию черепа, может быть, уже связана с мозгом. Больной перестал свистеть, затих, похоже было, что он умирает. Я говорю:

– Иннокентий Александрович, я попробую вскрыть по переходной складке верхней челюсти и пройти в крылонебную ямку.

– Дочка, он умрет у тебя под скальпелем, фактически он уже мертв. Если бы это сделал я – мне простят, а тебе нет. Ты должна лет десять работать осторожно, а потом авторитет будет работать на тебя.

Он вышел из операционной. Я начала быстро мыть руки, сестра готовила инструменты. Стали обрабатывать операционное поле. Медсестра говорит: «У больного нет ни дыхания, ни пульса».

Я сделала большой разрез по переходной складке в полости рта, раздвинула слизистую. Повалил густой, дегтеобразный гной с резким запахом. В это время в

дверях показался Иннокентий Александрович и начал быстро мыться. Когда я добралась до крылонебной ямки и дала отток экссудату, больной вдруг хрипло и протяжно вздохнул. Еще два часа мы промывали рану, делали необходимые процедуры. Время шло. Когда закончили, Иннокентий Александрович сказал: «Пишите историю болезни, очень подробно, случай необычный. А впрочем, я посмотрю». Было уже 12 часов ночи. Жил Иннокентий Александрович от больницы далеко, машины под рукой не оказалось.

Утром больной попросил пить, а к вечеру и есть. Вскоре он выздоровел.

С тех пор принцип – «сделай для больного все, что можешь и умеешь» стал правилом в моей врачебной практике на все 60 лет моей работы. И память об Иннокентии Александровиче Промптове, великолепном хирурге и человеке, эталоне врача, осталась на всю жизнь.

РОЗЫ ЗА СПАСЕНИЕ

Мне было 28 лет, когда меня направили в институт усовершенствования врачей по специальности челюстно-лицевая хирургия и травматология. Институт молодой, кафедры не укомплектованы. Но в этом сибирском городе – Новокузнецке я получила самую лучшую специализацию. Заведующий кафедрой, молодой профессор, читал лекции два раза в неделю. Его ассистентами были три парня, вернувшиеся с войны, где они оперировали по 8 – 10 раненых в день.

Из истории медицины известно, что на полях первой мировой войны солдат с челюстно-лицевыми ранениями, лица у которых представляли порой сплошное

месиво, даже не подбирали. Они считались на операбельными, не было таких специалистов среди врачей. А вот во время Великой Отечественной было спасено и возвращено в строй 90 процентов таких раненых.

Хирурги, обучающие нас, были отличными специалистами, хотя и не имели ученых степеней. Методика обучения была тоже необычной. Каждый курсант получил свою палату, и по мере поступления больных сам осматривал каждого, делал нужные анализы, ставил диагноз, докладывал на планерке ход будущей операции и готовил к ней больного. Оперировал тоже сам курсант, а ассистировал ему один из ассистентов кафедры. Позже я применила эту практику при обучении своих студентов.

Учеба продолжалась шесть месяцев. За неделю до окончания курсов в мою палату поступил больной, в диагнозе которого я не сумела разобраться сразу. Это был колхозник лет шестидесяти, худой, с коричневым пятном на щеке. Кожа уплотненная (инфильтрованная), местами красновато-синюшная, местами очаги в виде абцессов. При прорыве абцесса выделяется тягучая жидкость, содержащая небольшие зерна, так называемые друзы. Если эту жидкость рассмотреть под микроскопом, наличие друз подскажет диагноз – актиномикоз. Заболевание опасно тем, что процесс быстро распространяется вниз по лицу, опускаясь до верхнего легкого, инфильтрат заполняет альвеолы, и больной чаще всего погибает. В то время способов лечения этого заболевания не было, просто обозначалось: лечение симптоматическое. Мы успели лишь обсудить эту ситуацию и вскрыть один очаг.

После окончания курсов я возвращалась домой ночным поездом. В Иркутске меня встречали коллеги. По

дороге среди других новостей они, не скрывая иронии, рассказали мне об одном больном. Красавчик, инженер. Заметил у себя на щеке какое-то образование, свищик в области околоушной железы, из которого выделяется жидкость, и теперь жизни врачам не дает. Я предположила: может быть, была небольшая травма, и через травматическое отверстие теперь выделяется слюна. «Мы ему сказали, – рассказывали коллеги, – вот приедет наша заведующая и поставит все на свое место».

Приступив к работе, я пригласила больного на осмотр. Передо мной сидел очень красивый мужчина лет тридцати, с ярко-зелеными глазами, шапкой великолепных вьющихся волос, ярким цветом лица. Взглянув на меня, он не скрыл иронии: «Эта девица и есть консультант?»

Я смутилась, но промолчала. Пропальпировала больной участок и поставила предположительный диагноз: сиалоденит – воспаление выводного протока околоушной слюнной железы. Назначила лечение. Прошла неделя, но улучшения не последовало.

Сделала сиалограмму. Анализ показал, что околоушная железа здорова. Прежнее лечение пришлось отменить. Я изучила под микроскопом каплю выделяющейся жидкости и вдруг отчетливо обнаружила уже знакомые мне друзья актиномицета. Диагноз стал ясен: актиномикоз шейно-лицевой области. В то время это заболевание приравнивалось к раку, но оперативному лечению не подлежало.

Я испугалась, знала, что клиника здесь не поможет. Перебрала всю литературу, вычитала, что раньше назначали противовоспалительное лечение.

Он, между тем, приходил каждый день и показывал все новые свищи. Затем на их месте появлялись рубцы, кожа становилась багрово-синей. Я видела, что инфильтрат сползает все ниже. Я вскрывала каждый свищ, промывала из шприца антисептиками, обкалывала радиевыми иглами, облучала рентгеном... Лицо у пациента стало желтым, а затем коричневым.

Каждая встреча с этим человеком становилась для меня стрессом. Больной смотрел на меня ненавидящими глазами, подсчитывал каждый свищ, обещал отдать меня под суд за некавалифицированную помощь. А я не могла сказать ему, что его болезнь неизлечима. Даже мой маленький сын знал, сколько «дырочек» появилось сегодня у дяденьки, и утешал меня, когда я плакала от своей беспомощности. Мне страшно стало идти на работу.

Болезнь прогрессировала. И однажды он заявил мне, что у меня пора отнять диплом, отказался от моего лечения и потребовал передать его в клинику. По дороге в город он уничтожающе смотрел на меня своими красивыми глазами и говорил много обидного.

Профессор, к которому я привезла его на консультацию, очень внимательно осмотрел его, что-то долго писал, а потом попросил больного подождать в коридоре.

Как только больной прикрыл за собой дверь, профессор, не стесняясь в выражениях, стал выговаривать мне:

– Что же вы, сударыня, забыли, что актиномикоз заболевание пока неизлечимое, это в каждом учебнике сказано. Зачем вы везли его ко мне, зная, что я не смогу ему помочь? Лечите, как лечили, симптоматически, осталось ему совсем немного...

Выходя из кабинета, я подготовила лицо, собираясь сказать больному, что мест пока нет, и ожидала его гневной реакции. Но... больной предупредил мою ложь. Передо мной стоял сгорбленный старик с потухшими глазами. Очень тихо, едва шевеля бледными губами, он сказал: «Я слышал свой приговор, буду выполнять все, спасите меня». Мы молчали всю обратную дорогу, ему стало плохо.

Неделю мы выхаживали его в стационаре, тихого, несчастного, послушного.

В это время в Иркутске появился новый препарат – стрептомицин. На него медики возлагали большие надежды – это была новая разновидность антибиотика. Выдавали его буквально по бутылочке фтизиатрам, детским врачам, хирургам.

Я подумала: «А почему не попробовать?» Вскрыла гнойник и промыла раствором стрептомицина. Уже на следующий день часть свищей начала подсыхать, а лекарства больше нет. Я объездила все больницы, выпрашивала эти бутылочки и по три раза в день промывала свищи. Инфильтрат начал рассасываться, и к тридцатому дню лечения осталось лишь светло-коричневое безболезненное пятно. Больной мой становился мягче и добрее с каждым днем. А вскоре вылечился окончательно.

Выписавшись из стационара, он получил путевку в южный санаторий и по дороге заехал в Москву и написал благодарность в Министерство здравоохранения. Недели через две мне прислали официальную благодарность Министерства и письмо из института микробиологии. Профессор Сутеев приглашал меня на работу в институт для исследования моего метода лечения и внедрения его в практику здравоохранения.

Оказалось, так впервые был излечен шейно-лицевой актиномикоз.

А мой пациент долгое время каждый Новый год, 8 марта и в день моего рождения заходил (большой, красивый, здоровый) ко мне на работу и с порога громко провозглашал: «Где мой любимый доктор?» Публично целовал мне руку и вручал большой букет роз.

СЛУЧАЙ С ИНКАССАТОРОМ

Дверь в кинозал приоткрылась, и в темноте раздался громкий голос: «Доктор Родина, вас ждет «Скорая помощь», выходите!». Кино, как назло, интересное, Муж возмущенно: «Когда это кончится?» Но я встаю, и мы идем к выходу.

В приемном покое пахло свежей кровью. Санитарка смывала кровавые лужи с линолеума на полу, дежурная сестра вызвала лифт.

В операционной на столе лежал мужчина, до подбородка прикрытый коричневой простыней. Пока я мыла руки, дежурный хирург рассказывал историю. Больной – инкассатор. Они с охранником везли большую сумму денег, неожиданно им навстречу вывернула машина со стрелой подъемного крана. Кран резко опустился на инкассаторскую машину, на инкассатора посыпались мелкие колючие осколки стекла и части разрушенной кабины.

Больной был в шоке. Вместо лица – плоская тарелка, наполненная кровью. Левое веко оторвано и висит на волоске, нос вдавлен, скуловые кости провалились, губы разорваны, нижняя челюсть с одной стороны превратилась в мешок костей. Вся кожа на лице иссечена кровоточащими мелкими порезами.

Дежурный хирург считал, что больной до утра не доживет, поэтому надо поторопиться «сделать лицо» (чтобы в случае смерти выглядел прилично).

Когда обложили лицо салфетками, я на секунду задумалась: с чего начать? Решила подшить веко. Потрогала глазное яблоко – реакции никакой. Значит, нарушены и мышечная система, и нервная проводимость. Чтобы «сделать лицо», надо поднять скуловые кости верхней челюсти. Я туго забинтовала салфетками гайморовы пазухи – скуловые кости поднялись. В нос вставила тонкие резиновые трубки, а под носовую полость – тампоны. Единственную подвижную часть лицевого скелета собрала на дугу тонкой лигатурной проволокой и вывела на марлевую шапочку с помощью крючков. Чтобы остановить кровотечение из многочисленных лицевых порезов, пришлось наложить более двух сотен швов волосом,

Операционная сестра говорит: «Зачем вы так стараетесь, волосом шьете, кто это увидит?» «По привычке», – отвечаю.

Написала историю болезни, изложила ход операции, взглянула на часы. 4 часа 25 минут. В коридоре на скамейке дремлет муж. Говорю: «Может, мне остаться до конца, зафиксировать смерть?» Решили все-таки пойти домой. На улице ни души. Воздух чистый, мягкий, после операционной это особенно приятно.

Долго не могла уснуть. Ничего не знаю об этом человеке, но как-то тоскливо и жалко его.

Утром встала, уверенная, что больной уже вывезен на лестничную площадку – сюда, под лестницу, через два часа после смерти выкатывали на каталке умерших перед тем, как отвезти в морг.

Кидаю туда взгляд, но на лестничной площадке пусто. Захожу в ординаторскую, навстречу мне улыбается дежурный хирург:

– Ваш крестник жив. И, вроде, пытается что-то сказать»,

В палате двое. Молодой парень смачивает губы моего пациента мокрым бинтом, намотанным на палочку. Палатная санитарка домывает пол, в окно ярко светит утреннее солнце, освещая перевязанное лицо и голову моего инкассатора. Он что-то пытается мне сказать. Бинты промокли, но перевязку я решаю перенести на вечер. Сделала назначения и ушла вести прием больных.

Вечером больной (выяснилось, что зовут его Павел Парфенович) попытался мне пожаловаться на боль. Я пропальпировала ему голову, шею, уши, но, видимо, не попала в место боли. Бинты опять трогать не стала. Через день – перевязка. Удивительно, но все мелкие раночки затянулись, их почти не видно, только, как усики, торчат кончики волоса. Веко держится хорошо, нос красивый, прямой, четко обозначились бугорки щек, только нижняя челюсть выведена на крючки марлевой шапочки. Больной пишет записку: «Здесь все хорошо. Сильно болит нога, бедро в области головки». Все удивляются: «Ну надо же, выкарабкивается».

Посмотрел общий хирург: «На рентген!» Снимок показал оскольчатый перелом шейки бедра, нужна операция. Но наркоз надо вводить через рот или нос, а такой возможности нет, надо ждать еще недели две.

На следующей перевязке больной опять пишет записку: «Е. Н.! Я не вижу левым глазом. Будете выписывать, не пишите, что он ослеп. Мне осталось 4 месяца до пенсии, а меня уволят по здоровью». Потом посмотрел в

маленькое зеркальце, улыбнулся и написал: «Нос у меня был с горбинкой, а теперь прямой, как у Аполлона. Я бабник, сейчас стал еще привлекательнее. Спасибо».

Мне стало и смешно, и радостно: человек еще не знает, что будет с ногой, но уже видит себя здоровым. Через две недели сделали операцию на ноге. Нога стала короче. Когда я заполняла выписку из истории болезни, Павел Парфенович попросил записать диагноз полностью: на работу его не возьмут из-за укороченной ноги, а если присоединится и глаз, дадут группу инвалидности более подходящую и, значит, пенсия будет больше.

ЛУЧШЕ БЕЗ ТРУБОЧКИ

После войны все школы Иркутска были «однополые»: мальчиковые и девичьи. Окончив институт, я ходила осматривать и лечить школьников. Это была работа на общественных началах, по 2 часа в день после приема в поликлинике. Я лечила зубы, которые можно было вылечить в одно посещение, особенно у старшеклассников - выпускников.

Школа, о которой идет речь, была мужская. Однажды, осматривая десятиклассника, я обратила внимание на то, что он непрерывно кашляет. Спрашиваю: «Вы давно болеете?». Он бодро отвечает: «Это у меня всегда, особенно после того, как вернулся с фронта».

Надо сказать, что в 1946-47 годах учащиеся старших классов были фронтовики, возвратившиеся в возрасте 22-23 лет. Такого же возраста был я и еще одна молодая учительница – англичанка. Я решила послушать ученика. Фонендоскопа с собой не оказалось, послушала ухом, постучала пальцами (называется аускультация и пальпация) и услышала хрипы и укороченный звук

при обследовании. Поняла, что у парня пневмония. Я отвела молодого человека в стационар, там диагноз подтвердился.

На следующий день к моему кабинету выстроилась очередь учеников-фронтовиков, и все они, как могли, покашливали. Не понимая в чем дело, я усадила первого в кресло осмотреть полость рта. Осмотрела, заполняю амбулаторную карточку, а ученик продолжает стоять. «А Вы можете идти и пригласить следующего», – говорю ему. «Вы видите, я кашляю», – он кашлянул, – «Вы послушайте меня, как Токарева, ухом». «Давайте, у меня сегодня с собой трубочка».

Потускнел мой молодой человек и настоял, чтобы я послушала ухом. Затем мне пришлось слушать всех. К счастью, больше пневмонии не оказалось. А я сделала вид, что не разгадала их хитрость...

А вскоре предстоял поход бывших фронтовиков в ближайшую военную часть, где продолжали служить их однополчане. Поход должен был быть лыжным, возглавлял его тоже фронтовик – преподаватель военного дела. Перед походом учащиеся объявили руководителю, что они не могут идти в поход без врача, именно школьного. Вот и пришлось мне принять участие в этом лыжном походе, благо, что в институте нас активно готовили к возможно продолжительной войне.

Об этом трудном походе я никогда не пожалела.

БЕЗЗУБЫЙ ИЛИ ЗУБАСТЫЙ?

Двое ребят, один лет восьми, другой – пяти, катались на велосипеде. Старший сидел в седле, младший – на багажнике. В какой-то момент старший расхрабрился, разогнал машину, маленький трухнул, с испуга заце-

пился ногой за спицу заднего колеса, и оба, с размаху перевернувшись, полетели в кювет. Младший удачно отлетел в сторону, а старшему не повезло – разбил все лицо и выбил зубы.

Грязного, плачущего, привела его ко мне в кабинет посторонняя женщина. Мальчик держал в горсти четыре передних нижних зуба, они были такие же грязные, как и сама рука.

Мы с медсестрой обмыли ребенка, дали парнишке успокоительное. Я стала лечить ранки во рту, принесенные отдельно зубы мы помыли, простерилизовали и запломбировали, потом я осторожно вставила их на место, в обработанные ранки, подшила и зафиксировала шинами.

Выписывая велосипедиста, я предупредила: кушать осторожно, твердое не откусывать, жевать аккуратно. Зубы, по всему, должны были прижиться.

Прошло почти полтора десятка лет, и я уже забыла об этом случае. И вдруг однажды появляется женщина – мать этого парнишки. Она стала объяснять нам, что сына после института направляют в десантные войска, а это значит – будут прыжки с парашютом...

–В армии зубы нужны крепкие, а у сына они ненадежные – такую травму перенес! – напомнила она.

Пришлось идти в архив, поднимать историю болезни. При осмотре молодого человека я увидела, что зубы плотно сидят в своих альвеолах, небольшие изменения у корней подозрения не вызвали.

Документ, подтверждающий непригодность к службе в десантных войсках, он от нас получил. Действительно, травма имела место. Но я, честно говоря, испытала профессиональную гордость: моя операция была

сделана так, что никаких внешних признаков травмы не осталось.

«ЗУБ ДАЮ! ДАЖЕ ДВА!»

...Я внимательно следила за пульсом. Больной удобнее укладывал голову на подголовник стоматологического кресла. Лицо у него бледно, глаза испуганные, над верхней губой выступили капельки пота. Мне приходилось то и дело промокать кровь из лунки удаленного зуба. Мужчина беспокойно спросил, шепелявя:

–Еще долго?

–Не волнуйтесь, зуб уже удален, – показываю пациенту трофей, зажатый в щипцах.

В это время дверь кабинета распахнулась, и внутрь ворвался мужчина в полушубке, с шапкой в руке, в ботинках... Он шагнул к креслу и торопливо заговорил:

– Срочно, я прошу вас... Срочно удалите мне два зуба.

Возмущенная, я резко потребовала:

–Это еще что такое? Немедленно выйдите из кабинета. Оставьте верхнюю одежду в гардеробе, наденьте бахилы, возьмите в регистратуре карточку, а потом придете к врачу!

Однако незнакомец не обратил на мои слова никакого внимания и настойчиво повторил свою странную просьбу.

– Молодой человек, это хирургический кабинет, здесь все должно быть стерильно! У меня больной в кресле, тяжело больной! И я за него несу ответственность! – Видя, что меня опять не желают слышать, я попросила медсестру:

– Нина, разберитесь, пожалуйста.

Медсестра мягко, но настойчиво пригласила вошедшего следовать за нею. Они вышли.

Я еще раз проверила пульс, посыпала свежую салфетку лекарством, наложила на место удаленного зуба и посоветовала пациенту:

– В следующий раз, когда придете к стоматологу, предупреждайте, что при виде крови у вас случаются обмороки.

Больной между тем тоже заинтересовался необычным визитером и пробормотал:

– Как это можно – хотеть удалить два зуба сразу? Я бы так не смог...

Но тут дверь снова распахнулась. Без шубы и в бахилах, под ропот ожидающих в коридоре больных, вернулся мужчина. Я кивнула ему, указав на кресло, и пошла мыть руки. Больной тревожно оглянулся на дверь.

– Так... А где ваша амбулаторная карта?

– У меня ее нет... И больных зубов тоже нет. Но удалять все равно надо. Понимаете, так получилось... Я проиграл в карты приличную сумму, а платить нечем. Напарник смилостивился, но настоял, чтобы я в счет уплаты удалил два здоровых зуба. Дал мне времени два часа, и они истекают. Вы третья, кого я уговариваю. Везде отказывают, только время потерял, у меня осталось, – он взглянул на часы, – ровно сорок три минуты. Если я не выполню условие – меня сегодня же убьют.

– Ну-у... хорошо, давайте посмотрим, что у вас во рту.

– Да что смотреть, у меня все зубы крепкие, ничего не болит.

– Что же мне прикажете удалять?

– Любые два зуба. Любые! У меня нет выбора! И если вы этого не сделаете, то уже через час меня просто не будет в живых.

– Поймите и вы меня. Я врач, я не могу делать то, о чем вы просите – удалять здоровые зубы.

Пациент оглядел кабинет диким взглядом, вскочил с кресла, схватил из раковины окровавленные щипцы:

– Тогда я удалю их себе сам!

Мы с Ниной опешили, потом бросились к посетителю, пытаясь отобрать у него щипцы. Безуспешно! Он вцепился в них мертвой хваткой.

Тогда я сказала как можно строже:

– Успокойтесь! Садитесь в кресло. А эти щипцы грязные, положите их на место, их надо мыть и стерилизовать. Итак, откройте рот... Посмотрим... Может, и найдутся зубы, которые можно удалить...

Спокойный голос врача подействовал успокаивающе. Больной широко открыл рот, испуганно глядя на инструменты. Глаза его помутнели, руки дрожали. При тщательном осмотре оказалось, что нижний седьмой справа у него разрушен, а рядом виден бугорок еще не прорезавшегося восьмого зуба.

– Можно удалить седьмой, но только один.

Однако стоило мне взять в руки шприц и попросить его снова открыть рот, у человека в кресле началась такая тряска, что он буквально чуть не выпрыгивал из кресла.

– Господи, да что с вами?! Может, я поговорю с вашим партнером? Где он? – предложила я.

– Нет, нет, ни за что! Их трое, ждут у поликлиники. А у меня кончается время. Они убьют меня!

И столько отчаяния, столько страха и безнадежности было в его голосе, что я, обменявшись с медсестрой

выразительными взглядами, быстро взялась за дело. Нина дала ему валерьянки, потеряла виски нашатырным спиртом, а я сделала анестезию – так, что «заморозилась» сразу половина лица.

Удаление зуба было безболезненным – три отдельные корня вышли легко.

Затем обработала луночку и в области восьмого зуба, подскоблила слизистую: создалось впечатление двух ранок, оставшихся после удаления зубов. На салфетку выложила зуб, удаленный у предыдущего больного, и зуб самого «картежника». Проинструктировала, как и что он должен объяснить.

Пациент взглянул на часы («У-ух! Две минуты осталось!») – и выскочил из кресла, не дав стереть с его лица следы крови. Было слышно, как в коридоре стремительно пронеслись и затихли его шаги.

Мы с Ниной бросились к окну. На площадке у входа в поликлинику мы увидели трех взрослых мужчин, к которым вскоре подошел наш пациент в распахнутом еще полушубке и с шапкой в руках. Те окружили нашего, потом стали заглядывать ему в рот – видимо, убеждались, действительно ли проигравший дал вырвать у себя два здоровых зуба. Потом «наш» полез в карман и развернул салфетку для обзора...

– Ага, поверили! Сработало! – порадовались мы с Ниной. – А что, сэкономили парню зуб-то!

Один из тройки, широкоплечий – видимо, главный, – похлопал нашего по плечу, и они все направились к автобусной остановке.

Через неделю пациент позвонил нам:

– Привет доблестным стоматологам! Я – жив! Спасибо вам!

ИЛИАС

Две взрослых и одна детская путевки на соседние курорты вблизи Сухуми были приобретены заранее. Летели мы комфортно. Остановились в Ташкенте, накупили фруктов и полетели дальше, до Сухуми. Сын был в восторге от полета, моря, садов.

Добрались до здравницы, заходим в приемный покой. Очень сердитая медсестра ткнула в сына пальцем; «А это еще чей?» Сын быстро ответил: «Папин».

– Вы что, не знали, что вас с ребенком не примут?

– Нет, не знали. Мы надеялись, что детская путевка поможет нам поселиться вместе.

– Я вас оформлять не буду. В пяти километрах отсюда есть поселок, везите ребенка туда, они принимают детей в частном доме.

Ребенку три с половиной года, он никогда не жил с чужими людьми, как же можно доверить его в чужом городе незнакомым людям? Решили отказаться от путевок и поселиться где-нибудь в Сухуми. Но тут подошла к нам милая, приятная женщина в белом халате.

– А вы сходите к Илиасу, директору санатория, он на горе живет, может быть, поселит ребенка у себя?

На гору вели сто две ступени. Жара, солнце палит, ребенок хочет спать и есть. У дома Илиаса толпа, многие громко причитают, плачут. Впечатление такое, будто кто-то умер. Спрашиваю, что случилось.

– Илиас умирает, а «скорая» не едет.

Прошу меня пропустить. Встали стеной.

– Я врач, – говорю, – может, смогу помочь?

Расступились. Я вошла в дом. На кровати в какой-то неестественной позе лежал грузный мужчина лет пятидесяти с серым, землистым лицом. Открытым ртом

он, как рыба, хватал воздух и задыхался. Я попросила ложку и заглянула ему в рот. Набухшие миндалины величиной с крупную черешню ярко-бордового цвета почти закрыли гортань, перекрыв воздуху доступ в легкие. Я быстро вымыла руки и попросила опасную бритву, которую мы прокалили на горящем самогоне. Велела быстрее вскипятить воду и развести в трехлитровой банке две столовые ложки соли. Но как только я подошла с бритвой к больному, женщины громко заголосили, попытались вырвать у меня из рук этот заменитель скальпеля. Стоило больших усилий их успокоить.

Едва я коснулась бритвой поверхности миндалин, как изо рта у больного полилась черно-зеленая зловонная жидкость. Больного повернули на бок, и жидкость все текла и текла. Когда, наконец, остались лишь капли, лица женщин посветлели, подобрели взгляды.

Соленым раствором, с помощью детской клизмы я приступила к промыванию горла. Больной молчал. Наступил вечер, я продолжала свою работу. Только попросила хозяйку покормить ребенка и, если можно, уложить его спать.

Мужа и сына провели в отдельную комнату, покормили, пригласили к столу и меня.

Я знала, что опасность еще не миновала, что свежие разрезы могут легко сомкнуться, и все начнется сначала. Я попросила прокипятить бинт и ножницы, сделала тоненькие жгутики и вставила их в раны. По ним жидкость будет стекать в рот, значит, рот надо постоянно прополаскивать. Спрашиваю у домочадцев:

– А у ваших медиков в санатории, наверное, должны быть пенициллин, новокаин, шприцы?

Быстро послали гонцов в санаторий. Пришла та самая милая женщина, которая направила нас к Илиасу, принесла все, кроме новокаина. Пришлось разводить пенициллин кипяченой водой. Поставили больному укол, другой бутылочкой промыли раны. Я присидела возле больного всю ночь. «Скорая» так и не приехала. Первое, что Илиас сказал мне утром, когда пришел в себя:

– Я – как огурец (видимо, хотел сказать: «свеж, как огурчик»).

Жили мы у Илиаса три дня. Теперь мне неловко было просить его решить наш вопрос, вроде бы, требовать от него благодарности за помощь.

На четвертый день Илиас собрался на работу и сказал;

– Я распорядился, чтобы вам в санатории выделили отдельную комнату вместе с сыном. Сейчас я вас отвезу.

Комната оказалась великолепная, с видом на море. Илиас возил нас по Сухуми, с гордостью показывал нам все достопримечательности в городе и его окрестностях. А когда окончился срок нашего пребывания на курорте, отвез нас в аэропорт и, прощаясь, сказал:

– Вы спасли мне жизнь. Я ваш должник, и когда бы вы ни захотели приехать сюда, вам будет оказан самый радушный прием и мной, и моим народом.

КАК БОРОЛИСЬ С ВИБРАЦИЕЙ

В ту пору я возглавляла стоматологическую поликлинику в медсанчасти авиационного завода.

Однажды на улице меня остановила незнакомая женщина:

– Давно хочу вам сказать спасибо. Благодаря вам мы выжили в перестройку.

Я удивилась:

– Каким образом?

– А вы выхлопотали нам пенсию по вредности. Мужа тогда уволили, сын уехал искать работу. И мы всей семьей жили на две моих пенсии – по старости и профессиональную. Слава богу, теперь все наладилось. А тогда плохо бы нам пришлось. Спасибо Вам,- повторила она.

И я вспомнила один из таких же случаев. Меня вызвали тогда к тяжелому больному. Он лежал, вернее, полусидел в постели. Жена рассказала, что у него вибрационная болезнь. К тому времени таких больных становилось на заводе все больше. У этого выпали все зубы, отслаивалась слизистая оболочка во рту, есть он не мог. Я стала приходить сюда ежедневно, проводить лечение.

Лечить-то мы лечили, но проблема требовала кардинального решения. Дело в том, что вопрос о влиянии производственной вибрации на состояние зубочелюстной системы долго никем не изучался. А больных, между тем, становилось все больше.

Собрав бригаду, мы, стоматологи медсанчасти, провели в цехах медицинский осмотр заводчан, чья работа связана с виброинструментами – клепальщиков, выколотчиков и других. Параллельно осмотрели рабочих других специальностей.

Оказалось, что пародонтитом прежде всего заболевают клепальщики, и заболеваемость в этих цехах в два раза выше, чем в других. Выяснилась и другая закономерность – рабочие, которые пришли на завод в годы войны подростками 14-15 лет, заболели позже, уже

в зрелом возрасте, а те, кто поступал на работу в 30-35 лет, начинали болеть уже через несколько лет.

В чем же причина?

Мы начали изучение с состояния кровообращения работающей руки и полости рта. Для этого в сборочном цехе по нашей просьбе изготовили капилляроскоп на базе микроскопа Цейса. Позже этот оригинальный аппарат вызвал интерес у клиницистов и был запатентован как открытие.

Теперь мы могли наблюдать кровообращение руки и нижней челюсти, единственной подвижной части лицевого скелета. Она подвергалась при работе двойной вибрации, а потому первые изменения и первые признаки вибрационной болезни появлялись в полости рта, что стало поводом ставить соответствующий диагноз.

Чтобы проследить игру капилляров, необходимо было проанализировать состояние сосудистой системы. Для этого мы организовали выезд больных в центральную лабораторию областного центра. Ежедневно после работы я вывозила туда по 10 человек. Надо сказать, машину завод выделял безотказно. Вообще, руководство завода внимательно и заинтересованно следило за нашей работой, поддерживал наши исследования и профсоюзный комитет.

Инженеры приборного цеха сконструировали для нас прибор, измеряющий уровень вибрационной чувствительности. В клиниках медицинского института мы исследовали состояние тканей больных под микроскопом – гистологию и гистохимию. Все это позволило досконально изучить болезнь и начать организацию лечения, а также профилактическую работу с этой категорией рабочих.

Стоматологи изготовили боксерские шины, которые работники надевали на нижнюю челюсть, чтобы уменьшить ее вибрацию. В клепальных цехах открыли специальные кабинеты: парафинолечения, грязелечения, массажа. Приобрели бочку усольской иловой лечебной грязи и рассола. Разделили их по цехам. Сконструировали аппараты для дозированного лечения грязью.

Изменили режим рабочего дня – теперь клепальщики половину рабочей смены трудились слесарями или сборщиками. На территории завода начал работать пародонтологический кабинет, где проводились профилактические мероприятия. Мы внимательно следили за тенденцией развития заболевания. Результаты оказались успешными – в первый же год заболеваемость снизилась на 21%.

Вскоре о нашей работе узнали в области и предложили мне сделать научный доклад на областной врачебной конференции. Вопросов ученые иркутских клиник задавали много, особенный интерес проявил академик Константин Рафаилович Седов. Он не мог поверить, что где-то на периферии провели такую серьезную работу, и на следующий день появился в нашем стоматологическом отделении лично. Увидел все собственными глазами и сказал:

– Да это же готовая докторская диссертация. Вы об этом не думали?

– Нет, – говорю, – не думала.

Я, в самом деле, совсем не думала о каких-то ученых званиях – просто очень хотелось справиться с этой коварной болезнью.

Но Седов не успокоился. На следующий день он пригласил меня к себе на кафедру, попросил мой доклад и настоял на моей поездке в Москву. А уже через неделю

в Центральном научно-исследовательском институте стоматологии назначили мое сообщение. Директор института академик А. И. Рыбаков тоже предложил оформить эту очень важную, с его точки зрения, работу в диссертацию и дал три месяца на подготовку к предзащите. Через год я защитила в Москве кандидатскую. Это была первая и единственная научная работа по медицине на

заводе за 60 лет моей работы врачом-стоматологом.

Но, повторяю, не это было главным результатом. Куда важнее был вышедший после Приказ по Министерству здравоохранения, который предписывал

обязательную профилактику вибрационных заболеваний. В число профилактических мер входило введение укороченного рабочего дня для лиц, работа которых связана с вибрацией, разделение рабочей смены, работа в шинах. И главное, за что меня и благодарил встретившаяся мне женщина, мы сумели доказать в Москве необходимость выплачивать больным вибрационной болезнью пенсию по профзаболеванию.

ГЕМОФИЛИЯ

В детском отделении одиноко лежал под системой мальчик лет шести, с очень бледным личиком. Время от времени он сплевывал кровь. При моем появлении он очень обрадовался и быстро заговорил: «Тетя врач, я зубик выбросил за печку, отдал его мышке, а кровь уже второй день течет и течет. Мне совсем не больно, только в глазах темно и нельзя двигаться». Я спросила: «А сейчас меньше, чем вчера?» «Нет, так же, – и сокрушенно добавил, – первый зубик, и такая неприят-

ность». Я спросила, почему он один и где мама. «Она ушла вызывать специального доктора».

Я осмотрела ребенка, сделала запись в историю болезни, и тут подошла мама. Она обрадовалась, что врач уже пришел, и как приговора ждала моего заключения. Я знала, что такое медленное, незначительное «покапывание» чаще всего случается при заболеваниях крови. «Не замечали ли вы, что если Алеша поранил что-то – руку, лицо, – как быстро у него останавливается кровь?» Мать ответила, что не обращали внимания, обычно перевязывали и меняли несколько дней повязки, когда они промокали. «А у вашего мужа не было продолжительных кровотечений при травмах?» Она извинилась и вызвала меня за дверь палаты: «Видите ли, я развелась с первым мужем, когда Алеше было три месяца, и поэтому ничего не знаю о нем. Алеша считает отцом моего нынешнего мужа».

Я предположила гемофилию и, к сожалению, анализы это подтвердили. Гемофилия – семейно-наследственная болезнь, геморрагический диатез, связанный с нарушением первой фазы процесса свертывания крови из-за недостатка в крови одного из белков. Поэтому повреждение любого, даже самого мелкого сосуда, осложняется длительным кровотечением и значит, кровопотерей.

Алеша таял на глазах. Проводили вливание крови, в том числе прямое – прямо от донора. Кровотечение не прекращалось, даже не уменьшалось. Было невыносимо смотреть, как из ребенка по капле уходит жизнь. От мальчика не отходили ни на минуту, кто-то обязательно был рядом.

На пятые сутки он уже ничего не ел, не говорил. Попробовали вводить в вену аминокaproновую кислоту. Улучшения не было.

Меня отозвали на консультацию, медсестра продолжала процедуру. В это время лекарство в системе закончилось, а прерывать вливание было нельзя. Тогда медсестра принесла тот же препарат в 20-тимиллиметровых ампулах, набрала шприц и медленно, в течение 10 минут ввела всю дозу, которую через систему вводили бы больше часа. И вдруг кровотечение остановилось. И Алеша пошел на поправку.

С тех пор мы всех больных с таким диагнозом лечили прямым введением препарата шприцем.

А вот другой подобный случай кончился все-таки трагично.

Уже много позже, в начале учебного года в школы были направлены бригады врачей для традиционного медицинского осмотра школьников. У одного из первоклассников молодая врач-стоматолог увидела болтающийся зуб-резец. Зуб бы вскоре выпал сам. Но она решила ускорить дело и легко удалила зуб. Выделилась кровь, но совсем немного.

А на следующее утро в школу явился взволнованный дедушка – у Андрюши продолжается кровотечение. Врач засмеялась в ответ на тревогу деда – откуда может быть кровотечение – зуб на волоске висел.

Ночью мальчика в тяжелом состоянии увезли в больницу. При обследовании обнаружилось тяжелое заболевание крови – острый лейкоз. Больше двух месяцев Андрюша пролежал в стационаре. Выписали в удовлетворительном состоянии. Счастливая мама повела сына в «Детский мир» и разрешила выбрать любую игрушку, какую он захочет. Ребенок долго ходил

от прилавка к прилавку, рассматривал игрушки, наконец, купили самую лучшую, и тут мальчику стало плохо. Он потерял сознание и был срочно доставлен в детскую больницу. Повторно ребенка спасти не удалось.

СЕРДЕЧНАЯ РАНА

В коридоре громко заплакал ребенок. Открылась дверь моего кабинета, и вошли две испуганные женщины. Одна из них (как оказалось, медсестра детских яслей) внесла на руках малыша лет двух, который, опустив головку, кричал каким-то неестественным голосом. Из открытого рта ребенка торчал деревянный кубик, и текла кровь. Вторая женщина, воспитательница, торопливо рассказала, что он играл пирамидкой и проткнул себе рот. Попытались вытащить игрушку изо рта, кровь хлынула сильнее.

Я осмотрела рану и поняла, что ребенка надо усыпить, а потом уж действовать. Анестезиолог наложила на лицо мальчику маску, дала наркоз. Ребенок быстро уснул. Я осторожно убрала пирамидку – она одним из своих острых углов разорвала часть твердого и все мягкое небо, кровь текла ручьем.

Осушив рану, я наложила первый сближающий шов на мягкое небо, там, где кровотечение было обильнее. Рана стала суше, открылось все операционное поле. Наложив швы на твердое небо, осталась еще одна ранка. Я уже вошла в один конец раны, близко к гортани, как вдруг малыш громко вскрикнул (анестезиолог на этот момент на что-то отвлеклась), и игла исчезла в гортани ребенка.

Я похолодела от страха: «Сейчас игла попадет в дыхательные пути, и – смерть!»

Анестезиолог быстро капала фторотан.

Я совершенно потеряла самообладание, растерялась. И тут моя молодая медсестра Раечка приказным тоном не предложила, а прямо-таки скомандовала: «У вас же длинные пальцы, дотянитесь и схватите иглу!» Я глубоко засунула два пальца в трахею и, каким-то чудом ухватив за кончик иглу, вытащила ее наружу. Не помню, как я закончила операцию, но прошла она благополучно.

Когда ребенка уносили, я была совершенно мокрая и долго не могла успокоиться.

Рана у мальчика зажила, как мы говорим, «первичным натяжением», ребенок здоров, весел, о страшной беде ничто не напоминает. А на сердце врача появился первый рубец, первая незаживающая рана.

КАЖДОМУ – СВОЕ

Я окончила курсы шоферов-любителей, а вскоре мне позвонили – подошла моя очередь на новую машину. Набрала я нужную сумму и поехала выкупать свой «Запорожец».

Было начало ноября – успел выпасть и растаять снег, снова подморозило, и дорога превратилась в настоящий каток. Я докатила на своей новой машине до ангарского моста, благополучно въехала на него. Впереди меня еле-еле ползли две подводы. Лошади шагали неспешно, осторожно – гололед. Я – следом за подводами, не отставая, дотащилась почти до середины моста, как вдруг позади загудела машина, потом другая: требуют, чтобы я двигалась быстрее, обгоняла подводы. Потом загудели все сразу, как на похоронах шофера. Я поняла, что надо обогнать подводы, но как? Слева трамвайная

линия, впереди эти лошади, а позади – целый строй нетерпеливо гудящих автомобилей... Тут со мной поравнялась легковая машина, и водитель покрутил пальцем у виска, показав, что они все думают обо мне. И я решила свернуть на трамвайную линию. Здесь-то все и началось: я кручу руль в одну сторону, а машина катится в другую... Кручусь, как волчок, и вдруг вижу – трамвай! Совсем перепугалась, не знаю, что делать! Нажала на газ, и тут догоняет меня машина ГАИ, из нее выскакивает человек в форме, подбегает ко мне:

– Выключай, подвинься!

Я все точно выполнила. Он сел за руль, как-то умно, тихонько обогнал подводы, проехал мост. А впереди – гора, раньше ездили напрямую, через Глазковскую гору. Я сжалась, стараюсь сдержать дрожь в коленках, и говорю:

– Извините, пожалуйста, но я и этой горы боюсь...

Тут он со злостью – глаза прищурены, рот кривится – посмотрел на меня:

– А права-то у тебя есть?

– Есть, – заикаюсь я, – вчера получила...

Высказал мне автоинспектор все, что думает о женщинах-водителях, а я в ответ проямлила, что мне и дальше ехать страшно...

– Едем! – зарычал он, а сам все за щеку хватается.

Тут меня осенило:

– Что, зуб болит?

Он мне грубо так:

– Ты на дорогу смотри, а это не твое дело.

– Да нет, – внезапно осмелела я, – зубы-то как раз мое дело. Я стоматолог. Давайте заедем сейчас в поликлинику, и я вас полечу.

Побледнел мой командир, сразу на «вы» перешел:

– Да вы что, я зубы лечить больше смерти боюсь.

А у самого, я вижу, колени дрожат. Точь-в-точь, как у меня несколько минут назад.

Так до поликлиники и доехали. Смотрю, у него пот на лбу выступил, глаза испуганные. Куда только подевался уверенный тон, суровый вид. Очень жалобно просил, чтобы больно не было.

Полечила я его. Остался доволен. С тех пор я инспекторов совершенно не боюсь. Правда, и автомобилем научилась управлять при любой погоде. Но главное, в любой ситуации помню, что у инспекторов есть зубы, которые иногда болят...

КАРТОШКА

Прием был в самом разгаре. Вдруг за дверями кабинета послышался какой-то шум, кто-то спорил с очередью, кто-то возмущался.

– Что там такое? – поглядела я на медсестру. Она приоткрыла дверь, и я услышала, как женский голос уверенно настаивал:

– Я, конечно, пройду без очереди. Мы с ней (я услышала свое имя) не просто знакомые, мы больше чем родня, мы войну вместе пережили...

Медсестра посторонилась, и в кабинет буквально ворвалась женщина. Сначала я ее не узнала. Но чем больше она говорила, тем более знакомым казалось мне ее лицо. И я вспомнила...

Было это осенью второго года войны.

В отдалении от взлетной полосы заводского аэродрома распахали кусок земли, на котором посадили картошку. Осенью хозяин участка, заместитель директора завода Б.Б., эвакуированный из Москвы, по-сосед-

ски попросил меня, тогда студентку, помочь выкопать картошку. Два родственника хозяина, Игорь и Юрий, здоровые, крепкие парни, ждали в половине шестого утра у своего подъезда. Меня провожала сестра, несла два пустых мешка и два ведра. Договор состоялся до начала работы: копальщица получит два мешка картошки.

На поле работников повез сам Б.Б. Земля, на которой росла картошка, была жирная, блестящая, черно-бронзовая, как сказал шофер: «Так бы намазал на хлеб и съел».

Работу распределили так: Юра подкапывает, Игорь относит и засыпает сразу в мешок, я выбираю картошку из земли.

Вышли в поле. Было очень холодно, дул сильный ветер. Начали копать. Юра хорошо выворачивал землю, так что не требовалось еще рыться в ней после удаления клубней. Такого хорошего урожая картошки мы никогда не видели. Ведро наполнялось сразу, достаточно было выбрать один-два куста. Чистая, крупная – 20-25 картофелин, и ведро полное. Игорь не успевал носить. Так что работа была приятной. Но вскоре сказались усталость: я ушла из общежития, не позавтракав, есть было нечего. К тому же было сказано, что хозяева работников покормят.

Прошло пять часов. Мы работали, не разгибаясь. К обеду приехал Б.Б. на трехтонке, привез туески с пищей. Ребята и Б.Б. сели обедать. Я ждала, что меня пригласят. Но Юра предварительно подкопал десять рядков картошки, чтобы я не теряла времени. Я задыхалась от запаха, который шел от туесков. Может, быть, они позовут, когда сами наедятся? И тут услышала, как

скребут ложками по дну посуды. Ничего из еды не осталось.

Чтобы не тратить времени, Б.Б. и шофер, стали грузить мешки в машину. А Юра быстро-быстро подкапывал новые рядки, приговаривая: «Надо до вечера успеть!».

Неубранной оставалась половина поля. У меня от голода и усталости дрожали ноги и руки, а хозяева как будто ничего не понимали. Сытые и веселые, они начали еще и подгонять меня. Б.Б. увез первую машину, сказав: «Спешите, за остальным приеду к вечеру».

Ведро также быстро наполнялись, парни бойко обсуждали, как они отправят целый вагон в Москву, на продажу.

Машина пришла лишь в двенадцатом часу ночи. Я, падая от усталости, подставила два своих мешка и нагребла одно ведро картошки. У меня затекли ноги, заплыли глаза. Ничего уже не хотелось, скорее бы приехать, уткнуться в плечо старшей сестры и выплакать свою обиду.

Веселые мужики рассказывали, что им приготовили дома жены, как их там ждут. Погрузили машину. Б.Б. и Игорь уехали в «легковушке», Юра сел в кабину грузовика, а мне помогли забраться в кузов. Не выпуская из рук своего ведра картошки, я едва удерживалась на мешках, которыми доверху был набит кузов. Приехали в город. Сестра встретила меня со слезами, понимая мое состояние. Одно радовало нас обеих - на зиму мы будем с картошкой.

Я протянула ведро сестре, но выскочившая из дома жена Б.Б. выхватила это ведро со словами: «Спасибо, Галочка, что догадалась привезти картошку в ведре, не надо развязывать мешок. Я сейчас ее сварю, а вы идите,

отдыхайте. Мешки с вашей картошкой мы поместим в хранилище отдельно, весной вы их получите, тогда картошка будет дороже».

Вернувшись домой, мы с сестрой поделили кусочек хлеба, выпили по стакану кипятка и уснули в слезах.

В феврале, когда голод стал просто невыносим, мы пришли за своей заработанной картошкой. Жена Б.Б., как всегда очень вежливая и улыбочивая, сказала: «Знаете, девочки, всю картошку в подвале съели крысы. Мы тоже остались без картошки».

Это была первая подлость, с которой я встретилась в жизни. В нашей трудовой семье царили другие нравы.

А моя знакомая так и продолжала ходить ко мне на прием без очереди. И я принимала ее, кляня себя за малодушие.

ОПЕРАЦИЯ НА ДОМУ

Посреди ночи позвонил мой сосед, мэр района: «Боль невыносимая, зайдите, пожалуйста».

Я поднялась на третий этаж. Сосед имел вид тяжело больного человека: лицо отекло, глаза слезятся, дышит тяжело. Показывает на нижний восьмой, прорезающийся зуб. Надо сказать, этот зуб мудрости живет по своим правилам – у одних он прорезается в 18 лет, у других – в 48 и даже в 60. В молодости ткани эластичные, и прорезывание проходит не очень болезненно. Другое дело, когда с возрастом над зубом образуется плотная слизистая, так называемый капюшон, который не дает зубу выйти. Боли при этом бывают сильные, возникает тризм, сокращение жевательных мышц, при котором рот не открывается.

В таком случае проводится несложная операция в помощь зубу – иссечение капюшона. А чтобы открыть рот, нужно делать глубокую анестезию.

Я позвонила в стационар, там ответили, что «грязная» операционная занята, просили подождать. Поликлиника закрыта, на охране. Отек, между тем, увеличивался на глазах. Вообще, дома операцию делать опасно, но сосед мой так мучился, уверял, что до утра не доживет, что я решилась.

Шприц, скальпель и анестетик у меня дома были, вместо стерильных салфеток нашелся стерильный бинт.

Я сделала анестезию, открыла рот, рассекла капюшон. И вдруг мой больной начал «умирать». Шок... Прибежал муж, притащил аптечку с медикаментами. К счастью, нашлись ампулы с сердечными препаратами, Спасти соседа удалось с трудом.

С того дня я навсегда убрала из дома скальпель. И с тех пор советую молодым медикам: не идите на поводу у больных, сделайте все возможное, чтобы провести операцию в больнице.

ЗАЩИТА ПРОВИНЦИАЛКИ

Четвёртый месяц я живу в Москве, готовлюсь к защите диссертации на тему «Стоматологический статус у больных вибрационной болезнью». Защита должна состояться 29 октября, через три дня. Экзамены кандидатского минимума (стоматология, иностранный язык и философия) сданы ещё в Иркутске, в разных профильных вузах. Перед предзащитой в Москве мою работу изучил учёный секретарь, профессор Паникоровский. Он заметил, что в ней большое место занимают исследования по гистологии, а потому предложил мне

сдать дополнительный экзамен по этой специальности. Я готовилась несколько дней, работу дома выполнила сама и легко сдала четвёртый экзамен кандидатского минимума.

Я репетирую публичную защиту в конференц-зале Центрального научно-исследовательского института г. Москвы. Вывесила все плакаты, диаграммы по защищаемой теме и хронометрирую свой доклад на Учёном совете. Уложиться по времени нужно точно в 20 минут, не более. Мой научный руководитель Татьяна Васильевна Никитина слушает меня с часами в руках. Я закончила своё вступительное слово. Татьяна Васильевна встаёт:

– Вы не можете защищаться, Вы говорили 20 минут 42 секунды. Вас будут слушать великие учёные, время которых расписано до секунды. Если не сумеете уложиться, защиту отложим на следующий год!

Она ушла.

Растерянная, я сижу, проклиная эти сорок две секунды. Входит секретарь Учёного совета – Лилечка:

– Елизавета Никитична, я вынуждена Вас огорчить: за оставшиеся три дня Вы должны сдать ещё четыре экзамена кандидатского минимума. Пришёл новый приказ, по которому вам предстоит сдать кандидатские экзамены по гигиене труда, технике безопасности, токсикологии, а также – медицинской статистике.

– Когда же я успею, и где можно эти экзамены сдать?

Лилечка холодно ответила:

– Это Ваши проблемы. А вообще-то в Графовом переулке принимает технику безопасности профессор Князев. Пусть Вам напечатают направление, и поез-

жайте в Стоматологический институт на Смоленской площади.

И ушла.

У меня выступили слезы. Усталая, потерявшая веру, я хотела только домой. Тут ко мне подошла хирург Александра Петровна Безрукова:

– Что случилось?

Я рассказала.

– Так вот, дорогая провинциалочка, подойдите к Лиле, покажите ей пятьдесят рублей, она не откажет.

Я так и сделала, хоть было мне крайне неприятно. Я сказала Лилечке:

– Попросите Вашу соседку и дайте ей деньги.

И подала пятьдесят рублей. Лиля оживилась:

– Какой пустяк, – сказала она, пряча деньги в сумочку.

Направление было напечатано, и она посоветовала:

– Поезжайте сейчас на Смоленскую площадь, зайдите в институт к секретарю, покажите наше направление и попросите, чтобы она включила вас в список, и с ним поезжайте в Графов переулок. Ну, дайте ей немножко».

Ольга Евгеньевна встретила меня холодно. Я объяснила, что мне надо сдать четыре экзамена за три дня, сегодня уже почти полдня прошло, время потеряно. Подаю ей деньги, она сварливо поругивает меня «за всех этих недисциплинированных провинциалов», кладёт деньги в сумочку и подпечатывает мою фамилию в конце экзаменационного списка. Список отдаёт мне.

Когда я появилась на кафедре, в коридоре сидели два человека, ещё два уже сдавали экзамен. Я подала секретарю направление и список. Барышня равнодуш-

но взяла список, посмотрела на свой, сравнила, обнаружила, что в первом списке меня нет:

– А где приказ на Вас? Мне нужен приказ директорский.

Я начала объяснять, что у меня через три дня защита. Она резко прервала меня:

– Это ваши проблемы. Поезжайте, привезите приказ. Только я сомневаюсь, что успеете. Профессор уйдёт.

Мне бы ей дать деньги, но у меня уже не осталось ни копейки. Я, пристегнув депутатский значок, побежала опять на трамвай (депутаты ездили бесплатно на всех видах государственного транспорта).

Директор института, профессор Ковригина проводила совещание. Я показала секретарю депутатскую книжку, по которой в то время депутаты принимались вне очереди. Красная книжечка подействовала, секретарша сходила к директору, и из её кабинета сразу вышло несколько человек. Я рассказала о своих путешествиях, умолчав, естественно, о поборах. Ковригина сняла трубку и начала отчитывать профессора Князева. Я перебиваю:

– Он меня не видел.

– Пусть видит!

И приказала, чтобы Князев ждал меня и принял экзамен.

У кабинета не было ни секретаря, ни экзаменующихся. Раздражённый и, наверное, голодный, Князев зло спросил меня, откуда я и какова моя тема. Я назвала. Он сразу оживился:

– А, это Вы у Седова работаете? Что это он там за трубочки с дырочками придумал в литейном цехе? Раньше был силикоз, теперь растёт туберкулёз?

Я как депутат была знакома с этими вопросами. Действительно, когда открывали печи, летела раскалённая зола (шихта), и становилось трудно дышать. Рабочие открывали двери, возникал сквозняк, они простывали, а зола вызывала силикоз. Я рассказала профессору, что трубочки заполняются водой, и когда идёт шихта, пускают через них воду, она прибывает шихту к полу цеха, воздух очищается. Рабочие довольны.

– А что, они в мокрых робах ходят?

– Нет, это такой мелкий дождик, что они не намокают.

Я так горячо защищала изобретение Константина Рафаиловича, что профессор Князев вынужден был сказать:

– Ну, молодец, защитница. Только за это я бы тебе поставил «пять». А теперь расскажите о своей работе.

Я подробно рассказала о нашей работе по профилактике и лечению вибрационной болезни, показала фотографии процесса лечения в цехах. Он удивлялся. Мы хорошо поговорили. На прощание он спросил:

– Когда защита?

Говорю ему, что через два дня.

– Ну, с Богом!

Я ему:

– Да мне ещё за два дня три экзамена сдать.

– Какие?

– Да вот, новое постановление только что пришло.

Я защищаюсь сразу по двум специальностям, поэтому мне прибавили и дисциплины.

Он удивился и спросил:

– А Вы готовы?

– Медицинскую статистику и охрану труда я знаю отлично, а вот токсикологию в пределах гражданской обороны.

– Тогда подождите, я сейчас позвоню заведующему кафедрой. Если он на месте, то поможет Вам получить зачёт.

Профессор оказался на месте, но предупредил, что задержится не более чем на час. Профессор Князев сказал, чтобы я ехала на вокзал, села в электричку и сошла на 56-м километре.

– По ходу поезда, справа, пройдёте километра полтора, увидите красивый дом со светящейся башней, это и будет институт токсикологии.

Был уже четвёртый час дня, до института два часа езды на электричке. Денег нет. Еду по депутатскому билету. Сошла с поезда, иду по насыпи, справа от которой сразу же начинается лес. Идёт мелкий, холодный дождь. Конец октября. Я в белом пушистом пальто, белой шляпе с большими полями и в белых ботинках на очень высоком каблуке. Становится всё темнее, лес всё гуще, на расстоянии даже двух шагов ничего не видно. Мне становится страшно. Вдруг передо мной на тропинке появилась очень старенькая, истощённая женщина с добрым лицом. За спиной у неё вязанка хвороста. Оглядев меня, она сказала:

– Ты куда, голубушка? Через 10 шагов отсюда пасётся стадо кабанов. Беги бегом назад. Тебе через дорогу, в другую сторону.

И исчезла.

Я сильно испугалась. Намокшее пальто давило меня к земле, каблуки застревали в грязи. Я бежала, не чувствуя усталости. Перебралась буквально на четвереньках через железнодорожную насыпь и вышла на ровную, грязную дорогу. Вдали сверкали какие-то огни. Я решила, что надо ехать назад, оставаться одной на незнакомой дороге ночью страшно. Но почему-то про-

должала идти. Минут через двадцать я увидела бараки и двух женщин в белых халатах, которые несли большой, тяжелый бак.

– Скажите, пожалуйста, это институт токсикологии?

– Нет. Это лепрозорий, здесь лечат больных проказой.

– А вы не знаете, где красивое здание со светящимся

куполом-шаром вверху?

– А во-в-н, наверное, вправо, метров сто отсюда.

Я обреченно пошлепала по грязной дороге, уже ни на что не рассчитывая. Мокрые, грязные сапожки оставляли чудовищные следы, когда я поднялась на мраморное крыльцо. В здании было темно, светились только два окна: одно на первом этаже, другое на третьем. Позвонила. Сердитый голос проворчал:

– Кого черт носит в такую погоду?

– Я к профессору.

Пожилой, ухоженный человек открыл тяжелую дубовую дверь:

– Это тебя ждет Петр Сергеевич?

– Да.

Он посмотрел на меня, мокрую грязную и испуганную со смешанным чувством жалости и безразличия.

Наверх вела красивая мраморная лестница, застланная ярка красной дорожкой. На первом этаже у двери я сняла сапожки. Чулки тоже были мокрые и оставляли следы на полу. Пальто тяжелое и мокрое, я положила рядом с обувью, сверху на него – шляпу. Сумка не промокла, и я взяла её с собой. Намокшие косы тянули вниз, с них капала вода.

На втором этаже красивая молодая женщина непри-
ветливо оглядела меня и коротко бросила :

– идите быстрее. Мы собираемся уезжать. Не умеете
вы ценить чужое время.

Я поднялась этажом выше. Элегантный моложавый
человек холодно спросил:

– Что Вы знаете по токсикологии?

– В пределах гражданской обороны.

– Немного. Ну, расскажите мне.

Отвечала я вяло, меня охвати безразличие, была
внутренняя дрожь,

Не хотелось говорить, слова довались с большим
трудом.

– Вас устроит если я поставлю тройку?

Я согласилась.

Он взял мой экзаменационный лист, вывел в нем
«Удовлетворительно» и небрежно подал мне. Его со-
вершенно не интересовало, что со мной случилось, на
лице его явно прочитывалось нетерпение: «Поскорей
бы убралась!»

Вошла женщина, мило улыбнулась профессору:

– Ну едем?

– Да, да, едим!

Перед входом в здание стояла белая «Волга». Я быст-
ро накинула мокрые сапожки, надела тяжелое пальто и
шляпу и вышла на улицу. Наступала холодная октябрь-
ская ночь. Я побрела по той же темной грязной дороге
в обратную сторону. Через несколько минут мимо, об-
дав меня грязью, промчалась «Волга».

Полустанок. Будка, освещаемая единственной элек-
трической лампочкой, была пуста. Я села в темный уго-
лок, дрожа всем телом от холода и страха. Решила, что

сяду на любой поезд, в какую бы сторону он не шел. Вдруг слышались мужские голоса: шли то ли пьяные, или чем-то сильно возбужденные мужчины. Они говорили очень громко, обсуждая какое-то убийство. Сориентировавшись, я забежала за будку и спряталась внизу за столбом. Мужчины вошли в будку:

– ...а я его! Посмотри, на мне крови не видно?

И дальше в том же духе. Сорентировавшись, я боялась чем-нибудь выдать свое присутствие, замерла, дрожа от страха. Минут через пятнадцать послышался шум приближающейся электрички. Было трудно разобраться, с какой стороны она идет – лесное эхо множило шум, казалось он идет со всех сторон. К счастью, поезд шел в сторону Москвы. Как только поезд остановился, я на четвереньках вскарабкалась на насыпь и вскочила в полутемный пустой вагон. Мне было страшно, и я побежала через черные тамбуры к головному вагону. На остановках стали входить редкие пассажиры. Я постепенно успокоилась, пригрелась и задремала. Проснулась оттого, что кто-то тряс меня за плечо:

– Гражданка, Москва. Выходи! Торопись. Сейчас закроют метро.

Я едва успела. Вагоны метро тоже были пусты, два-три пассажира в каждом. Мне предстояла пересадка на другую линию. В переходах тоже было пусто. Через каждые десять минут объявляли:

– Граждане, освобождайте вагоны, метро закрывается!

Я вышла на станции метро «Щелковская». Шел холодный осенний дождь. Автобусов не было, и я бежала без остановки. Совсем промокшее пальто стало непосильной ношей, с каждым шагом становившейся все тяжелее, и лишь сапожки не подводили меня и по-

слушно разбрызгивали лужи. В полночь я позвонила в дверь квартиры подруги на 15-ой Парковой. Как только я вошла, у двери образовалась лужа. Подруга не спала. Разыскивая меня, она обзвонила все больницы, морги, милицию...

Развесили сушить мои вещи, и я, дрожа всем телом, улеглась в ванной в горячей воде. Долго не могла отогреться. Поужинали. А утром мне предстояло сдавать еще два экзамена. Медицинскую статистику – материал моей диссертации я обрабатывала сама, математический анализ лег в основу выводов и рекомендаций, поэтому я легко сдала этот экзамен на пятерку. После обеда в другом институте сдала экзамен по охране труда тоже на «отлично».

Передавать документы в Ученый совет было поздно, и я осталась в институте, зобы вызубрить свой доклад, уложиться в отведенный регламент – 20 минут. Когда я заканчивала очередной повтор, в дверь заглянула профессор Никитина. Первый её вопрос:

– Где Вы были два дня вместо того чтобы докладывать мне? Я случайно сюда вошла меня вызвали, я не успела отменить вашу защиту. Увидела ваше пальто на вешалке. Сейчас посмотрю больного и поговорим...

Пока красавица Татьяна осматривала больного, я еще два раза повторила доклад. Кажется уложилась...

Татьяна Васильевна в гневе была еще красивее. Я прошептала:

– Я укладываюсь, сможете послушать меня

Красавица с бархатными черными глазами, гордая и неприступная, по царски расположилась в кресле и приготовилась слушать.

Я справилась с докладом на полминуты раньше.

Ну хорошо – смилостивилась она- Где же Вы гуляли два дня?

Я сдавала дополнительные экзамены.

– Какие ?

– Я перечислила.

Утром я принесла ученому секретарю документы и экзаменационным лист со сданными восьмью экзаменами. Ученый секретарь удивился:

– А это еще зачем?

Выскочив из-за стола Лилечка виноватым тоном сказала:

– Вы уж меня извините, пожалуйста я не дочитала новый приказ. Оказывается надо было сдать какой то один из четырех экзаменов, на выбор, а не все.

Стало очень обидно

Татьяна Васильевна посоветовала мне утром сходить в храм к заутрене, помолиться и к 14 часам явиться на защиту.

На ученом совете присутствовали ученые двух государственных стоматологических вузов, института гигиены труда: защита предполагалась по двум специальностям. Зал был полон. Защита прошла успешно. Но обида на предзащитные три дня, устроенные «столичными штучками» провинциалке, живет во мне до сих пор.

НЕ ТОТ ЗУБ

Ко мне в кабинет вбежала перепуганная врач, производившая производственную практику со студентами.

– Елизавета Никитична, студент удалил здоровый зуб.

Она знала, что это уголовное преступление, за которое отвечает прежде всего врач. Спрашиваю:

– Больной знает?

– Пока нет, – отвечает врач.

– Где расположен здоровый зуб, нет ли рядом больных зубов?

Пошли посмотреть. Оказался зуб рядом больной, но пока не тревожил пациента. Советую больному убрать и рядом стоящий, он очень скоро начнет его беспокоить. Анестезия была хорошая, и без особых неприятностей удалось избежать беды.

Был и такой случай, когда рядом стоящий зуб был здоровым, а с другой стороны – больной.

Пришлось снова делать анестезию, удалять больной, а тот, здоровый, снова вживлять в луночку, где он до этого жил, проводить ряд реанимационных мероприятий для вживления этого зуба, а потом наблюдать в течение года его состояние. Обычно вживление, то есть имплантация, проходит хорошо, без тяжелых последствий.

Конечно, врач себя чувствует очень некомфортно: больного жаль и самому страшно. Мне за свою практику много приходилось вживлять и своих, и искусственных, и если все сделано правильно, то человек живет с этим зубом дольше, чем со своим родным.

Случаи ошибки врача бывают и в общей хирургии, когда удаляют другой парный орган – почку, ногу, руку. Это преступление, но к несчастью, такое случается.

ПОМЕНЯЛИСЬ ДИАГНОЗАМИ

Со своей соседкой по палате в санатории я познакомилась еще в поезде, по дороге в этот самый санаторий.

Женщина оказалась из нашего поселка, знала меня. Мы разговорились. Мария Ивановна понравилась мне – красивая и умная, общительная, интересная собеседница. Да и возраст у нас был почти одинаковый.

Мария Ивановна не без гордости заявила, что она практически здорова, правда, десять лет назад перенесла операцию по удалению больных вен на обеих ногах. Состоит на учете у сосудолога, но чувствует себя хорошо, лишь время от времени принимает для профилактики лекарство. Я поделилась, в свою очередь, своими проблемами: год назад перенесла второй инфаркт и считаю себя сердечно-сосудистой больной.

Моя новая приятельница оказалась еще и чутким, добрым человеком – когда мы вышли из вагона, она не разрешила мне нести мою сумку, взяла это на себя.

Дорога в санаторий удивительно красива. На жарком осеннем солнце ярко горели красные, оранжевые и золотисто-желтые кустарники и деревья. Золото берез перемежалось багряным цветом осин и зеленью благоуханно-торжественных сосен и елей. Вскоре сквозь деревья засветилась изумрудно-сапфировая вода залива. Чисто-голубое, без единого облачка небо отражалось в прозрачных волнах, ласкающих берег. Вход в пятиэтажный санаторий охраняли три деревянных, грозного вида медведя.

Нас быстро распределили по комнатам. Мы с моей новой знакомой, конечно, поселились вместе.

В этот же день нас обеих пригласили к врачу. Мою фамилию назвали первой, но по дороге меня остановила распорядительница, попросила посмотреть, нашу палату. Когда я вернулась, Мария Ивановна уже была у доктора. Вышла она через полчаса и направилась к медсестре расписать свои назначения.

Я вошла в кабинет. Доктор мне понравился – он произвел на меня впечатление образованного, грамотного специалиста. Заметил, улыбаясь, что главное не процедуры, а умение правильно отдыхать. Прослушал, измерил давление – оно оказалось высоким. Но врач успокоил, глядя в медицинскую карту, мол, ничего страшного у меня нет, попросил медсестру дать мне успокоительного и горячего чая. Процедуры прописал немного, добавил ингаляции с пустырником, кислородный коктейль, циркулярный душ. Постоянно принимаемые мной лекарства заменил на более слабые. И посоветовал:

– Главное ваше лечение – гуляйте по берегу моря, по лесу, дышите, дышите и дышите...

Вернувшись в нашу комнату, я застала Марию Ивановну растерянной – ей сделали 13 назначений! Мы обе расстроились. Я – от того, что мне, по сути, ничего не назначили, она – потому что при ее, как ей казалось, хорошем состоянии, назначили слишком много.

Тем не менее, мы старательно выполняли все рекомендации – она до обеда бегала по процедурам, а я гуляла, дышала лесным и морским воздухом и читала.

Мария Ивановна возвращалась в палату после процедуры к 4 часам дня, усталая, измученная, и я не могла вытащить ее ни на какую прогулку. Да и внутри санатория можно было приятно провести досуг. Здесь был замечательный зимний сад, а вечером приходил баянист, и звучали песни нашего поколения, потом устраивались танцы. А после ужина отдыхающие выходили в парк покормить белочек. Пушистые зверьки были совсем ручные, они прыгивали прямо на подставленные ладони и щелкали орешки, не слезая с рук, самые

смелые искали угощение в карманах и потом уносили добычу, вскакивая на деревья.

Прошло 15 дней. Я с каждым днем чувствовала себя все лучше. А вот с Марией Ивановной случился обморок. Начали приводить ее в чувство, подняли карточку. И тут выяснилось, что все ее назначения предназначались мне как перенесшей инфаркт. Ей же как раз достаточно было прогулок по лесу ... Тогда, в первый раз при вызове к доктору, она вошла вместо меня, а врач не уточнил фамилию и ориентировался на мою медицинскую карту, которая лежала перед ним. Теперь я вспомнила, как врач во время моего приема осмотрел мои ноги и удивился. Видимо, от того, что не нашел на них следов операции на вены.

Мы ждали, что доктор придет, извинится за свою ошибку. Не дождавшись, я справилась о нем у главного врача. «А он в отпуске», – был ответ.

Когда мы возвращались домой, сумку Марии Ивановны тащила я.

А МОЖНО БЫЛО СПАСТИ

Испытательный полет вертолета. Молодой пилот в первый раз ведет машину. Жаркий августовский день, ветер. Над горой, в центре поселка вертолет вдруг закрутило, и он, медленно кружась, начал падать. Летчик растерялся. Бортинженер вскочил, отстегнул привязные ремни и успел перед ударом о землю выключить двигатель. Машина не взорвалась, хотя в ней было три тонны бензина. Но бортинженер, летчик-испытатель, при ударе пробил девятиметровое плексигласовое окно кабины и вылетел к подножию горы. Он лежал вниз лицом, но был в сознании и руками показывал

подбежавшим к нему коллегам, чтобы его не переворачивали. До больницы было не больше ста шагов, там бы вытянули запавший в гортань язык и зашинировали разбитую челюсть. Молодой тридцатилетний майор, спавший жизнь своему экипажу, и сам остался бы жив. Но его перевернули, не поняв его знаков, и по медицинской неграмотности погубили. Так погиб мой сын, летчик-испытатель Андрей Чурсин.

В приемный покой привезли больного. Травма головы, лица, перелом нижней челюсти. Срочно нужен языкодержатель, чтобы вывести язык, который сместился при переломе и закрыл дыхательные пути. Кинулись к дежурной операционной сестре. Галина – так звали медсестру – потребовала расписку, а то, мол, еще инструмент потеряется, а ей отвечать.

– Потом напишем, давайте скорее!

– Нет, пишите расписку!

Расписку написали, но инструмент уже не понадобился – больной погиб. Возвращая уже ненужный языкодержатель, медсестре сказали, что погибший был ее однофамильцем. Подозревая страшное, медсестра помчалась в приемный покой. Пациент оказался ее мужем.

НАКАЗАНИЕ

Рабочий день закончился. Медсестра Раечка уже замыкала кабинет, когда вдруг подъехала «скорая». Привезли больную с кровотечением после удаления зуба. Зуб ей удалили в деревне, в 10 километрах от города. Все было хорошо, но она попила горячего чая, появилась сукровица. Она решила остановить кровь соленым раствором, и тут открылось настоящее кровоте-

чение. Обычные методы остановки крови не помогли, пришлось наложить швы. На все ушло больше часа.

Наконец, все закончилось, и я усталая побрела домой. Путь мой шел мимо детских яслей, которые посещал мой шестимесячный сын Андрюша. Окна здания были темные, но за ними слышался громкий захлебывающийся плач ребенка. Какая же непутевая мать за была о ребенке, как он плачет, бедняжка, подумала я и заторопилась домой. Пора кормить моего малыша, его забирал обычно из яслей муж.

Открыла дверь в квартиру, а там темно – ни мужа, ни ребенка. Кинулась к соседям – может быть, мои зашли к ним? Нет. Я вдруг с ужасом вспомнила рев забытого ребенка. Я кинулась в ясли. У выхода уборщица-сторожика домывала пол и всячески проклинала непутевую мать.

Я ринулась в группу. На втором этаже бушевал ветер. Окно было открыто – и это зимой! Посреди комнаты в манеже лежал мой шестимесячный малыш и уже не кричал, а стонал, весь совершенно холодный и мокрый. Я сбросила шубу, схватила ребенка, прижала его к себе и укутала в шубу. Андрюшка не брал грудь и продолжал тихонько плакать. Когда он согрелся и успокоился, я быстро передела его, завернула в шубу и закрыла окно. Ребенок взял грудь, но сосал вяло и быстро уснул. Мне жалко было нарушить его сон, и я продолжала сидеть, согревая его своим телом и шубой.

Вошла уборщица:

– Ну и долго ты тут рассиживать будешь?

– Столько, сколько сочту нужным. Вы что, специально окно открыли в сорокаградусный мороз? Ждали, когда он совсем замерзнет?

– Я что, я человек маленький. Знаю, что положено проветривать группу, а есть там кто или нет, мне какое дело?

Ночью у ребенка поднялась температура. Началось тяжелое воспаление легких, его с трудом удалось спасти, болел он долго.

Чувство собственной вины не позволило мне возбудить дело против работников яслей.

Но будто в назидание мне ситуация повторилась потом в детском саду.

Воспитательница уложила детей на послеобеденный сон и вышла. Как только за ней закрылась дверь, кто-то из озорников бросил в кого-то подушкой. Дети повскакивали с кроватей и включились в игру. Услышав шум, воспитательница вернулась в группу. Кто из ребят заметил ее, успел лечь. Андрюша стоял к двери спиной и был застигнут на месте «преступления». Рассерженная воспитательница схватила его, босого, в одних трусиках и увела в туалет. Заставила стоять здесь и, уходя, сказала, что скоро из трубы в туалете вылезет черт.

Кстати, Андрюша воспитательницу эту очень любил, носил ей гостинцы из дома, подавал тапочки, когда она приходила на работу.

А «любимая воспитательница», наказав малыша, забыла о нем. Ребенок, простояв босыми ногами на кафельном полу в туалете, замерз (дело было зимой). От холода и страха ожидания черта, он сел на корточки и заплакал. Услышав плач, воспитательница ворвалась в туалет, резко подняла малыша на ноги и велела стоять, не двигаясь. А сама отпросилась пораньше с работы и ушла домой.

Когда я пришла за сыном, ребенка не смогли найти. Прибежала заведующая. Долго искали малыша, нако-

нец, нашли его в туалете, замерзшего, перепуганного. Он даже говорить не мог, только дрожал и стучал зубами. Взгляд был блуждающий, дикий. И снова мальчика пришлось лечить от пневмонии и испуга.

Воспитательницу Марину решено было уволить. Она явилась к нам домой. Не прощения просить, нет. Она просила вступиться за нее: ведь, по ее мнению, ничего особенного не произошло. Мало ли что бывает, когда работаешь с детьми...

НА ВЕРЕВОЧКЕ

Районная стоматологическая конференция закончилась в пять часов вечера. Распрощавшись с коллегами, мы с подругами сели в мой «Запорожец» и направились домой. Погода солнечная, дорога – ровный асфальт. Транспорта почти нет, вдоль дороги ровным забором тянутся деревья. Небо голубое-голубое, настроение отличное. Едем – делимся впечатлениями, рассказываем друг другу разные истории.

За разговорами не заметили, как небо покрылось тяжелыми темными тучами, они опустились и низко нависли над землей. Страшный гром, молния, и вот уже обрушился проливной дождь.

Вдруг одна из моих подруг-пассажиров, тоже шофер-любитель, кивнула на приборную доску:

– Смотри-ка, у тебя зеленая лампочка загорелась, масла нет.

Выбираюсь под дождь, вытащила щуп. Масла меньше половины, а сколько нужно до критической отметки – не помню.

Подруги говорят:

– Это опасно, сгорит двигатель. Надо кого-нибудь остановить...

Выхожу на дорогу, пытаюсь остановить машины. Они бегут мимо, только грязью окатывают. Вышла одна из коллег, очень красивая. Улыбается встречным водителям, рукой им машет, как старым знакомым, – никакого эффекта. Да и правда, какой дурак захочет в такую погоду из машины выходить?

Вдруг возле меня затормозил огромный грузовик. В кабине рядом с водителем – хорошенькая девушка, говорит водителю:

– Что там случилось? Иди, помоги!

Водитель ко мне:

– Что случилось-то?

– Масло кончилось...

Водитель без лишних слов вытащил трос, привязал нас к своей машине, и мы тронулись.

Едем быстро. Нашу машину, как игрушечную, швыряет из стороны в сторону, лобовое стекло так забрызгало грязью, что стеклоочиститель не справляется, впереди не видно ничего. Такое ощущение, что сейчас мы непременно перевернемся. Мои пассажирки кричат криком, а одна уже рыдает. Я открыла боковое стекло, высунулась, чтобы хоть что-то увидеть, и тут мне прямо в лицо прилетел огромный комок грязи из-под колес нашего «спасителя». Казалось, дороге не будет конца. Словом, эти полчаса ужаса показали нам вечность.

Но вот, поравнявшись с автобазой, грузовик остановился. Водитель вышел из кабины и вдруг увидел нас, грязных, с испуганными лицами, которые мы пытались оттереть вытащенными из сумок медицинскими халатами. Машина наша из зеленой превратилась в

черную. Шофер открыл рот и вдруг начал истерически хохотать. Смех был какой-то неестественный, явно, нервный.

– Ну и ну! Я ведь совершенно забыл, что вас прицепил. Как это вы еще не перевернулись? Пришлось бы мне оказывать первую помощь врачам. Я ж ехал со скоростью 100 – 120!

И, явно чувствуя свою вину, сказал:

– Ну, дайте-ка посмотреть, что случилось с вашей машиной...

Влез под капот и, еще раз оглядев нас, сказал:

– Да-а, бабы и есть бабы, хоть и врачи! Вашего масла еще на десяток поездок хватит. А вот угробить вас я мог запросто...

Он отцепил трос, с нежностью глянул на свою пассажирку и осторожно, бережно вкатил свою огромную машину в ворота автобазы.

СТРЕСС

О том, что бык – животное очень опасное и страшное, многие слышали и читали. Но одно дело знать об этом понаслышке, и другое – встретиться с этим непредсказуемым зверем лицом к лицу (вернее, к морде) – никому не пожелаю. Мне пришлось столкнуться с быками дважды, и второй раз я едва осталась в живых.

В доме, где я росла, всегда была корова, которая ежегодно одаривала нашу семью бычком или телочкой. С детства мы ухаживали за ними и считали их добрыми, даже беззащитными домашними животными.

Однажды утром мама послала меня в магазин за хлебом. Мне семь лет. Магазин через три дома, по нашей

стороне улицы. Я купила хлеб и медленно иду домой, отщипывая на ходу теплые корочки. Навстречу мне так же медленно идет небольшой бычок красного цвета. Поравнялись. Вдруг бычок разворачивается, прыжком настигает меня, прижимает к забору и начинает чувствительно бодать своими едва выглядывающими из головы маленькими рожками.

Вначале я даже не испугалась, это было похоже на игру. Но он вдруг боднул меня так, что хлеб выпал у меня из рук, и он наступил на него ногой. Толчки становились все сильнее. Тут я по-настоящему испугалась, закричала и заплакала. Выскочили соседи, прутот отхлестали и отогнали бычка, а меня проводили домой. С тех пор я старалась не общаться с чужими бычками.

Прошло много лет. Мой сын Андрей с женой Таней и моей внучкой Лерочкой жили в военном городке на станции Белая. Как-то Таня заболела, сын был в командировке, и меня попросили посидеть с внучкой. Я взяла отпуск и приехала. Мы с Лерочкой целыми днями гуляли по окрестным полям, подходили к пасущемуся стаду коров. Лерочке все хотелось погладить коровку, но я откладывала на «следующий раз».

Через несколько дней вернулась из больницы Таня, ее привезли родители, жившие тоже в Иркутске. Чуть позже подъехал и Андрей. Накрыли стол, посидели по семейному. Можно было и уезжать. Я спросила свою сватью Тамару Петровну, не найдется ли у них места в «Волге», на которой они сюда приехали. Место есть, ответила она, но им еще нужно ехать по каким-то делам.

Было уже 9 вечера. Поезд до Иркутска уходил через полчаса. И я пошла на вокзал. Дорога до станции недалённая и приятная – узкая тропинка ведет через

пшеничное поле прямо от военного городка. Погода была прекрасная, солнце еще стояло высоко, золотом отливала пшеница, стрекотали кузнечики, порхали бабочки. Я в красном сарафане, с легкой сумочкой с удовольствием шла по тропинке, поглядывая на часы. До отхода поезда оставалось пять минут, вокзал был уже рядом. «Еще и билет успею купить», – подумала я.

И вдруг услышала громкое: «Ух! Ух! Ух!»

Я оглянулась. Наперерез мне, метрах в 50, не бежал, а летел стрелой огромный черный бык. Он летел явно ко мне, и так страшно горели его налитые кровью глаза, что я, не помня себя, рванула к вокзалу. На пути у меня, перед платформой чернела огромная куча свежего, еще теплого шлака. Уже не оглядываясь, но чувствуя за собой шумное сопение, я взлетела на четвереньках на вершину кучи и кубарем скатилась с нее прямо на платформу. Здесь стояла толпа, и поезд уже подходил. Я первая вскочила на подножку и вбежала в вагон. И только потом выглянула в окно. Огромный бык стоял на вершине кучи, нервно перебирая ногами. Его черная спина ярко блестела в свете заходящего вечернего солнца, он дрожал, глаза налились кровью, изо рта на шлак стекала белая пена.

Я заплакала. Соседка усадила меня напротив себя и спросила:

– Это он?

Я кивнула, не в силах говорить.

– Считайте, что вы родились сегодня второй раз...

Полтора часа, пока шла электричка, я, онемев, тупо смотрела в окно. Руки и ноги, которые я ободрала шлаком, саднили, лицо и платье были черные от золы. В Иркутск мы прибыли затемно, и только тут я спохватилась, что потеряла сумочку. Я медленно сошла на

платформу и побрела ночными переулками домой. Страха от пустых темных улиц я не испытывала, тот, пережитый ужас был сильнее. Явившись домой, я своим видом испугала семью.

Уже в постели меня начало трясти, зуб на зуб не попадал. Успокоительное не помогало.

Теперь, когда я вижу коровье стадо, у меня начинает подергиваться уголок правого глаза. Память о той страшной встрече.

СИЛА ДУХА

Ветер бушевал всю ночь. Рыхлые комочки снега облепили темное стекло окна, будто кто-то нарочно, играя в снежки, набросал их сюда. В комнате общежития две железные кровати, стол, около двери вешалка с занавеской. Далеко за полночь.

«Пить...», – шепчут сухие губы разметающейся в постели девочки. Другая девочка, склонившись к постели, маленькой ложечкой подает воду, подтыкает одеяло.

Две недели назад она вот так же сидела у постели умирающей матери, а теперь – Галя, ее единственная сестренка. «Если и ее не будет?» – ужас охватил Шуру. Она прикоснулась щекой к пылающему личику сестренки и шептала: «Галя, Галя, ты меня слышишь?». К утру девочка уснула, и Шура задремала на стуле. Проснулась внезапно, вспомнила вдруг – у нее сегодня экзамен. Посмотрела на сестренку – та крепко спала. До отхода электрички 20 минут. Надо ехать, она кормилица в семье. И Шура поспешила на электричку. В хорошую погоду она, легкая и тоненькая, с белоснежными локонами по плечам, любила бегать этой прямой и красивой дорогой.

Но сегодня бежать было трудно: ветер дул в лицо, снег слепил глаза. На виадуке услышала объявление: «До отправления поезда осталось две минуты». Ступеньки скользкие, но надо успеть. Вот уже обледенелые поручни, ледяная ступенька электрички... Резкий порыв ветра будто столкнул ее, маленькую и невесомую. Потом огромное колесо перед глазами, белый-белый снег, красные пятна и испуганные лица людей.

...Около кровати сидели двое в белых халатах: мужчина и женщина. Запах лекарств. Больница. «Зачем? Почему? Что с Галей?». Вдруг заныли пальцы на ампутированной ноге, захотелось подняться и прикрыть их концом одеяла, но вдруг почувствовала, что нет руки. В ужасе расширились глаза, холодный пот выступил на бледном лице. И опять глубокий обморок. Шура еще не знала о глубине своего несчастья.

Много дней, то ненадолго приходя в себя, то теряя сознание, она преодолевала смерть.

Осознав случившуюся с ней трагедию, Шура приняла решение: жить не буду. Она отказалась принимать пищу и лекарства, отворачивалась к стене, когда приносили обед. Через несколько дней в дверях палаты появилась маленькая девочка в непомерно длинном халате. Она бросилась к Шуре: «Мамочка, Шурочка, пойдем домой! Мне плохо без тебя, скорей выздоравливай. Я теперь буду каждый день к тебе приходить».

Она разжала свой маленький кулачок и поднесла к губам Шуры половинку пряника – всё, что нашла самого сладкого и вкусного в их доме ведь шла война. Потом чай. Шура не могла отказать сестренке и сделала несколько глотков. Так Галя кормила ее каждый день. И Шура поняла, что обязана жить ради этой маленькой девочки.

Через два месяца ей разрешили садиться. Вначале это казалось невозможным. Невероятной силой воли она заставляла себя это делать. Потом училась вставать на одну ногу, опираясь на единственную руку. Ампутация высокая, протез невозможен. Вот уже и костыль. Падая, расшибаясь, она вставала, кусая до крови губы. Снова и снова училась, делая шаг за шагом. Вот преодолела палату. Праздник! Через месяц – коридор! Через полгода она самостоятельно вышла к машине, увозившей ее из больницы.

Надо растить сестренку. И Шура пошла работать, продолжая заочно учиться. Её умные, серьезные курсовые работы вызывали восхищение педагогов. С первого до последнего дня учебы её знания оценивались только на «отлично».

Окончен институт, получена высокая должность, выросла сестренка. Её научные статьи публикуются в специальных журналах. На семинарах главных бухгалтеров, специалистов со всей области, она выступает с докладами, учит своих коллег. Очень строгая, требовательная, деловитая и неприступная на работе, она тонкий, чуткий, добрый человек в быту. Любит и знает музыку, помнит наизусть все сколько-нибудь оригинальные стихи. От нее первой можно узнать новинки поэзии. Считает своими наших заводских поэтов и писателей. Скажет любовно: «Что-то Любочка Сухаревская давно не пишет».

А здоровье? Усилим воли и терпением преодолевая боль, она научилась ходить на работу и с работы пешком, опираясь одной рукой на костыль, заменяющий вторую ногу. Одной рукой она научилась чистить картошку, месить тесто, стряпать пироги, стирать, гладить.

А какие картины вышивала! Прижимая пальцы грудью к стене, она вышивала и гладью, и крестом, а потом дарила работы на память друзьям. А какой она друг!

Она вырастила сестру, а потом ее детей. Когда у Гали родилась дочка, как умело Шура с ней нянчилась. Она не могла взять ребенка на руки, но так разговаривала с ней, лежащей в кроватке, что трехмесячная Ирочка, слушая ее, улыбалась и никогда не просилась на руки.

А погибла Шура до обидного нелепо: от укола, плохо поставленного медицинской сестрой.

ЖЕНЯ ЕЩЕ ЖИВОЙ!

Как-то зимой в субботу мой старший сын Женя, ему тогда было лет 20, и младший, шестилетний Андрюша, поехали на дачу покататься на лыжах. Обычно Женя занимался слаломом а Андрюша катался с горки на санках.

Они затопили в доме печь, поставили чайник и пошли через замерзшую гору на высокую гору. Когда Женя летел с горы, одна из лыж неудачно повернулась на трамплине, и Женя с размаха врезался в дерево. Удар оказался сильным, и Женя потерял сознание. Маленький Андрюша, не видя никакой помощи вокруг, не зная, что делать, стал снегом натирать лицо брату. Женя застонал. Андрюша связал лыжи и санки, помог Жене забраться на санки и вывез на тракт. И тут увидел, что над их дачей идет дым. Что делать? Там пожар, тут – раненый брат.

В это время на тракте показалась машина, плачущий мальчик поднял руку. Машина, на счастье, оказалась медицинская. Женю уложили на носилки, и тут Андрюшка, захлебываясь от слез, показал водителю на

дым: «Это наша дача горит!» Водитель, добрый человек, заехал на дачу. Зашли в дом. Оказалось, горят мокрые рукавицы, оставленные на плите – было больше дыма, чем огня.

Старшего брата доставили в Шелеховскую больницу, и Андрюша стал просить помочь дозвониться домой.

Я подняла трубку и с ужасом услышала:

– Мама, Женя еще не умер, приезжайте скорей в больницу!

А затем мужской голос, видимо, врача: У вашего сына серьезная травма, приезжайте быстрее».

Когда мы приехали, Женя лежал весь бледный, тяжело дышал. Были вызваны хирурги, взяли анализы на скрытую кровь – нет ли внутреннего кровотечения. Женя пробыл в стационаре три недели – обнаружались переломы ребер, множественные ушибы.

Теперь, когда нам хочется сказать о чем-то очень серьезном, но не напугать, мы говорим: «Не волнуйтесь. Женя еще живой».

ДАЧНЫЙ ПАЦИЕНТ

Вторую неделю ждали тепла, а дождь все лил и лил. Но вот он, кажется, начал затихать и уже мелкими ручейками стекал по окнам дачи. В огороде мокро, холодно, неуютно, нос не хочется высовывать из дома. Старый мой пациент, теперь выполняющий в дачном поселке обязанности электрика, постучал в дверь:

– Обедаете? Извините, – и собрался уходить. Я остановила его:

– А что случилось? Проходите, пообедаем вместе.

– Нет, у меня такое дело. Бывший наш председатель дачного кооператива сильно заболел, десять дней уже не принимает пищу, глушит боль водкой. Он назвал мне фамилию, и я сразу вспомнила молодого спортсмена и красавца, активного организатора нашего дачного коллектива.

– А что с ним?

– Да все лицо распухло, болит зуб. Домашнее лечение не помогает, а ходить он не может. Если позволите, мы его к вам привезем.

– Да что вы, пойдете, я посмотрю.

Я собрала все, что смогла найти на даче: пинцет, зеркало, зонд, перекись водорода, йод и специальные стоматологические препараты.

Мы медленно шли по грязной дороге, сапоги вязли в слякоти. Я представляла его таким, как помнила давно: энергичный, деловой, он организовал в дачном поселке спортивную площадку, теннисный корт, пытался провести спортивные состязания дачников. Сначала все загорелось, но тут созрела клубника, выросли огурцы, помидоры, потом все углубилось в строительство домиков. Строили кто как мог и из чего мог. У него был самый красивый двухэтажный дом, ухоженный огород, цветник. Мы ходили «подглядывать», как его жена выращивает цветы. Я всегда восхищалась такими умельцами.

Подшли к даче. Калитка была открыта. Теплица в огороде стояла полуразрушенная, там, где были красивые клумбы – набирала цвет картошка. В дверях дома стоял на костылях худой старик с опухшим лицом. Я хотела спросить: «А где больной?», но жена опередила меня.

– Вы, наверное, нас не узнали? Вы вот тоже изменились...

Да, в другом месте я не узнала бы прежнего красавца. Впрочем, наверное, и он не узнал бы меня.

Он осторожно проковылял к креслу, сел. Губы у него слиплись, левая щека опухла, глаз закрыт. Я положила лекарство, успокаивающее боль, с трудом удалось открыть рот. Оказалось, у больного «проелись» коронки и, как кольцо, опустились вниз, под слизистую десны: видны были только верхние концы режущего края. Десна распухла, гнойные выделения. Я надела перчатки и пыталась подцепить пинцетом и зондом край коронки, он не поддавался.

Я понимала, что несмотря на анестезию пациенту больно. У него на лбу выступил пот и потек по лицу. Никакими усилиями я не могла вытащить коронку: зуб, на который она была надета, был очень подвижным. Удалять коронку вместе с зубом не хотелось.

С меня тоже потек пот. Я сняла перчатки и погрузила ноготь указательного пальца вглубь десны, зацепила коронку ногтем и потихоньку вытащила протез. Глубокую кровоточащую рану промыла струей из шприца, обработала, наложила лекарство. Оставила лекарство для последующего лечения и собралась уходить. И вдруг жена пациента остановила меня вопросом:

– Сколько стоит ваша услуга?

Я опешила. Таких вопросов никогда не задавали врачам нашего поколения, честно исполняющим клятву Гиппократа. Я удивилась:

– Что это с вами?

– Да теперь все берут. А тут вы и пришли сами, и лекарство оставили...

Больной попытался встать, чтобы проводить меня, но пока мы вели беседу, он, уставший от бессонницы и боли, крепко уснул.

Возвращалась я одна. Вечерело, дождь закончился. Меня остановил другой сосед по даче.

– Вы меня помните? Вот он, рубец, который вы мне оставили на память, спасая мою жизнь. Спасибо Вам».

Что может быть выше этой награды для настоящего врача?

СЛУЧАЙ В ДОРОГЕ

Ежегодно, в день гибели сына – военного летчика-испытателя Андрея Чурсина – мы с мужем и старшим сыном Евгением в полночь выезжаем на своем «Жигуленке» в поселок Каменка, что находится в 500 километрах от Иркутска, не доезжая Улан-Удэ. В эту поездку мы выехали позже обычного и только в четыре часа вечера подъехали к обелиску на горе в центре поселка. И сразу очень расстроились: обелиск «общипан», все, что можно сдать на металлолом, ободрано. Прочно стоят только фундамент и крыло самолета, да и то частично разобранные. Сын спас поселок и экипаж при падении вертолета, но сам погиб. Между прочим, ставили этот обелиск такие же летчики-испытатели, как мой сын.

Мы задержались у памятника, возвращались, когда уже вечерело. Зашли в местную администрацию, хотели побеседовать об этом с начальством. Но к первому лицу нас не допустили, а «барышня», представившаяся, «замом» вызывающе грубо заявила: «Мне что, взять винтовку и караулить этот памятник?» Настроение совсем испортилось. Уже стемнело, когда мы, пустившись в обратный путь, доехали до Посольска. Дорога

здесь идет вдоль байкальского берега, местность гористая, крутые повороты. Место для ночевки постарались найти поспокойнее, подальше от цивилизации, где гремела музыка – подступы к берегу заняты частниками-капиталистами. Поставили палатку, поужинали и легли спать. В полночь, только все успокоилось, слышим душераздирающий крик: «Помогите! Девушка умирает!» Мы выскочили из палатки. Возле нас на четырех мотоциклах, по 3-4 на каждом, сидели парни и девушки. У одной из женщин из раненой головы текла по лицу кровь. Одежда тоже была залита кровью. Ее сосед, парень, ладонью пытался зажать место травмы на голове, но кровь текла у него между пальцами. «Дайте что-нибудь завязать ей голову! – кричал он в панике. Парни, сидящие на других мотоциклах, возбужденно требовали вернуться и наказать виновных.

Я попросила посветить мне. Направили на раненую девушку свет фар от нашей машины и мотоциклов. Я осмотрела девушку – на голове рваная рана, обильное кровотечение. Прежде всего, надо было остановить кровь. Девушка кричала: «Мне тянет лицо, вымойте глаза!»

В нашей аптечке в машине всегда есть маленький стерилизатор со стерильной хирургической иглой и ниткой. Я водкой обработала рану возле правого виска. Девушка не реагировала на боль. Удалось наложить три шва без иглодержателя, тугую давящую повязку. Кровь остановилась. Труднее оказалось отмыть лицо от запекшейся крови. Девушка, наконец, открыла глаза, но не могла понять что с ней и по-прежнему твердила: «Умойте меня».

Похоже, ее спутники, молодые люди, тоже не понимали серьезности обстановки, и когда я сказала, что

нужно срочно везти раненую в здравпункт, они отвечали: «Сначала разберемся с виновниками, потом поедем в Улан-Удэ, у нас в поселке медицины нет». Мы все-таки убедили их, что нужно ехать в поселок и вызвать «скорую помощь». Утром, отправившись домой, мы видели следы крови на дороге, ведущей в поселок..

Вернувшись домой, я несколько раз пыталась дозвониться до больницы или поликлиники, в которую могла обратиться девушка. Но телефоны не отвечали. А я еще долго думала о том, чем кончилась эта дорожная история.

НА ЯЗЫКЕ ПАЦИЕНТОВ

Диагноз в поддельном больничном листе: «Разлом правой фланги правой ноги»

Звонки в поликлинику:

- Мне дайте врача по зубам.
- Соедините меня с нервным врачом.

Из жалоб пациентов:

- У меня санки заболели, корный зуб ноет, и корм жевать не могу.
- У меня лытка болит.
- Меня стегно беспокоит.
- Направьте меня на ирген...
- Я пришла к вам с животом.
- Я бы удалил зуб, да машинка слабовата, инфаркт был.
- У меня санки развалились, зуб дал копотти.
- У меня главкама глаза.
- Где с мочевым пузырем врач принимает?

- У меня болеет прогалище.
- Я пришла опух лечить.
- Мне бы зуб выдрать с уколом.
- Теперь посттравматический остелеит (посттравматический остеомиелит) пришел.

Стоматолог говорит пациентке: «Наденьте бахилы и садитесь в кресло». Больная натягивает пластмассовый сапожок на голову, растерянно смотрит на второй: «А этот куда?»

ДЕФИЦИТНАЯ ПРОФЕССИЯ

Бойкая пожилая женщина, ярко одетая, без стука решительно вошла в мой кабинет, без приглашения плюхнулась на стул и заговорила:

– Эта вы объявлению нацарапали? Вам синитарочка нужна?

Образование у меня нету, но ценность моей профессии понимаю вполне. Сколько раз в неделю у вас приходиться работать? Каждый день? Ну, это вы бросьте. У получку не можем ну дня три приходиться, а може, неделю...

– А что, вы выпиваете?

– А кто ж ее, окаянную, не пьеть? Рази телехвонный столб, да и то, потому что стаканы вверх дном перевернуты. А сколько мыть? У стоматологов? Это зубные-то? Да у них людишки-то ревут, а у меня нервы слабые. А потом плюются – как это – пливательницы? У меня брызгливость есть, это уж их врачи пусть убирают или сподручные. Вот убираться, може, раз в неделю смогу вырваться, так, сполоснуть. Я опеть же в магазине споласкиваю, казенный туалет мою – там приработок больше.

А у вас порядок завести надобно, калидор большой у полуклиники, пущай больные разубауются, грязь не таскають, пол не марають.

Перчаткы мне казенны резиновые, руки мне беречь надобно. Обувку казенну тож ба.

Ну, а питанью как? Бесплатно? Казенно? Ну, разберемса, найдем дорогу к начальству. С собою питанью носите? Тогда приносите что поболе и получше.

Говоришь, мыть мало? Не скажи, а впрочим, не смотри, что ты врач, где возьмешь тряпку и сама подотрешь, полезно, не переломисся. Он ты в два раза жалованья больше получаешь, и трудиться должна больше. А я уж если потружусь, дак ты горячего с устатку, лучше спиртиком, девяносто шесть градусов. Усе поняла?

Чо ты говоришь? Уволишь, если прогуляю? Да куды ты денесся? Вас-то, урачей, опусти руку, и на все пять пальцев урачы вцепются. Это мы дефицит, а вас, как нерезаных собак... Поняла?

ЗУБЫ-ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

В клинику Тамара Ивановна, женщина лет шестидесяти, пришла на примерку «зубного мостика» в третий раз. Старый мостик сняли: заболел зуб, на котором была коронка. Зуб совсем разрушился, его удалили. Оставшиеся зубы тоже были повреждены коронками.

Новый протез никак не хотел садиться на место. Требовалась его подгонка. Доктор пошёл за инструментом. По возвращении он протеза во рту не обнаружил. Искали протез долго, всей бригадой клиники. Не нашли. Решили, что пациентка его проглотила. Отпустили её домой и предложили следить за тем, когда протез «выйдет». Больная звонила каждый день: «Не

выходит». На четвёртый день она почувствовала боль в грудной клетке, появился сильный кашель, отхаркивание кровью. Её осмотрели и решили: протез большой, где-то застрял. И снова велели: ждите...

На пятый день у больной поднялась температура, и пациентка сама попросила направить её на рентгеноскопию. На этом настояла её подруга, врач-оториноларинголог. Пошли к хирургу. Сделали флюорографию грудной клетки, обнаружилось какое-то затемнение в легком, но врачу-рентгенологу было некогда описать снимок.

Совсем отяжелевшая пациентка села на стул в хирургическом кабинете, сказав: «У меня нет сил, помогите мне».

Хирург сам отправился в рентгенкабинет, и когда по его настоянию внимательно рассмотрели снимок при специальном освещении, оказалось, что протез лежит в легком, наполовину закрывая вход в бронхи.

Срочно вызвали «скорую помощь», отвезли больную в областную больницу, и там под общим наркозом извлекли из её лёгкого зубной протез.

Больная две недели в тяжелейшем состоянии находилась в стационаре и половину срока – в реанимации.

Пациентка лечилась в парадонтологическом кабинете. Во рту у неё оставалось всего шесть зубов. Она очень бережно к ним относилась, почти не используя их при приёме пищи.

Однажды она пришла с жалобой, что зуб сам куда-то исчез. Стали ждать – может, выйдет...

Прошла неделя. Больная начала кашлять каким-то сухим, раздражающим кашлем. Врач направил её на рентгеноскопию грудной клетки. Рентгенолог обратил

внимание, что в левом лёгком больной наблюдается плотная тень, напоминающая форму зуба. Сделали снимки. Оказалось, что в ткани легкого каким-то образом устроился первый нижний центральный резец.

Пришлось прибегнуть к хирургическому вмешательству.

Немолодая интеллигентная женщина попросила проконсультировать её:

У меня из щеки растёт зуб подвижный и натирает мне щёку.

Больная добавила, что у неё после этого ощущается особая сухость во рту.

Поздновато для роста зубов, – говорю я.

При осмотре оказалось, что из слюнного прохода околоушной слюнной железы видно инородное тело серого цвета, подвижное. При небольшом напряжении удалось извлечь из слюнного протока крупный камень- оксалат размером 0,5x1,5 см, плотный, с очень ровными краями и гладкой поверхностью. Дело в том что в выводных протоках слюнных желез так же, как в желчном пузыре, в почках, могут образовываться камни. Вот и пришлось его удалить. Восстановилось нормальное слюноотделение, и о «новом подвижном зубе» больше не вспоминали.

ЖЕЛУДОК С ГВОЗДЯМИ

Два раза в неделю я работала по совместительству «на зоне» – в тюрьме.

Привели на приём больного: могучий, с кудрявой рыжей бородой, весь в веснушках. Он жалобно говорил непонятные слова, показывая, как ребёнок, на язык. При осмотре оказалось, что язык у него распух,

не вмещается в полость рта, неподвижен. В корне языка большая, грязная, кровоточащая рана. Я предположила злокачественную опухоль, начала лечить. Сделала назначения. Через день рана увеличилась.

Больной стонал и не позволял прикасаться к себе. На следующий день, в воскресенье, свой выходной день, я пришла навестить больного. Оказывается, ночью его увезли в хирургию с диагнозом «Острый живот». Прооперировали. В его желудке оказались ключи, ржавые гвозди и даже монеты.

Больной симулировал злокачественную опухоль в расчёте на досрочное освобождение. Тогда это было довольно широко распространено.

Полостной хирург пригласил меня посмотреть рентгеновский снимок. На фоне однородного рисунка поверхности желудка чётко выделялся обыкновенный ртутный градусник, применяющийся для измерения температуры тела.

Оказывается, пациентка решила измерить температуру полости рта градусником (термометром), а он неожиданно соскользнул в пищевод. Удаление ртутного термометра должно проводиться очень осторожно, чтобы не разлить ртуть. Операция проводилась долго, с особой тщательностью, всё окончилось благополучно.

МАЛЕНЬКИЙ ПОПУТЧИК

Как-то в музее авиазавода ко мне подошел очень видный сидящий мужчина с открытым взглядом:

– Вы меня не помните?

Я смутилась – мало ли у меня было пациентов – всех упомнить невозможно. Но сознаваться не хотелось. Он сам вывел меня из затруднения:

– Конечно, вы не можете помнить, столько лет прошло... И рассказал такую историю.

– Много лет назад мы ехали с вами в одном поезде, в плацкартном вагоне, в одном купе. Я со своими родителями, мне было тогда лет десять, а вы – с мужем и сыном, таким же, как я. Ехали мы в Москву. У меня накануне поездки разболелась нога, но я скрыл это от родителей, иначе они не взяли бы меня с собой. Но в поезде нога разболелась сильнее, я уже не мог терпеть и ночью застонал. Мама услышала, осмотрела ногу и обнаружила на подошве большой нарыв. У меня поднялась температура. Решили на следующей большой остановке сойти с поезда и обратиться в больницу.

И тут ваш муж сказал, обращаясь к вам: «Посмотри, может, можно помочь?»

Вы осмотрели мою ногу, велели мужчинам открыть бутылку с водкой, достали какую-то хорошенькую сумочку. Я увидел маленькие ножницы, какие-то блестящие пилочки. Только повзрослев, я понял, что это был маникюрный набор. Папа щелкнул зажигалку, вы прокалили ножницы. Я с ужасом следил за этими приготовлениями, но старался не показывать, что боюсь. Потом вы вскрыли упаковку с бинтом, отрезали кусок, смочили его водкой и обмыли мне подошву. Меня уложили на лавку, и я даже не заметил, как вы разрезали ножничками мой нарыв. Помню, что потекло что-то горячее, с неприятным запахом.

На ночь мне привязали к ранке какую-то траву, которую сорвали во время остановки у дороги.

В эту ночь я спал крепким сном, боли сразу все прошли. В Москве я ни разу не вспомнил о своей болячке. Зато всегда вспоминаю вас с благодарностью и мысленно желаю вам добра.

ПАПИНЫ «ЗАБАВЫ»

Мальчика лет шести привела ко мне в кабинет пожилая женщина. Уши ребенка через голову были перевязаны белым платком в горошек, с одной стороны на месте уха на повязке проступала кровь. Мальчик плакал, не давая дотронуться до больного места.

– Что случилось? – обратилась я к женщине.

– Понимаете, точно не могу сказать. Но знаю, что отец у них вечно пьяный, гоняет семью, а этой ночью приезжала «скорая» и милиция. Милиция увезла отца, а «скорая» – девочку, его сестренку. Мальчик спрятался, а утром постучал ко мне, вот я и привела его к вам.

Разговорить ребенка удалось с большим трудом. Бледный, перепуганный, он едва выговаривал слова. Оказалось, мама лежит в больнице, отец пришел домой пьяный. Четырехлетняя девочка, сестренка мальчика, попросила есть.

«Ну, давай руку», – сказал папаша. Девочка доверчиво положила руку на табуретку, и пьяный отец отрубил ребенку несколько пальцев. Брат подошел утешить сестру, и отец отгаскал его за ухо до крови.

– Мне было больно ухо. Сестренка плакала. Но мы боялись папу. Когда он уснул, мы постучали в стенку. Соседи вызвали врачей и милицию, а я спрятался.

Я уговорила мальчика снять повязку. Кровотечение уже прекратилось, но мочка оказалась надорвана, и ушную раковину пришлось подшивать.

Мама в это время, как выяснилось, родила в роддоме еще одну сестренку.

ТРЕГУБКА

Однажды ко мне на прием пришла хорошенькая девушка, школьная пионервожатая. Наташа, так звали девушку, попросила меня посмотреть зубы – она чувствует неприятный запах. Я обнаружила больной зуб и стала лечить его. На третье посещение поставила пломбу, сняла камни, и она поделилась со мной своей радостью: из Германии после войны возвращается ее парень. Она дружила с ним, но перед войной его взяли в армию. Он прошел всю войну, а затем служил еще два года. Переписывались, он писал ей почти ежедневно. И вот настал день встречи. Перед встречей она на минутку забежала к нам, ухоженная, нарядная, и поехала на вокзал. Больше всего Наташа боялась, как встретит ее его мать.

Мы не видели ее неделю. И вдруг Наташа приходит заплаканная, жалкая. И рассказывает. Молодой человек повел ее знакомиться с матерью. Та холодно осмотрела девушку и потом заявила сыну: «Да она же трегубка, посмотри, у нее верхняя губа тройная». Парень рассказал об этом Наташе и перестал с ней встречаться. Ей рассказали, что в этот вечер он на танцах был с ее подругой.

Нам захотелось помочь этой славной девушке. И мы с Дией Кирилловной, посоветовавшись, решили сделать ей косметическую операцию. Я хоть и ассистировала в институте нашему замечательному косметологу, но самостоятельно оперировала впервые. Нарисовала химическим карандашом участок, который надо удалить,

наметила серединку (уздечку) и иссекла этот лишний кусочек слизистой. Операция эта довольно кровавая, делала я ее на обычном стоматологическом кресле в субботу. Наложили ей кетгуттовые швы, повязку и пошли проводить домой. Приказали два дня не есть и не снимать повязку. Волновались очень. Когда сняли повязку, губа была еще отекая, но очень красивая. Через неделю Наташа пошла на танцы. Весь вечер танцевала с другим парнем, а Володя ухаживал за ее подружкой, и они вскоре ушли. Подходя к дому, Наташа увидела Володю – он ждал ее. «Ну что это мама выдумала – у тебя такие красивые губы»... И попросил у Наташи прощения. Мать тоже удивилась, когда снова увидела невесту сына: померещилось ей, что ли? Они поженились, и живут счастливо вот уже 30 лет.

А сегодня такие губы, с которыми пришла ко мне Наташа, вошли у молодых девиц в моду – для этого они тоже делают операции, но уже другие.

ИСПОРЧЕННЫЙ ПРАЗДНИК

Вот и наступил последний осенний месяц – ноябрь.

Впереди четыре выходных дня, а главное праздник – День народного единства. Решили компанией провести на природе. Четвертого ноября, после обеда, прибыли на трех машинах на берег реки Олхи. День безветренный, разожгли костер, определили шампуры с шашлыками, начали быстро вынимать из рюкзаков бутерброды, колбасу, огурцы и прочее.

В течение часа всё определилось, и назначенный тамада объявил начало праздника. Каждый определился с шашлыком и рюмочкой и в честь праздника прокричали трижды – ура! ура! ура!

Быстро начали расправляться с шашлыками и вдруг обратили внимание, что Борис молчит, у него испуганное лицо и носовым платком он закрывает рот.

– Что случилось, заболел зуб?

Он молчит.

– Почему молчишь?

Борис убрал платок и все увидели, что у него широко открыт рот и изо рта тихонько подтекает слюна..

– Челюсть сломал?

Молчит.

Когда девушки подошли поближе увидели, что челюсть как-то не много вроде висит изо рта.

Перелом?

Он мотает головой «нет», а сказать не может. Тогда были знающие специалисты (у него мама врач) предположила, что это вывих. В ответ ему знатоки объявили, что вывих бывает в одну сторону. Попробовали его выправить. Старался каждый пока Борис не застонал от боли.

Решили, что половина останется здесь, а часть ребят поеду в ближайший населенный пункт, где есть стоматологическая служба

Приехали в Шелехов. Служба есть, а стоматолога нет. Праздник. Поехали в Иркутск. Все платки, которые собрали мокрые заехали в аптеку. Купили салфеток, они намокают быстро. Борис молчит, но чувствуется что ему больно.

Заехали в клинику на Лапина молодая врач стоматолог активно усадила Бориса в кресло и начала резкими движениями «качать челюсть». Это продолжалось минут пять. Вспотела врач, вспотел пациент. Наконец она сказала « У Вас очень сложный случай может, придется делать операцию» и направила в Солнечный мик-

рорайон, может быть там будут хирурги. В Солнечном дежурила ортопед и с приятной улыбкой сказала: «сделать новую челюсть я могу, а вот вправить это не по моей специальности».

Решили, ехать во второй Иркутск и по дороге один из молодых людей сказал, что у его мамы есть подруга старый врач, она не работает.

Но лет пятнадцать назад она вправила вывих отцу, пойдем прямо к ней. Борис уже раскис, у него кружилась голова и при виде врача он вспомнил все муки, которые пришлось перенести. на него напала нервная дрожь.

Врач рассадил компанию, а с Борисом ушла в другую комнату. Привычным движением она легко и безболезненно поставила двойной вывих на место и со смехом вывела его к ребятам. Он попил чаю и все ушли.

Часа через два опять звонок. Пациент явился в прежнем виде. Врач не подсказала что зевать, широко открывая рот нельзя. Она снова вправила челюсть, туго перевязала платком челюсть, завязав бантик на макушке.

Больше пациент не возвращался. Праздник был испорчен, но трое ребят узнали новое в медицине.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЖИТЕЙСКИЕ ИСТОРИИ	
Две судьбы	4
Валя	11
Не встретились	16
Я не узнала его имени	49
Командировка	52
Ночная прогулка	58
Гуси	61
Десять лет счастья	64
«Забудь моё имя!»	69
Нет статьи в законе	75
Однажды осенью	78
Отцовство	84
Суженый	97
Военное детство вити	101
Новоселье.	107
Андрейкино горе	110
Соседка	114
Шарыжалгай	117
Дачный роман	122
Семейная история.	129
ЗАПИСКИ ВРАЧА 137	
Нам не было и семнадцати...	137
Не будешь задаваться.	140
Курица.	142
Все, что можешь	144
Розы за спасение.	147
Случай с инкассатором	152

Лучше без трубочки	155
Беззубый или зубастый?	156
«Зуб даю! Даже два!»	158
Илиас	162
Как боролись с вибрацией.	164
Гемофилия	168
Сердечная рана	171
Каждому – свое	172
Картошка	174
Операция на дому.	177
Защита провинциалки	178
Не тот зуб.	188
Поменялись диагнозами.	189
А можно было спасти.	192
Наказание	193
На веревочке	196
Стресс	198
Сила духа	201
Женя еще живой!	204
Дачный пациент	205
Случай в дороге	208
На языке пациентов	210
Дефицитная профессия	211
Зубы-путешественники	212
Желудок с гвоздями	214
Маленький попутчик.	215
Папины «забавы»	217
Трегубка.	218
Испорченный праздник	219

Елизавета Никитична Родина

ЖИТЕЙСКИЕ ИСТОРИИ

Рассказы

Издательство «Оттиск».
Лицензия ЛР № 066064 от 10.08.1998.
Подписано в печать 28.11.2016 г.
Формат 60x84 1/32.

Отпечатано в типографии «Оттиск»
Гарнитура MinionPro.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 7,5. Уч.-изд. л. 13,0.
Тираж 100 экз. Заказ № 301.
664025, г. Иркутск, ул. 5-й Армии, 26.
Тел./ факс: (3952) 34-32-34, 241-242.
E-mail: ottisk@irmail.ru
www.ottisk-irk.ru